

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

2 (32)

2022

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2022 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Егоров В.Н. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук

Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук

Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Карпович О.Г., Гришанов А.А.</i> Внешнеполитическое наследие администрации Трампа	6
--	---

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Черепов А.В.</i> Наемничество как один из инструментов интрузивной политики США в Латинской Америке и Карибском бассейне	23
<i>Золотухин В.В.</i> Наука и инновации как опора экономики стран – членов ЕАСТ	36
<i>Гарбузарова Е.Г.</i> Особенности внутривосточного развития стран Центральной Азии на современном этапе	54
<i>Сатарова Э.А.</i> Эволюция отношений между Кыргызстаном и Ираном	67
<i>Усманов Р.Х., Гулиев О.Э.</i> Коллективная безопасность Каспийского региона: современные вызовы и угрозы устойчивому развитию	89
<i>Копытцев И.С.</i> Конфликт в Тиграе: потенциалы, ограничения и тактики сторон	102

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Борцов Д.В.</i> Эволюция экономической дипломатии с древних времен до конца XX века	128
<i>Цибенко В.В.</i> Интернационализация черкесского вопроса в британской и французской прессе (XIX – начало XX в.)	158

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Жильцов С.С.</i> Роль России в становлении мультиполярного мира	178
<i>Гаврилова С.М.</i> Партийно-политическая система Европейского союза	189

К сведению авторов.	200
--------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021).

- 5.2.5. World economy;
- 5.5.2. Political institutions, Processes, Technologies;
- 5.5.4. International relations;
- 5.6.7. The history of international relations and foreign policy.

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2022 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)
Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)
Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsyvk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2022
© Page make-up. «Kvant Media», 2022

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Oleg Karpovich, Anton Grishanov.</i> The Foreign Policy Legacy of the Trump Administration	6
---	---

REGIONAL PROBLEMS

<i>Anton Cherepov.</i> Mercenarism As One of the Tools of US Intrusive Policy in Latin America and the Caribbean	23
<i>Vasily Zolotukhin.</i> Science and Innovation As the Pillar of the EFTA Member States	36
<i>Elena Garbuzarova.</i> Features of the Internal Political Development of the Central Asian Countries at the Present Stage	54
<i>Eliana Satarova.</i> Evolution of Relations Between Kyrgyzstan and Iran	67
<i>Rafik Usmanov, Orhan Guliev.</i> Collective Security of the Caspian Region: Current Challenges and Threats to Sustainable Development	89
<i>Ivan Kopyttsev.</i> Conflict in Tigray: Parties` Potential, Limits and Tactics	102

HISTORY AND RELIGION

<i>Dmitry Bortsov.</i> Evolution of Economic Diplomacy from Antient Times to the End of the XX Century	128
<i>Veronika Tsibenko.</i> The Internationalization of Circassian Question in the British and French Press (19th – early 20th Century)	158

ACADEMIC LIFE

<i>Sergey Zhiltsov.</i> The Role of Russia in the Development of a Multipolar World	178
<i>Svetlana Gavrilova.</i> Party-Political System of the European Union	189

Notice to the authors	200
------------------------------------	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
профессор, проректор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor, Vice-Rector,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

Гришанов Антон Александрович,

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник ИАМП,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Anton A. Grishanov,

PhD (Political Science),
Leading Researcher of the Institute of Contemporary International Studies,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: a.grishanov@dipacademy.ru

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ АДМИНИСТРАЦИИ ТРАМПА

THE FOREIGN POLICY LEGACY OF THE TRUMP ADMINISTRATION

Аннотация: в статье рассмотрены долгосрочные итоги деятельности Д. Трампа на посту президента во внешнеполитическом контексте. Основной акцент сделан на несбалансированности и стихийности принятия 45-м американским лидером решений вследствие в том числе конфликтов в его команде. Описаны ключевые фракции в администрации, осуществлявшие влияние на Трампа. Проанализированы последствия его шагов для диалога США с КНР и Россией, а также для ситуации на Ближнем Востоке. Авторы делают вывод, что администрация 46-го президента США Дж. Байдена во многих отношениях была вынуждена воплощать в жизнь курс, предпосылки которого сформировались еще при его предшественнике.

Ключевые слова: внешняя политика США, администрация Д. Трампа, американо-китайские отношения, российско-американские отношения, Ближний Восток.

Abstract: the article addresses long-term consequences of D. Trump's actions as the President in the foreign-policy context. Lack of balance and spontaneity of the decision-making process as a result of, among other issues, factional divisions in his team are hugely emphasized. Key factions in the administration that have influenced Trump are described. Consequences of his steps for the US-China and US-Russia dialogue and the Middle East are analyzed. The author comes to a conclusion that the administration of the 46th US President J. Biden is mostly reluctant to implement the course, that was preconditioned by his predecessor.

Key words: US foreign policy, Trump administration, US-China relations, US-Russia relations, Middle East.

Введение

Период президентства Д. Трампа во многих отношениях стал одним из самых турбулентных и нестандартных в новейшей американской истории. 45-й хозяин Белого дома еще на стадии предвыборной кампании декларировал намерение кардинально переформатировать политическую жизнь страны и впоследствии это обещание сдержал, прежде всего во внутренней политике. Одной из «фирменных» составляющих его стиля и риторики стало обращение к ценностям «одноэтажной Америки», больше сосредоточенной на своих повседневных проблемах и мало интересующейся окружающим миром [14]. В этих условиях внешнеполитические установки Трампа долгое время оставались непонятными значительной части наблюдателей и даже многим представителям из окружения президента. На первый взгляд его подход к мировым делам отдавал хаотичностью и оппортунизмом. Однако за такой беспорядочной и вроде бы лишенной логики линией поведения скрывалась своя система координат. Наследие Трампа очертило рамки, в которых вынуждена была начать свою работу администрация Дж. Байдена; его составной частью стало в том числе нарастание напряженности в Европе, вылившееся в украинский кризис. При этом Трамп позиционировал себя в качестве «вестника перемен», трансформировавшего американскую внешнеполитическую повестку, хотя он сам оказался заложником решений предыдущих президентов. В итоге он внес немалый вклад в усугубление проблем, которые были характерной чертой постбиполярного миропорядка, и в активацию заложенных ранее мин замедленного действия.

«Сделаем Америку снова великой»

Восприятие Трампом международных отношений в силу отсутствия у него должного бэкграунда сложно увязать с традицией американской политической мысли. Тем не менее, уже рассматривая его шаги, можно провести косвенные параллели, как минимум, с двумя знаковыми периодами истории Соединенных Штатов. Во-первых, это «ревущие двадцатые» прошлого века [10] — последнее десятилетие полноценного абстрагирования США от масштабного участия в формировании международной повестки дня. Отказавшись от внешнеполитических завоеваний и глобалистского настроения администрации В. Вильсона, его преемники — У. Гардинг и К. Кулидж — сделали ставку на экономическую экспансию в ущерб претензиям предшественника на лидерство в сложившейся после Первой мировой войны системе международных отношений. Даже после Великой депрессии 1929 года адепты изоляционизма сохраняли существенное влияние в американской политике вплоть до начала холодной войны, когда новые реалии окончательно вытеснили их на обочину истории. Во-вторых, можно вспомнить период президентства Р. Рейгана [19]. Именно он начал активно использовать популяризированный Трампом лозунг «Сделаем Америку снова великой» [5]. Рейган проводил линию на отстаивание национальных интересов даже вопреки возражениям союзников и представлениям об этике поведения на мировой арене; некоторое время он недвусмысленно заигрывал и с угрозой ядерной конфронтации с СССР. Его подход, выраженный через призму его наступательной доктрины, на первой стадии негативно сказался на имидже США за их пределами, но в итоге ознаменовался распадом соцблока и моральным поражением Москвы в блоковом противостоянии.

Трампа нельзя назвать классическим изоляционистом. Он не отказывался от претензий Вашингтона на мировое доминирование, но целью этого доминирования видел не отстаивание неких абстрактных общечеловеческих ценностей, а защиту ценностей национальных, прежде всего экономических. Наследником Рейгана он тоже в полной мере не являлся. Его взгляд на глобальные проблемы и девиз «Мы отвергаем идеологию глобализма и провозглашаем идеологию национализма» [30] едва ли подходили администрации Рейгана, проповедовавшей

именно ценностное противостояние Советскому Союзу в глобальном масштабе. В итоге 45-й президент стал апологетом своей собственной, так и не «положенной на бумагу» внешнеполитической доктрины, которая базировалась на сочетании разных подходов, и адаптировал ее к массовым народным чаяниям времен очевидного кризиса американского лидерства. Как отметил один из его советников по национальной безопасности Дж. Болтон, Трамп практически все решения принимал исходя не из долгосрочного планирования, а из их потенциального влияния на рейтинг и перспективы переизбрания [3].

Внутренняя кухня администрации Трампа

Подобно другим малоопытным президентам, Трамп с первых дней пребывания в Белом доме оказался под влиянием своих советников, пытавшихся так или иначе направить его позицию по ключевым вопросам в нужное им русло. С такой ситуацией сталкивались многие: например, Дж. Картер, Р. Рейган, Б. Клинтон и Дж. Буш-младший. У каждого из них не было компетенции в вопросах внешней политики на момент избрания, но опыт работы губернаторами и опора на истеблишмент и партийные кадровые ресурсы позволяли довольно быстро обрасти квалифицированным окружением, которое в свою очередь принималось так или иначе манипулировать президентами. Трамп еще во время избирательной кампании успел противопоставить себя представителям так называемого глубинного государства, к которым он относил и большинство соратников предыдущих лидеров страны, включая республиканцев. Многие из них в свою очередь публично выступили с осуждением кандидатуры Трампа и стали, с его точки зрения, персонами нон грата в Белом доме. Таким образом, внешнеполитический блок администрации в основном формировался из числа лично близких к новому президенту персоналий и фигур, так или иначе не вовлекавшихся в его баталии с однопартийцами в 2015—2016 годы. На первоначальной стадии его единственным опытным соратником стал генерал М. Флинн, бывший глава Разведывательного управления Министерства обороны, перешедший после увольнения из Пентагона на крайне правые позиции. В январе 2017 года он занял пост советника по национальной безопасности. Однако совершенные

самим Флинном ошибки наряду с усилиями руководителей ключевых спецслужб (с которыми у него сложились напряженные отношения [12]) привели к его быстрому увольнению (меньше, чем через месяц после назначения). В самой администрации началось ускоренное формирование фракций, борющихся за расположение Трампа.

В окружении Трампа условно можно выделить несколько групп, которые в разные периоды усиливались и ослабевали в зависимости от эмоционального состояния и приоритетов президента в области международной политики и национальной безопасности.

К первой и самой яркой относились сторонники внешнеполитического национализма [28], принципа «Америка прежде всего», настаивавшие на выполнении предвыборных обещаний Трампа в том, что касается более наступательного противостояния с Китаем, ограничения миграции из Латинской Америки и исламских стран, самодостаточного, без оглядки на союзников, позиционирования на мировой арене, полного отказа от глобалистской парадигмы. Ключевой фигурой этой линии стал главный политический стратег Белого дома (член Совета национальной безопасности) С. Бэннон, которого на заре президентства Трампа журнал «Time» назвал вторым по влиятельности человеком в мире [7]. Он претендовал на роль идеолога администрации, в том числе главного инициатора антикитайского курса, отчетливо проявившегося уже к середине 2017 года. Бэннон, в окружение которого вошли представители команды Флинна, пытался максимально радикализовать стратегию администрации через инициирование торговой войны с КНР и максимальное ужесточение иммиграционной политики. Под давлением руководства Республиканской партии и вследствие личного охлаждения к нему со стороны президента он был уволен через полгода после прихода в администрацию. В то же время многие его единомышленники продолжали работать в окружении Трампа, в частности архитектор иммиграционной политики С. Миллер и главный идеолог антикитайского направления, советник президента П. Наварро. Упрощенное и ориентированное на популярность у базового электората видение мира, характерное для этой фракции, было присуще самому 45-му президенту, что сказалось на его риторике.

Глобалисты vs националисты

С «националистами» конкурировала фракция «глобалистов» [27]. В основе мировоззрения последних лежала приверженность идее приоритета экономических интересов над идеологическими, свободной безбарьерной торговле, урегулированию острых международных споров через сделки. Неформальным лицом данной группы стал зять и советник президента Дж. Кушнер, который еще до присяги Трампа выполнял его первые дипломатические поручения. Наследник империи недвижимости Кушнер, как и его супруга И. Трамп (также получившая в Белом доме должность советника), не обладал политическим опытом и быстро поразил наблюдателей дилетантским подходом к делу [12], в том числе к доверенному ему урегулированию палестино-израильского конфликта. Он сохранил доступ в ближний круг тестя до конца его президентства, однако с уходом из администрации своих союзников — экономического советника Г. Кона и заместителя советника по национальной безопасности Д. Пауэлл — растерял прежнее влияние и сконцентрировался на узких вопросах, таких как ближневосточные проблемы и отношения с Мексикой. Тем не менее сам бизнес-ориентированный подход «глобалистов» был фирменной чертой позиционирования Трампа, не раз говорившего о готовности разорвать гордые узлы мировой политики через искусство заключения сделок.

Особенности американского истеблишмента

Американский истеблишмент, отодвинутый в сторону, основные надежды возлагал на фракцию «реалистов», или, как их саркастично окрестили в прессе, «взрослых в комнате» [6]. К ним относили, прежде всего, пришедших из непартийной, аполитичной среды управленцев-технократов: экс-главу компании «ExxonMobil», госсекретаря Р. Тиллерсона, министра обороны генерала Дж. Мэттиса, министра внутренней безопасности и впоследствии главу аппарата Белого дома генерала Дж. Келли и второго советника по национальной безопасности генерала Г. Макмастера. Своими целями представители этой группы видели: сдерживание эмоциональных порывов президента во внешней политике; саботаж его несистемных решений, таких как охлаждение отношений с союзниками по НАТО, выход из «иранской

ядерной сделки» (СВПД) и вывод войск из Афганистана; общее следование в русле американской политической традиции; верность устоявшимся военно-политическим альянсам. Период доминирования данной фракции продлился недолго в том числе из-за попыток «реалистов» сорвать выполнение предвыборных обещаний президента. Макмастер, Тиллерсон, Келли и Мэттис были последовательно отправлены в отставку. В то же время в значительной мере в силу их влияния Трамп отказался от таких идей, как всерьез рассматривавшийся им выход из НАТО [24], и не стал до окончания своего срока полностью выводить войска из Афганистана.

Республиканцы в управлении страной

Отдельную роль в администрации играли немногочисленные выдвиненцы руководства Республиканской партии, которые в какой-то момент были введены Трампом в ближний круг для снижения уровня конфликтности в отношениях с партийными лидерами. Среди них были вице-президент М. Пенс, его близкий друг и союзник, директор Национальной разведки Д. Коутс, постпред США при ООН (с «министерским» статусом члена кабинета) Н. Хейли, а также М. Помпео, возглавлявший ЦРУ, а затем — Госдепартамент. Все они пытались адаптировать риторику и импульсивный стиль президента к воплощению в жизнь партийных установок, в частности в том, что касалось скорейшего отказа от обязательств по СВПД, безоговорочной поддержки Израиля, жесткого курса в отношениях с Россией. В силу наблюдавшегося в самой Республиканской партии крена в сторону популизма в форме «трампизма» общая зависимость президента от своих системных соратников быстро начала ослабевать. Единственным исключением стал Помпео, умело комбинирующий приверженность, с одной стороны, партийным установкам, а с другой стороны, предпочтениям Трампа и обретший статус безусловного фаворита в его окружении. Именно с подачи Помпео во второй половине президентства Трампа пост министра обороны занял однокурсник госсекретаря М. Эспер, а пост четвертого советника по национальной безопасности — другой его протеже Р. О’Брайен. Отношения Трампа и партийных ставленников на протяжении всех четырех лет принимали характер

странного симбиоза. С одной стороны, республиканцам удалось предотвратить его слишком радикальный отход от курса партии, а с другой — сам президент смог добиться ее значительной радикализации и навязать ей свое популистское видение, в том числе в вопросах внешней политики.

«Вашингтонское болото»

Несмотря на нежелание Трампа опираться на соратников предыдущих президентов, которых он относил к «вашингтонскому болоту» [13] и «глубинному государству», в его команде на определенном этапе серьезное влияние обрели бывшие соратники Дж. Буша-младшего и Д. Чейни. Лидером этой группы стал третий советник по национальной безопасности Дж. Болтон, с подачи которого команда Трампа принялась воплощать на практике характерные для неоконсерваторов идеи, например демонтаж системы контроля над вооружениями и поддержку смены режимов в недружественных странах, в частности в Иране и Венесуэле. К его единомышленникам можно отнести получивших назначение в Госдепартамент М. Биллингсли (спецпредставитель по контролю над вооружениями), Э. Абрамса (спецпредставитель по Венесуэле и, позже, по Ирану) и Дж. Джеффри (спецпредставитель по Сирии), а также, с оговорками, державшегося особняком дипломата З. Халилзада (спецпредставитель по Афганистану). После увольнения Болтона осенью 2019 года Трамп вновь выступил с критикой наследия команды Буша-мл. — Чейни [22].

Таким образом, ни на одном из этапов президентства у 45-го лидера США не было четкой сплоченной команды, которая воплощала бы в жизнь его идеи. На протяжении первых трех лет его окружение раздирали противоречия, а отдельные представители пытались навязать президенту порой диаметрально противоположные подходы к международным делам. Только ближе к 2020 году в связи с резким усилением позиций М. Помпео начали проступать контуры некоей единой стратегии (в разной мере представлявшей комбинацию подходов всех упомянутых групп). Пандемия COVID-19, внутренний кризис на почве расовых волнений, слушания по импичменту и новая предвыборная кампания помешали Трампу четко сформулировать, раскрыть и воплотить

в жизнь свои внешнеполитические приоритеты в том виде, в котором это делали его предшественники.

Наследие администрации Трампа

Трамп пришел к власти в тот момент, когда американское лидерство в мире впервые за четверть века не представлялось непоколебимым. Стремительный рост экономического, политического и военного потенциала Китая быстро привел к широким дискуссиям сначала в экспертной, а затем и в политической среде о необходимости сдерживания амбиций Пекина. Неизбежность будущей борьбы за сохранение Америкой доминирующей роли в большей части регионов мира была ко второй половине 2010-х годов очевидной всему американскому политическому классу независимо от партийной ориентации. Вопрос состоял лишь в том, каким путем Вашингтон будет осуществлять эту работу. Трамп выбрал наиболее прямолинейную и не учитывающую многие существенные нюансы стратегию. С одной стороны, он максимально поднял ставки и придавал нарастанию конфронтации крайне мощный темп. С другой стороны, ради сосредоточения всех ресурсов США на китайском направлении попытался уменьшить вовлечение страны в ближневосточные (и афганские) дела, в которых Вашингтон увяз уже в начале 2000-х годов. Действуя во многом интуитивно, Белый дом пытался расколоть союз России и Китая, демонстрируя готовность в очередной раз «перезагрузить» отношения с Москвой. На каждом из треков — китайском, ближневосточном и российском — подобного рода условный план воплотить в жизнь не удалось в силу его изначальной наивности, некомпетентности и радикальности многих сотрудников администрации, упомянутого фракционного раскола. Следствием этого стала хаотизация мировой политики.

Наиболее существенным, но и негативным оказался эффект, произведенный деятельностью Трампа на американско-китайские отношения. Диалог США и КНР деградировал на протяжении всего второго срока президентства Б. Обамы, однако от прямой конфронтации Вашингтон и Пекин воздерживались, осознавая, насколько разрушительными могут быть ее последствия для мировой политики и экономики. В окружении Трампа растущее влияние синофобов в первое время уравнивалось прагма-

тизмом сторонников более взвешенного подхода. Сам президент неоднократно говорил о намерении заключить с КНР обоюдовыгодную сделку [18], которая была бы способна решить все проблемы в двусторонних контактах. Однако уже в начале второго года своего президентства он подписал указы, положившие начало торговой войне двух стран. Обмен протекционистскими ударами должен был завершиться подписанием «первой фазы торговой сделки» в январе 2020 года. Однако к этому моменту конфронтация вышла за пределы экономической плоскости. Сторонники антикитайского разворота в американской политике сумели придать конфликту идеологическую окраску, хотя сам Трамп неоднократно говорил о своем восхищении председателем КНР Си Цзиньпином [25] и не проявлял интереса к вмешательству во внутренние дела страны.

Тем не менее в конце срока правления представители администрации, включая Помпео и Пенса [29], принялись насыщать официальную риторику всё более жесткими выпадами против Пекина, поднимая уйгурский вопрос, тему беспорядков в Гонконге и территориальные конфликты в Южно-Китайском море, а также требуя от КНР взять ответственность за пандемию коронавируса. Отношения двух стран с 2019 года быстро скатились к противостоянию, которое сказалось на дипломатии США в отношении других стран. Одним из последствий нарастающего напряжения стал коллапс усилий Трампа по урегулированию конфликта с КНДР. Пекин в новых условиях был просто не заинтересован подталкивать Северную Корею к дополнительным уступкам США [23]. С подачи Вашингтона в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который в американских документах начал трансформироваться в «Индо-Тихоокеанский» [9], также началось противостояние.

Сила инерции

Сила инерции привела к тому, что уже следующая администрация оказалась не в силах свернуть с конфронтационного пути. С одной стороны, многолетняя «накрутка» общественного мнения, кульминацией которой стала ситуация вокруг пандемии, позволила четко сформировать у избирателей образ нового геополитического врага № 1 [15]. С другой стороны, торговая война пошатнула позиции прокитайского лобби, годами набиравшего

влияние в американской внутренней политике. К тому же активная агитация США за вступление в антикитайскую коалицию привела к охлаждению отношений Пекина с другими региональными игроками, особенно с Индией и Австралией. В публичной сфере и в ходе прямых переговоров Вашингтон продолжил оказывать на китайских визави давление, в том числе по внутривнутриполитическим вопросам. Одновременно антикитайские блоки в Азии, начавшие оформляться при Трампе, при Байдене сформировались в сеть военно-политических альянсов, в центре которых оказался новый трехсторонний пакт AUKUS. Возможность столкновения двух стран из-за проблемы Тайваня, которая во времена Б. Обамы рассматривалась аналитиками-энтузиастами на теоретическом уровне, стала одним из главных вопросов Белого дома. Если Китай и США, по выражению известного политолога Г. Эллисона, всегда были «обречены на столкновение» [20], то Трамп явно ускорил процессы нагнетания взаимного напряжения.

45-й президент довел до логического завершения «разворот на Азию» [16], провозглашенный его предшественником. Б. Обама неоднократно заявлял о стремлении уделять больше внимания отношениям с КНР, отказавшись от «бесконечных войн» в Афганистане и Ираке и от чрезмерного сосредоточения на ближневосточном регионе, однако в итоге втянул США, хоть и в меньшем масштабе, в конфликт в Сирии, поучаствовав в дестабилизации Йемена и Ливии. Из многочисленных проблем так называемого Большого Ближнего Востока, к которому в Вашингтоне относят еще и Афганистан, Обама сумел внести серьезный вклад лишь в урегулирование иранской ядерной проблемы.

Трамп совершенно иначе отнесся к достижению практически той же цели. Он с первых месяцев обозначил намерение передать решение региональных проблем, по сути, на аутсорсинг региональным игрокам — Израилю и Саудовской Аравии, с лидерами которых у него и его ключевого представителя по данному вопросу Дж. Кушнера были выстроены близкие, доверительные отношения. Кушнеру, действовавшему совместно с помощником президента Дж. Гринблаттом и послом Д. Фридманом (все трое были известны многолетним произраильским настроем и связями с премьер-министром Б. Нетаньяху [17]), тень поручил выработать так называемую сделку века, которая якобы должна была

положить конец палестино-израильскому конфликту. Этот разрабатывавшийся втайне документ появился лишь под занавес президентства Трампа и представлял собой попытку подкупить палестинцев обещанием масштабной экономической помощи (из неясных источников [26]) в обмен на существенные территориальные уступки и отказ от ряда принципиальных претензий. При этом не учитывались ни внутривнутриполитический раскол в автономии, ни историко-религиозные предпосылки конфликта. План был отвергнут палестинцами.

Этот специфический дипломатический ход был призван легализовать в глазах «арабской улицы» процесс установления дипломатических отношений Израиля с ОАЭ (а также с Бахрейном и Марокко) через подписание так называемых Соглашений Авраама, которые нередко называют главной внешнеполитической победой Трампа [2]. Соглашения лишь формализовали давно наблюдавшуюся разрядку в диалоге между двумя странами. Их символическое значение состояло в том, что Абу-Даби, хоть и без подписания документов, и их ближайшие партнеры из Эр-Рияда теперь могли без лишних антиизраильских реверансов переключиться на противостояние общему с Израилем и США врагу — Ирану. В результате многолетнего давления на республиканцев со стороны произраильского лобби администрация Трампа, преодолев внутреннее сопротивление со стороны Р. Тиллерсона и Дж. Мэттиса [11], выбрала тактику максимального давления на Иран. Израилю при этом был выдан карт-бланш на активизацию диверсионной деятельности против иранских ядерных объектов и соответствующих специалистов и удары по проиранским формированиям в Сирии, а Саудовской Аравии (которую поддержали в борьбе с другим региональным союзником США — Катаром) — на продолжение разрушительной операции в Йемене и более активное вмешательство во внутривнутриполитические процессы в Ливане. Сами США не только отказались от выполнения СВПД и перешли к значительному усилению санкционных атак против Ирана, но и нанесли провокационный удар по Багдаду, устранив влиятельного генерала К. Сулеймани. В начале 2020 года массированное военное столкновение двух стран было как никогда реально, и лишь в силу сдержанности Тегерана ситуацию удалось разрядить.

Восточный вектор внешней политики США

В целом попытка Трампа форсировать сокращение присутствия США на Большом Ближнем Востоке привела лишь к усилению противоречий, сложившихся в этом регионе. Палестинский вопрос по-прежнему не был решен, и процесс диалога по нему заморожен. Антииранская кампания привела к росту консервативных настроений в этой стране и приходу к власти команды Э. Раиси, а возврат США к СВПД оброс дополнительными условиями, затрудняющими и без того непростые переговоры. Кроме того, всесторонняя поддержка, оказывавшаяся Саудовской Аравии, способствовала усугублению гуманитарной катастрофы в Йемене и обретению Эр-Риядом большей субъектности в региональных делах — попытки команды Байдена вернуть саудитов в статус «младших партнеров» уже не встречают понимания, характерного для «дотрамповского» периода. Саудовская Аравия и Израиль, значительно усилив позиции в годы президентства Трампа, теперь проводят самостоятельную политику, меньше ориентируясь на позицию Вашингтона.

Несмотря на обещание закончить «бесконечные войны», Трамп не смог отказаться от американского военного присутствия в Ираке и Сирии. В Афганистане обещанный Талибану вывод войск обернулся отсроченной катастрофой. Отвергнув исходившие от разных фракций в своем окружении идеи по продолжению оказания военной поддержки афганскому правительству, Трамп безапелляционно утвердил дату выхода, обеспечив талибам стратегическое и моральное преимущество. Администрация Байдена, унаследовав эту проблему, лишь отсрочила вывод войск, но не сумела избежать полноценного коллапса и перехода власти в стране в руки радикальных исламистов. Большой Ближний Восток, до Трампа уже находившийся де-факто в состоянии войны всех против всех, так и не вышел из него.

Россия — США

Уважительная риторика и сигналы о нацеленности на достижение договоренностей с Москвой накануне избрания Д. Трампа настроили многих российских наблюдателей на позитивные оценки. Основным сторонником налаживания диалога с Российской Федерацией в окружении Д. Трампа М. Флинн практически

сразу был, что называется, выведен из игры [1]. Другие члены президентской команды куда более сдержанно смотрели на возможности по преодолению накопившихся при Обаме проблем. Ситуацию обострил скандал с вымышленными тайными связями американского президента с Россией. Одновременно Конгресс предпринимал всё новые попытки обязать Трампа выполнять ранее наложенные на Российскую Федерацию санкции, а попытки заблокировать эти решения были обречены на преодоление президентского вето законодателями.

Влияние оказали сотрудники администрации политолог Ф. Хилл, ставшая куратором этого вопроса в СНБ, и историк У. Митчелл, занявший должность помощника госсекретаря по делам Европы и Евразии. Они относились к числу последовательных критиков Москвы и блокировали позитивные импульсы, исходившие от президента. Украина оказалась отдана на откуп идейному «ястребу», многолетнему соратнику Дж. Маккейна К. Волкеру, который одновременно с работой в администрации продолжал получать зарплату от оружейного лобби, включая производителей поставляемых Киеву комплексов Javelin [4]. Диалог по украинской тематике был в целом сведен к формальному обмену мнениями с Москвой.

Проведенная впоследствии Дж. Болтоном «ревизия» американских договоров в сфере контроля над вооружениями обострила ситуацию. Отказавшись от выполнения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) и поставив под сомнение целесообразность продления Договора по сокращению стратегических наступательных вооружений, команда Трампа сделала ставку на возобновление гонки вооружений в Европе. В этом контексте тема Украины обрела особое значение. Попытка Трампа использовать вопрос поставок оружия Киеву для решения своих внутривластных проблем (получения компромата на сына Дж. Байдена) привела лишь к тому, что дальнейшее насыщение Украины вооружениями стало вопросом принципа для оппонентов президента. В этой ситуации и на фоне слушаний по импичменту само обсуждение вопроса о нейтральном статусе Украины оказалось для Белого дома политически неприемлемым. Дж. Байден унаследовал проблему Донбасса. Одновременно положение дел в области стратегиче-

ской стабильности, особенно крах ДРСМД, существенно повышало риски в контексте возможного использования украинской территории для наращивания военного давления на Российскую Федерацию.

На фоне скандала вокруг так и не доказанных связей Трампа с Москвой сама повестка российско-американских отношений оказалась в руках настроенных на конфликт политических сил. Подготовка к более масштабному противостоянию с Россией превратилась в новую нормальность вашингтонского статус-кво. Все механизмы будущей экономической (и психологической) войны против России были сформированы в Конгрессе на двухпартийной основе как раз при Трампе. Байдену оставалось их только имплементировать. 45-й американский лидер полностью уступил инициативу в этом вопросе «ястребам», столкнувшись с внутртриполитическими рисками.

Заключение

Современный кризис мирового порядка, характерными чертами которого стали нагнетание американско-китайского противостояния, хаос на Ближнем Востоке и фактически новая холодная война США с Российской Федерацией, развивался постепенно. Свой вклад внесли практически все американские лидеры, начиная с Дж. Буша-ст., не сумевшие распорядиться новым статусом страны как «единственной сверхдержавы». Так называемый однопольярный момент в любом случае исторически был обречен прийти к коллапсу. Именно Д. Трамп, осознававший необходимость отказа от имперских амбиций США для более мягкого перехода к полноценной многополярности, значительно ускорил процессы по девальвации американского лидерства. При его преемнике, как показал украинский кризис, Вашингтон всё еще сохраняет лидирующие позиции в сообществе западных стран, однако сплочение союзников по тому же НАТО наталкивается на неприятие со стороны новых центров силы. Более того, даже союзники не могут быть уверенными, что «трампизм» не вернется в американскую внешнюю политику. Бывший президент всё еще сохраняет крайне высокий рейтинг среди своих однопартийцев [7]. Его подходы не отталкивают базовый электорат, а, наоборот, вызывают массовый энтузиазм. Турбулентность бурного

трамповского четырехлетия на фоне стремительного снижения рейтинга демократов еще может вернуться в американскую повседневность, окончательно похоронив и без того иллюзорные надежды местных глобалистов на возвращение былого статуса США в мировых делах.

Литература

1. A timeline of Michael Flynn's contacts with Russia, his ouster and guilty plea // CBS News. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/michael-flynn-timeline-contacts-with-russia-ouster-guilty-plea/> (accessed: 26.03.2022).
2. Abraham Accord and Trump's Middle East achievement / The Diplomatic Affairs. – URL: <https://www.thediplomaticaffairs.com/2020/08/15/abraham-accord-and-trumps-middle-east-achievement/> (accessed: 26.03.2022).
3. Bolton J. John Bolton: The Scandal of Trump's China Policy // Wall Street Journal. June 20, 2020. – URL: <https://www.wsj.com/articles/john-bolton-the-scandal-of-trumps-china-policy-11592419564>.
4. Conflict of interest questions add to scrutiny of Trump's Ukraine envoy // Politico. – URL: <https://www.politico.com/story/2019/09/28/trump-ukraine-kurt-volker-1517874> (accessed: 26.03.2022).
5. Did the 'Adults in the Room' Make Any Difference with Trump? // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/08/29/opinion/james-mattis-trump.html> (accessed: 26.03.2022).
6. Donald Trump Claims Authorship of Legendary Reagan Slogan; Has Never Heard of Google // Rolling Stone. – URL: <https://www.rollingstone.com/politics/politics-news/donald-trump-claims-authorship-of-legendary-reagan-slogan-has-never-heard-of-google-193834/> (accessed: 26.03.2022).
7. *Drehle von D.* Is Steve Bannon the Second Most Powerful Man in the World? // Time. – February 2, 2017. – URL: <https://time.com/4657665/steve-bannon-donald-trump/>.
8. Farewell to Jared Kushner, dilettante staffer // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2021/01/19/farewell-jared-kushner-dilettante-staffer/> (accessed: 26.03.2022).
9. How the U.S. Learned to Stop Worrying About the Pacific and Love the 'Indo-Pacific' // Foreign Policy. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/07/30/biden-pacific-china/> (accessed: 26.03.2022).
10. Isolationism in the Trump Era of 'America First' // New America. – URL: <https://www.newamerica.org/weekly/isolationism-trump-era-america-first/> (accessed: 26.03.2022).
11. Joe Biden's Approval Rating Hits New Low but Matches Donald Trump's: Poll // Newsweek. – URL: <https://www.newsweek.com/joe-biden-approval-rating-hits-new-low-matches-donald-trump-poll-1690879> (accessed: 26.03.2022).
12. *Kitfield J.* How Mike Flynn Became America's Angriest General // Politico Magazine. – October 16, 2016. – URL: <https://www.politico.com/magazine/story/2016/10/how-mike-flynn-became-americas-angriest-general-214362/>.
13. *Miller Z.J.* How Trump Is Restocking the Washington Swamp // Time. – December 26, 2016. – URL: <https://time.com/4606094/trump-washington-swamp/>.
14. Most important problem / Gallup. – URL: <https://news.gallup.com/poll/1675/most-important-problem.aspx> (accessed: 26.03.2022).
15. New High in Perceptions of China as U.S.'s Greatest Enemy / Gallup. – URL: <https://news.gallup.com/poll/337457/new-high-perceptions-china-greatest-enemy.aspx> (accessed: 26.03.2022).
16. The American Pivot to Asia / Brookings. – URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-american-pivot-to-asia/> (accessed: 26.03.2022).
17. The architects behind the US plan for Middle East peace // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2019/6/25/the-architects-behind-the-us-plan-for-middle-east-peace> (accessed: 26.03.2022).

18. The Elusive 'Better Deal' With China // The Atlantic. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/08/china-trump-trade-united-states/567526/> (accessed: 26.03.2022).
19. The Reagans Proves Just How Closely Trump Followed an Old GOP Playbook // Vanity Fair. – URL: <https://www.vanityfair.com/hollywood/2020/11/reagans-showtime-movie-trump> (accessed: 26.03.2022).
20. The Thucydides Trap: Are the U.S. and China Headed for War? // The Atlantic. – URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (accessed: 26.03.2022).
21. Tillerson's dramatic plan to save Iran deal, keep up pressure // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2017/10/03/politics/trump-tillerson-iran-deal-plan/index.html> (accessed: 26.03.2022).
22. Trump attacks 'tough guy' John Bolton, accusing him of pushing for US invasion of Iraq // Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/trump-john-bolton-iraq-war-press-conference-today-a9101716.html> (accessed: 26.03.2022).
23. Trump casts blame on China for North Korea challenges // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2018/08/29/politics/donald-trump-north-korea-war-games-china/index.html> (accessed: 26.03.2022).
24. Trump Discussed Pulling U.S. From NATO, Aides Say Amid New Concerns Over Russia // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/14/us/politics/nato-president-trump.html> (accessed: 26.03.2022).
25. Trump praises Chinese president extending tenure 'for life' // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-trump-china-idUSKCN1GG015> (accessed: 26.03.2022).
26. Trump's 'deal of the century' is no deal at all // The Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2020/01/28/trumps-deal-century-is-no-deal-all/> (accessed: 26.03.2022).
27. Trump's NAFTA reversal confirms the globalists are in charge – for now // New Yorker. – URL: <https://www.newyorker.com/news/john-cassidy/trumps-nafta-reversal-confirms-the-globalists-are-in-charge-for-now> (accessed: 26.03.2022).
28. Trump's White House will be split into two factions – this is bad news for American foreign policy // Independent. – URL: <https://www.independent.co.uk/voices/donald-trump-russia-foreign-policy-split-into-two-a7416696.html> (accessed: 26.03.2022).
29. U.S. insults the world with Pence, Pompeo lies about Xinjiang // CGTN. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-07-20/U-S-insults-the-world-with-Pence-Pompeo-lies-about-Xinjiang-ltDUJMoW88/index.html> (accessed: 26.03.2022).
30. US President Trump rejects globalism in speech to UN General Assembly's annual debate // UN News. – URL: <https://news.un.org/en/story/2018/09/1020472> (accessed: 26.03.2022).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Черепов Антон Викторович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Anton V. Cherepov,

PhD student (Political Science),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: avcherepov@ya.ru

НАЕМНИЧЕСТВО КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ИНТРУЗИВНОЙ ПОЛИТИКИ США В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И КАРИБСКОМ БАССЕЙНЕ

MERCENARISM AS ONE OF THE TOOLS OF US INTRUSIVE POLICY IN LATIN AMERICA AND THE CARIBBEAN

Аннотация: в статье рассматривается участие колумбийских и американских граждан в убийстве президента Гаити Ж. Моиза и попытках покушений на президента Венесуэлы Н. Мадуро, приводятся доказательства связей между участниками и организаторами этих двух операций, а также их личных контактов с официальными представителями США и высшим руководством Колумбии. Анализируются международно-правовые документы, регулирующие использование наемников, предлагаются варианты укрепления профильного международного и регионального сотрудничества. При этом рассматривается политика США в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности методы вмешательства во внутренние дела Венесуэлы, прежде всего с использованием наемников. Особое внимание уделяется угрозам региональной и международной безопасности, исходящим от нарушающих международное право частных военных компаний.

Ключевые слова: Латинская Америка, Гаити, Венесуэла, Колумбия, США, международное право, политика, внешнеполитические интересы.

Abstract: this article discusses the participation of Colombian and American citizens in the assassination of the President of Haiti Jovenel Moise and attempts to assassinate the President of Venezuela Nicolas Maduro, provides evidence of relationships between the participants and organizers of these two operations, as well as their personal contacts with US officials and top leadership of Colombia. The article analyzes international legal documents regulating the use of mercenaries, offers options for strengthening specialized international and regional cooperation. At the same time, the US policy in the region of Latin America and the Caribbean is

considered, in particular, methods of interference in the internal affairs of Venezuela, primarily with the use of mercenaries. Particular attention is paid to threats to regional and international security posed by private military companies that violate international law.

Key words: Latin America, Haiti, Venezuela, Columbia, USA, international law, politics, foreign policy interests.

В радикально изменившемся контексте международных отношений и мировой политики проблематика наемничества приобретает особое звучание. С учетом заметной активности «диких гусей» из стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) в украинском иностранном легионе и вербовочной активности диппредставительств киевского режима в данном регионе требуется, на наш взгляд, дополнительное рассмотрение влияния частных военных компаний на латиноамериканское политическое пространство. В данной статье ставятся задачи изучить наиболее актуальные факты использования наемников в карибском субрегионе для нарушения суверенитета государств и выработать возможные предложения по эффективному противодействию данной проблеме.

Убийство президента Республики Гаити Ж. Моиза стало беспрецедентным международным преступлением в истории Западного полушария, которое вновь высветило явные нарушения международного права со стороны колумбийских и американских частных вооруженных компаний (ЧВК). В соответствии с международным правом¹ это событие отвечает всем условиям «акта агрессии», который включает в себя совершение таких тяжких международных преступлений, как осуществление убийства главы государства и террористического акта посредством использования наемниками финансовых средств, предоставленных организованными преступными группировками.

Данное убийство было запланировано и исполнено при участии двух американских компаний — «CTU Security LLC» и «Worldwide Capital Lending Group». Разработка преступления велась в американском штате Флорида и в Республике Гаити [14], в то время как вербовка наемников в основном осуществлялась

¹ См.: Конвенция ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью; Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма; Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г.; Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, принятая резолюцией ГА ООН 36/103 (XXXVI) от 9 декабря 1981 г.; резолюция 3314 ГА ООН от 14 декабря 1974 г.; резолюция 1373 СБ ООН от 2 октября 2001 г.; резолюция ГА ООН 171 от 16 декабря 2020 г.

в Колумбии посредством групповых сообщений в мессенджерах, распространяемых в сообществе колумбийских наемников, в которое входят офицеры и бойцы сил специального реагирования, ушедшие в отставку из Вооруженных Сил Колумбии и натренированные Вооруженными Силами Соединенных Штатов [9].

Примечательно, что один из участников этого преступления — колумбийский гражданин Франсиско Эладио Урибе, военный в отставке, имеет судимость за осуществление внесудебных казней невинных гражданских лиц. За это в соответствии с колумбийским законодательством ему был запрещен выезд из страны. Тем не менее этот наемник смог получить паспорт и выехать из страны, чтобы осуществить убийство президента Гаити. Данный факт указывает на то, что на определенном управленческом уровне имелся сговор с представителями колумбийского правительства [8]. Уже доказаны личные и политические связи между президентом Колумбии И. Дуке, А. Интриаго («STU Security LLC») и его юридическим представителем А. Сантамарией. Двое последних создали «Фонд Объединенных Латиноамериканцев, Инк.» со штаб-квартирой в городе Майами в целях продвижения положительного образа И. Дуке в штате Флорида. Имеются данные, свидетельствующие об участии вышеуказанных лиц в избирательных кампаниях Республиканской партии. Более того, они были приняты в официальной резиденции Президента Колумбии в Боготе [16]. Весьма значимый момент: один из колумбийских наемников, участвовавших в убийстве Ж. Моиза, является двоюродным братом советника президента Колумбии по национальной безопасности Р. Гуарина.

А. Сантамария и А. Интриаго являются активными сторонниками бывшего президента Колумбии и руководителя правящей партии «Демократический центр» А. Урибе, что ясно говорит об ультраправых политических позициях данных персон и их близости к наиболее консервативным кругам латиноамериканской диаспоры американской Флориды — одного из ключевых штатов США с электоральной точки зрения.

Кроме того, в рамках группы планировавших убийство президента Ж. Моиза действовали лица со связями в службах безопасности и разведки США: первый — осведомитель ФБР [4] А. Претель Ортис, гражданин Колумбии, владелец компа-

нии по обеспечению безопасности «Tactical Consulting Group» и в свою очередь партнер А. Интриаго («CTU Security LLC») в компании «Counter Terrorist Unit Federal Academy LLC»; второй — осведомитель Управления по борьбе с наркотиками (DEA) Р. Джар, гражданин США гаитянского происхождения, переводчик колумбийских убийц в Гаити, известный наркоторговец, который в 2013 году был посажен в тюрьму за преступление, связанное с международной торговлей наркотиками. В обоих случаях работа этих осведомителей завершилась арестом других преступников, связанных с незаконным трафиком наркотиков [5].

Таким образом, убийство президента Гаити стало результатом операции наемных сил, выполненной колумбийскими убийцами, профинансированной из США и спланированной на американской и гаитянской территориях. Государственный переворот, совершенный в результате террористического акта, подорвал конституционный порядок Республики Гаити, что соответствует определению «акта агрессии», установленному резолюцией 3314 ГА ООН от 14 декабря 1974 г.

Убийство президента Гаити стало очередным примером нарушения Устава ООН и невыполнения Вашингтоном и Боготой своих международно-правовых обязательств по невмешательству во внутренние дела суверенных государств. Речь идет о повторении схемы государственных переворотов, терактов и убийств глав государств посредством использования наемников и структур транснациональной организованной преступности, как это уже случалось несколько раз в Венесуэле. В мае 2020 года группа, как минимум, из 60 наемников под командованием трех бывших американских военных с опытом спецопераций в Ираке и Афганистане проникла незаконным образом на венесуэльскую территорию и высадилась на побережье недалеко от столицы страны с целью убить президента Н. Мадуро (операция «Гедеон»). Руководитель группы Дж. Гудро, гражданин США, публично заявил, что цель наемников — захват президента Венесуэлы для свержения законного правительства в соответствии с контрактом, подписанным в штате Флорида между компанией «Silvercorp» и представителями самопровозглашенного президента Венесуэлы Х. Гуайдо, признанного США и Колумбией.

К настоящему времени можно найти некоторую связь между участниками убийства президента Гаити и вышеупомянутой операции. Так, А. Интриаго, владеющий компанией «CTU Security LLC» и причастный к убийству президента Ж. Моиза, участвовал в подготовке «гуманитарного прорыва» венесуэло-колумбийской границы 23 февраля 2019 года [15]. Для его организации и получения финансирования Интриаго в сотрудничестве с известным кубинским экстремистом А. Эскивелем создал и зарегистрировал в Майами компанию под названием «Венесуэла Сомос Тодос, Инк.». Интересным представляется совпадение этого названия с названием якобы благотворительного концерта в колумбийском городе Кукута на границе с Венесуэлой. В эти дни там находился и Дж. Гудро, пытавшийся содействовать отправке «гуманитарной помощи» на грузовиках в сопровождении вооруженных групп, действия которых должны были привести к прорыву госграницы Венесуэлы [7].

Примечательно, что Дж. Гудро публично признал, что подписал контракт с Х. Гуайдо и Х. Рендоном (венесуэльским оппозиционером, проживающим в штате Флорида и известным своими связями с колумбийским наркотрафиком) на убийство президента Н. Мадуро. Дело имеет крайне скандальный характер: Дж. Гудро подал судебный иск к Х. Рендону за нарушение оплаты после провала операции «Гедеон» [10]. В то же время Х. Рендон поддерживает политические связи с А. Интриаго, владельцем компаний «CTU Security LLC» (в случае Гаити) и «Венесуэла Сомос Тодос, Инк.» (в случае Венесуэлы), взаимодействуя в целях продвижения позитивного имиджа президента Колумбии И. Дуке и «врио Президента Венесуэлы» Х. Гуайдо. При этом Х. Рендон вел переговоры с А. Интриаго относительно заключения своей компанией «CTU Security LLC» контракта на убийство президента Н. Мадуро. В конце концов, по рекомендации Белого дома была выбрана компания «Silvercorp».

Другая связь между убийством президента Гаити и операцией «Гедеон» — это базирующаяся в Доминиканской Республике авиаккомпания «Helidosa». На принадлежащем ей самолете Citation Mustang (бортовой номер HI949) из США в Гаити были перевезены организаторы и исполнители убийства президента Ж. Моиза — А. Интриаго, А. Претель Ортис, У. Вейнтемилля и К. Санон

[11]. Тот же самолет HI949 использовался для доставки представителей радикальной венесуэльской оппозиции на переговоры с делегацией правительства Венесуэлы, организованные в 2019 году на о. Барбадос при посредничестве Норвегии. Более того, на этом же самолете на Гаити вылетела вдова убитого президента М. Моиз после лечения ран, полученных во время убийства ее мужа [12].

Об операции «Гедеон» подробно написали К. Стригунов и А. Манойло [2]. Стоит отметить, что в контракте с «Silvercorp» зафиксировано, что ориентировочная стоимость операции в целях убийства президента Венесуэлы составляла 212 млн долл. США. Начальный этап контракта на убийство включал в себя выплату 50 млн долл., и в случае банкротства компании предполагалось, что новое правительство, которое возникнет в результате упомянутого акта агрессии, произведет платежи наемникам сырой нефтью [13]. Планирование и финансирование операции «Гедеон» происходило в США, а база подготовки наемников находилась на территории Колумбии, откуда началась атака на Каракас с использованием оружия, поставленного компанией «High End Defense Solutions» из Флориды (информация о ней в Интернете «зачищена»).

После провала операции Дж. Гудро заявил, что постоянно информировал правительства США и Колумбии обо всех действиях и что план был поддержан высокопоставленными должностными лицами Белого дома [17]. Среди них — К. Шиллер, который на протяжении десятков лет был начальником службы личной безопасности Д. Трампа. Шиллер несколько раз нанимал Дж. Гудро в качестве сотрудника службы безопасности на политических мероприятиях президента США. Именно Шиллер установил контакт между главой американских наемников Дж. Гудро и представителями радикальной венесуэльской оппозиции для проведения операции «Гедеон» [6]. Подтверждено также и сотрудничество с наемниками спецслужб США — ДЕА и ЦРУ, агенты которых неоднократно встречались в Колумбии с участниками операции «Гедеон». При этом наемникам помогали наркокартели, действующие с целью получить новые маршруты для незаконного оборота наркотиков в качестве награды за помощь в свержении правительства Венесуэлы.

На заседании Совета Безопасности ООН 28 февраля 2019 года представители Каракаса выразили осуждение по поводу факта подготовки наемников на территории Колумбии для осуществления вооруженного нападения на Венесуэлу. Наемники публично демонстрировали факт ведущейся подготовки, причем и правительство Колумбии, и правительство США постоянно информировались о количестве задействованных наемников, их оружии и учебных центрах, в которых велась подготовка.

Правительство Венесуэлы сообщило о вышеуказанных фактах в Совет Безопасности ООН за 15 месяцев до вооруженной агрессии в целях убийства президента Н. Мадуро. В сентябре 2019 года на Генеральной Ассамблее ООН Венесуэла внесла повторную жалобу с указанием точного местоположения лагерей наемников. Несмотря на жалобы, представители Колумбии и США заявили об отсутствии какой-либо информации. После провала операции и подтверждения арестованными наемниками информации о базах в Колумбии Венесуэла при поддержке России, Китая и ряда непостоянных членов СБ ООН выносила тему операции «Гедеон» на заседания Совета в мае 2020 года. Однако представители Колумбии и США воздержались от комментариев и ограничились принятием информации к сведению.

Еще одним примером насильственной попытки смещения законного правительства можно считать атаку нескольких беспилотных летательных аппаратов, несущих взрывчатые вещества, во время публичного выступления Н. Мадуро 4 августа 2018 года по случаю 81-й годовщины Боливарианской национальной гвардии. Телохранители немедленно закрыли президента баллистическими щитами, а все дроны были уничтожены. Ответственность за эту атаку взяла на себя группа «Operación Fénix», обусловив теракт участием правительства Венесуэлы в незаконном обороте наркотиков и необходимостью восстановить демократию в стране.

Полагаем важным рассмотреть ситуацию с наемничеством и в других странах ЛАКБ. Всего в настоящее время там действует более 16 тыс. местных и внерегиональных ЧВК, совокупный бюджет которых составляет свыше 1,5 млрд долл. в год. В некоторых государствах количество наемников ЧВК в разы превышает численность полиции (например, в Бразилии — в 4 раза, в Гватема-

ле — в 5 раз, а в Гондурасе — в 7 раз). Всё это приводит к весьма печальным последствиям для безопасности стран. Например, в Колумбии иностранные ЧВК (израильские «Golan Group», «Silver Shadow» и «Spearhead», американские «Dyn Corp», «Kroll'O'Gara» и др.), нанимаемые для охраны частной собственности от повстанцев, всё чаще вступают в конфликт с представителями власти и отказываются им подчиняться под предлогом того, что их нанимателями являются юридические лица, а не правительство. В Чили наемники задействуются в подавлении вспышек недовольства индейцев мапуче в связи с вытеснением последних с исконных земель. В Мексике в последние годы отмечается значительный рост количества не контролируемых властями ЧВК, который способствовал резкому ухудшению криминогенной обстановки. В Сальвадоре, Гватемале и других странах Центральной Америки регистрируются случаи участия сотрудников ЧВК в убийствах и похищениях.

Примечательно, что при рассмотрении Генассамблеей ООН вопросов нарушения наемниками прав человека в контексте права народов на самоопределение Россия последовательно поддерживает резолюции по указанной тематике, в то время как США голосуют «против». При этом Колумбия до 2010 года (включительно) поддерживала указанные резолюции, а позднее воздерживалась при голосовании¹.

Важно подчеркнуть, что использование наемников политически «рентабельно» для государств, которые оказывают воздействие на другие страны, позволяя им скрыть свое участие и/или отрицать свою вину в организации агрессии. В результате эти государства — в рассматриваемых случаях США и Колумбия — допускают безнаказанность лиц, виновных в осуществлении актов агрессии и нарушении международного права.

В связи с этим рассмотрим более подробно интрузивную политику США в ЛАКБ. Во времена президентства Д. Трампа (2016—2020 гг.) Вашингтон стал всё чаще вмешиваться в дела латиноамериканских и карибских государств, объявив приоритетом США в Западном полушарии борьбу с «тройкой тирании» — Кубой, Венесуэлой и Никарагуа. Основной целью Белого дома была

¹ См., например: Резолюции ГА ООН № 71/182 от 19 декабря 2016 г., № 70/142 от 17 декабря 2015 г., № 67/159 от 20 декабря 2012 г., № 61/151 от 19 декабря 2006 г., № 54/151 от 17 декабря 1999 г., № 49/150 от 23 декабря 1994 г.

выбрана Венесуэла, обладающая крупнейшими запасами нефти в мире. При этом после прихода к власти команды Дж. Байдена риторика Белого дома стала гораздо более миролюбивой, однако политика Вашингтона в ЛАКБ осталась неизменной: смещение правительств, проводящих независимую от США политику.

Среди применяемых Вашингтоном инструментов грубого и особо не маскируемого вмешательства в дела Венесуэлы — односторонние принудительные меры (санкции) и делегитимизация законного правительства: публичная поддержка уличных митингов и акций гражданского неповиновения, апофеозом которой стало самопровозглашение Х. Гуайдо «врио Президента»; аккредитация его сторонников в качестве послов Венесуэлы в европейских и латиноамериканских странах; попытка отзыва полномочий венесуэльских делегаций в ООН и других международных организациях и последующая передача представительства Венесуэлы в них оппозиционерам, как это произошло в Организации американских государств и Межамериканском банке развития.

Кроме того, в нарушение международно-правового принципа отказа от силы или угрозы силой США при президенте Д. Трампе задействовали методы военно-психологического давления: направили в Карибское море мощную военно-морскую группу — крупнейшую со времен Панамского кризиса 1989 года, а также постоянно заявляли о готовности к военной интервенции с территории соседних Колумбии и Бразилии для «оказания экстренной гуманитарной помощи и защиты венесуэльцев от диктаторского режима» [15].

Впрочем, попытки американцев по свержению Н. Мадуро сопряжены с трудностями и пока не увенчались успехом с учетом невысокого уровня организации оппозиции в Венесуэле. Непропорциональный ущерб для позиций Вашингтона в ЛАКБ от эвентуального вторжения Вооруженных Сил США в Венесуэлу, видимо, толкает Белый дом к использованию наемников для решения тактических задач борьбы с правительством Н. Мадуро. Как отмечают М. Г. Троянский и О. Г. Карпович, «гибридные войны США в Латинской Америке не приобрели пока столь масштабного и явного характера, как в других регионах мира» [3, с. 183]. В то же время Вашингтон активно использует широкий арсенал «умной силы» для возвращения своей гегемонии над Западным полушарием.

Использование транснациональных преступных структур и наемников для совершения террористических актов и убийства глав государств и правительств, свержения правительств и подрыва основ конституции государств представляет собой явное нарушение Устава ООН. Резолюция 75/171 ГА ООН «осуждает любую форму безнаказанности тех, кто осуществляет наемническую деятельность, а также тех, кто несет ответственность за использование, вербовку, финансирование и обучение наемников, и настоятельно призывает все государства в соответствии с их обязательствами по международному праву передать их без какого-либо различия в руки правосудия» [1].

Отрицание государствами использования наемников, терроризма и организованной транснациональной преступности для нападения на государства — члены ООН способствует созданию атмосферы всеобщей безнаказанности, которая препятствует привлечению к ответственности государств-агрессоров в соответствии с основополагающим Уставом ООН и международным правом.

В связи с этим всё более императивной становится потребность в решении Совбеза ООН о начале расследования упомянутых случаев использования наемников для вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Однако такой ход развития событий абсолютно лишен перспективы. США, будучи постоянным членом Совбеза ООН, продолжают отвергать все доказательства причастности и будут ветировать любые инициативы по расследованию операции «Гедеон», вносимые Венесуэлой или ее союзниками в СБ ООН. Что касается убийства Ж. Моиза, то оперативно-следственные мероприятия, проводимые гаитянскими властями во взаимодействии с ФБР США, вряд ли приведут к каким-либо конкретным результатам.

В целях повышения эффективности профильного взаимодействия государств и их компетентных органов представляется целесообразным принять меры для расширения стран — участниц Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 1989 года, в которой участвуют порядка 30 государств. Россия не подписала и не ратифицировала Конвенцию.

Учитывая позицию России, а также «возраст» и недостаточно представительный круг участников этой Конвенции, государствам, возможно, следует сосредоточиться на разработке в рамках ООН новых международно-правовых документов, регулирующих деятельность ЧВК, а также выработать универсальные правила ответственного поведения государств без политизированных подходов и попыток использовать ЧВК в конъюнктурных политических интересах. Важная составляющая эффективной борьбы с наемничеством — укрепление режима выявления и пресечения каналов его финансовой и материально-технической подпитки. Необходимо также обеспечить эффективное и добросовестное выполнение профильных резолюций ООН.

Запуску такой работы по-прежнему мешают действия США, нацеленные на подмену современной международно-правовой системы неким порядком, основанным на «правилах» и допускающим вмешательство в дела независимых государств. При этом разработка новой антинаемнической конвенции могла бы быть инициирована Группой друзей в защиту Устава ООН, созданной в сентябре 2021 года на открытии 76-й сессии Генассамблеи ООН рядом государств¹.

Еще одним важным направлением противодействия незаконному использованию наемников в ЛАКБ могли бы стать разработка и подписание двусторонних соглашений, включая межведомственные соглашения соответствующих ведомств, а возможно, и выработка профильной региональной конвенции по примеру Конвенции о ликвидации наемничества в Африке (1977 г.). Из приоритетных направлений латиноамериканского сотрудничества — противодействие перемещению наемников, развертыванию ими незаконной деятельности и уходу от ответственности. В нынешнем региональном контексте, во многом поляризованном из-за подходов стран ЛАКБ к разрешению внутривенесуэльских противоречий, начало выработки общерегионального правового документа по проблематике наемничества пока остается вопросом среднесрочной перспективы.

Разумеется, вышеперечисленные шаги по дипломатической линии должны подкрепляться шагами по повышению обороноспособности стран — объектов вмешательства со стороны

¹ Алжир, Ангола, Белоруссия, Боливия, Венесуэла, Иран, Камбоджа, Китай, КНДР, Куба, Никарагуа, Лаос, Палестина, Россия, Сент-Винсент и Гренадины, Сирия, Эритрея.

США, а также по наращиванию взаимодействия специальных служб и финансовых разведок (сбор и обобщение информации, прогнозирование). Кроме того, государствам следовало бы улучшить свое национальное законодательство, в частности установить ответственность за незаконное наемничество и конкретизировать ее, разработать или усовершенствовать международно-правовые режимы, необходимые для предотвращения противоправных деяний наемников.

Таким образом, на территории Соединенных Штатов подтверждается существование структурированной сети, направленной на использование наемников для совершения в целях получения прибыли актов агрессии и других серьезных международных преступлений против третьих государств. Тематика наемничества имеет особое значение в контексте соблюдения принципа невмешательства государств во внутренние дела, закрепленного в Уставе ООН и других авторитетных источниках международного права. В соответствии с ним неконституционная смена власти и насильственное изменение государственного режима при содействии извне недопустимы. Однако всё чаще наемники вербуются и финансируются именно для решения задач такого рода. Созданное боеспособное сообщество позволяет Вашингтону «чужими руками» вмешиваться во внутренние дела латиноамериканских государств, причем не только оппонировавших «северному соседу», но и вполне ему лояльных. США вряд ли откажутся от использования такого выгодного инструмента обеспечения своих интересов и будут содействовать безнаказанности наемников, которые официально не нарушают национальное американское законодательство.

Литература

1. Резолюция ГА ООН 75/171 «Использование наемников как средство нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение». – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N20/371/02/PDF/N2037102.pdf?OpenElement>. (accessed: 06.05.2022).
2. *Стригунов К.С., Манойло А.В.* Стратегия «Шах и мат Мадуро» как исток операции «Геден» // *Международная жизнь*. – 2021. – № 3. – С. 56–71.
3. *Троянский М.Г., Карлович О.Г.* Политика США в Латинской Америке: доктрина Монро 3.0 // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и Мир*. – 2020. – № 2 (24). – С. 176–188.
4. 2 US informants are reportedly among the newest suspects in the assassination of Haiti's president // *The Businessinsider*. – URL: <https://www.businessinsider.com/haiti-president-assassination-us-informants-reportedly-among-suspects-2021-7> (accessed: 05.10.2021).

5. El escurridizo Arcángel Pretelt, otro vinculado al magnicidio en Haití // El Tiempo. – URL: <https://www.eltiempo.com/unidad-investigativa/arcangel-pretelt-el-otro-colombiano-mencionado-en-elmagnicidio-en-haiti-603473> (accessed: 06.10.2021).
6. Ex-Green Beret led failed attempt to oust Venezuela’s Maduro // Apnews. – URL: <https://apnews.com/article/miami-us-news-ap-top-news-venezuela-south-america-79346b4e428676424c0e5669c80fc310> (дата обращения: 06.10.2021).
7. Former US Special Ops Soldier Led Plot to Invade Venezuela: Sources // Venezuela Analysis. – URL: <https://venezuelanalysis.com/news/14859> (accessed: 06.10.2021).
8. Francisco Uribe, implicado en el asesinato del presidente de Haití es investigado por falsos positivos y se había acogido a la JEP en 2019 // AreaNoticias. – URL: <https://twitter.com/AreaNoticiasNS/status/1413582283785871376?s=20> (accessed: 12.09.2021).
9. Grandes sueños y promesas falsas: cómo fueron involucrados los colombianos en el magnicidio de Haití // The New York Times. – URL: <https://www.nytimes.com/es/2021/07/13/espanol/haiti-soldados-colombianos.html> (accessed: 12.09.2021).
10. La demanda contra J. J. Rendón por la Operación Gedeón // El Espectador. – URL: <https://www.elespectador.com/investigacion/la-demanda-contra-j-j-rendon-por-la-operacion-gedeon-articulo/> (accessed: 06.10.2021).
11. La empresa aerea que traslado a los presuntos asesinos // Semana. – URL: <https://www.semana.com/mundo/articulo/la-empresa-aerea-que-traslado-a-los-presuntos-asesinos/202151/> (accessed: 12.09.2021).
12. Plane used by Guaido’s negotiating team for Barbados talks also carried Moses assassins – report // Sputnik news. – URL: <https://sputniknews.com/latam/202107211083426894-plane-used-by-guaidos-negotiating-team-for-barbados-talks-also-carried-moses-assassins-report> (accessed: 12.09.2021).
13. Read the attachments to the General Services Agreement between the Venezuelan opposition and Silvercorp // Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/context/read-the-attachments-to-the-general-services-agreement-between-the-venezuelan-opposition-and-silvercorp/e67f401f-8730-4f66-af53-6a9549b88f94/> (accessed: 06.10.2021).
14. Records reveal how Haitian American held in assassination probe financed a ‘personal security’ team // Washington Post. – URL: <https://www.washingtonpost.com/investigations/2021/07/15/haiti-president-sanon-security-team/> (accessed: 09.09.2021).
15. TIAR: Is Venezuela on the Verge of an Invasion? // Venezuelanalysis. – URL: <https://venezuelanalysis.com/analysis/14605> (accessed: 06.04.2022).
16. Tony Intriago, reclutador de militares-sicarios colombianos, organizó con Iván Duque en 2019 el concierto de Cúcuta contra la narco-tiranía de Nicolás Maduro // La Nueva Prensa. – URL: <https://www.lanuevaprensa.com.co/uribe-el-asesino-que-nos-puso-la-mafia-2/ony-intriago-reclutador-de-militares-sicarios-colombianos-organizo-con-ivan-duque-en-2019-el-concierto-de-cucuta-contra-la-narco-tirania-de-nicolas-maduro> (accessed: 06.10.2021).
17. US Government KNEW about Venezuela coup training camps: ‘DEA source reveals agency told Department of Homeland Security about guns being smuggled to jungle training bases by ex-Green Beret’ // Daily Mail. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8296881/US-Government-DID-know-coup-Venezuela-plot-DEA-Homeland-Security-received-tip-Goudreau.html> (accessed: 06.10.2021).

Золотухин Василий Васильевич,

Третий секретарь,

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Vasily V. Zolotukhin,

Third Secretary,

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: vzolotukhin@mid.ru

**НАУКА И ИННОВАЦИИ КАК ОПОРА
ЭКОНОМИКИ СТРАН – ЧЛЕНОВ ЕАСТ**

**SCIENCE AND INNOVATION AS THE PILLAR OF
THE EFTA MEMBER STATES**

Аннотация: страны — члены Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ) — Исландия, Норвегия, Швейцария и Лихтенштейн — используют науку и инновации для обретения устойчивой конкурентоспособности. При этом цифровизация, предпринимательство, передовые технологии и производство закладывают настоящую, прочную для этого основу. Для обеспечения согласованности между текущими целями и практическими результатами страны — члены ЕАСТ планомерно укрепляют сотрудничество как на международном, так и на региональном уровнях. На этом фоне, несмотря на весьма острый кризис, вызванный COVID-19, пристальное внимание к исследованиям и технологическим достижениям фактически не ослабевает.

Роль государственного и частного секторов в общем деле стимулирования инновационности, как представляется, четко разграничивается. Госструктуры всех рассматриваемых государств стремятся поддерживать нормативный «климат» и инвестируют в фундаментальную науку, тогда как бизнес-круги финансируют новаторов, экспериментальные, прикладные исследования и инициативно совместно с властями участвуют в необходимой правовой регламентации. Академическое сообщество становится двигателем, а университеты — эффективными платформами, где куются свежие кадры, генерируются визионерские идеи и знания будущего для сохранения творческого потенциала во благо неуклонного прогресса. Так, в числе прочего Исландия и Норвегия сосредоточены на областях, связанных с природными ресурсами, а Швейцария и Лихтенштейн — на банковском и финансовом секторах. Специфика их экономик определяет особенности подходов стран — членов ЕАСТ в инновационной и научной сферах.

Ключевые слова: ЕАСТ, инновации, зарубежный опыт, экономическая политика, COVID-19, Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария.

Abstract: European Free Trade Association member states (EFTA) Iceland, Norway, Switzerland and Liechtenstein use science and innovations to achieve sustainable competitiveness with digitalisation, entrepreneurship, high-end technologies and cutting-edge production laying its true solid basis. To ensure alignment between the current goals and the pragmatic results the EFTA member states deliberately enhance cooperation both on international and regional levels. In this context, despite the relatively acute COVID-19 crisis, the closest attention towards research and technological advancements in fact continues unabated.

The role of the public and the private sectors in the common cause of fostering innovation seems to be clearly delineated. The government entities of all examined countries tend to maintain the legal “climate” and invest into fundamental science, whereas the business circles finance innovators, experimental, applied research and, alongside the authorities,

proactively participate in needed legal codification. The academics morph into the driving force and the universities convert into the performant platforms where the new pool of talents, the visionary ideas and the knowledge of the future emerge aimed at preserving creative potential for the sake of irreversible progress. Thus, inter alia, Iceland and Norway focus on natural resources, and Switzerland and Liechtenstein on banking and financial sectors. Their economic particularities determine the distinctive features of the EFTA member states approach in innovative and scientific spheres.

Key words: EFTA, innovation, foreign experience, economic policy, COVID-19, Iceland, Liechtenstein, Norway, Switzerland.

Введение

Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) была создана в 1960 году как альтернативный интеграционный проект в Европе. В настоящее время страны, входящие в нее, — это весьма успешные государства с достойным уровнем жизни и одним из самых внушительных ВВП на душу населения в регионе. В каждой из них передовая наука сочетается с высокими образовательными стандартами и инновационным характером экономик.

Исландия

Экономика Исландии опирается на использование собственных природных богатств. Это, прежде всего, морепродукты, энергоемкие отрасли, в том числе добыча и переработка алюминия, и туризм.

В стране заметную позицию завоевали высокотехнологичные сектора: фармацевтическая, химическая промышленность, информационные и биотехнологии, судостроение, здравоохранение, приборостроение, производство измерительной техники, синтез современных материалов.

Магистральным направлением формирования инновационной политики, повышения конкурентоспособности продукции, увеличения экспорта и создания новых рабочих мест активно занимается Министерство университетов, промышленности и инноваций Исландии. Ряд отдельных структур, впрочем, уделяет прицельное внимание и различным узкопрофильным аспектам данного многосоставного вопроса.

Так, многие достижения в сфере биотехнологий получают свое применение в пищевой индустрии: например, компания «Matís» исследует область переработки и производства продуктов питания, в том числе морепродуктов [31]. До 1 июля 2021 года под-

держка инновационных разработок индивидуальных изобретателей и фирм, а также практическое содействие технологическим внедрениям находились в ведении Инновационного центра Исландии, который в настоящее время упразднен [35]. В стране образована организация «Tæknisetur», которая соединяет научное и бизнес-сообщество, предоставляет возможность пользоваться имеющейся в распоряжении инфраструктурой и помещениями инновационным и начинающим предприятиям, а также проводит собственные изыскания. Она занимается новыми материалами, в том числе медицинского профиля, технологиями экологически чистого производства, переработкой алюминия, строительством, энергетикой, включая основанную на геотермальных источниках [46].

В Исландии есть не имеющие аналогов научно-исследовательские организации. Известен, в частности, именитый участник соответствующих проектов ЕС Институт морских и пресноводных исследований (Hafrannsóknastofnun), деятельность которого охватывает весь спектр вопросов, связанных с обитателями моря, рыбным промыслом и морскими экологическими проблемами [24], или, например, Центр тюленей Исландии (The Icelandic Seal Center), расположенный на островах Селасетур [39].

В стране производится 55 000 киловатт-час (кВт*ч) «зеленой» энергии на одного человека в год, тогда как тот же показатель по ЕС составляет менее 6000 кВт*ч. Объем полученного электричества за счет возобновляемых источников здесь доходит почти до 100%, причем 27% приходится на геотермальную (повсеместно используется для отопления помещений), а 73% — на гидроэнергетику [18].

В Исландии с 2018 года функционирует Комитет по четвертой промышленной революции (Комитет 4IR), который изучает ее возможные последствия для общества и государства. Дальнейшее развитие и широкое применение искусственного интеллекта и робототехники в промышленности и повседневной жизни, внедрение инноваций в био- и нанотехнологиях, как предполагается, кардинально перекроит ландшафт рынка труда, в том числе приведет к исчезновению ряда профессий и появлению абсолютно новых. Прогнозируется, что 58% рабочих мест подвергнется качественной трансформации [25, р. 6]. На этом фоне Мини-

стерство образования, науки и культуры Исландии приступило к подготовке Стратегии развития образования до 2030 года, нацеленной на то, чтобы необходимые в будущем навыки закладывались с детства с учетом современных требований [25, р. 43].

С 2021 года вступил в силу Закон об электронных коммуникациях. Он учитывает положения принятой Директивы Европейского парламента и Совета ЕС в рамках Европейского кодекса электронных коммуникаций (Директива ЕЕСС). Эти изменения позволят расширить распространение сетей повышенной пропускной способности и полноценно взять устойчивый курс на внедрение передовой системы 5G, призванной стать фундаментом четвертой промышленной революции [34].

С началом пандемии COVID-19 Правительство Исландии в апреле 2020 года объявило о содействии в приоритетном порядке инновационной деятельности. Среди пакета мер экономической поддержки компаний, инвестирующих в научные исследования и разработки, было предусмотрено увеличение коэффициентов возмещения расходов. На эти цели выделено около 4,5 млрд исландских крон. Для помощи молодым предпринимателям и новаторам через Фонд студенческих инноваций Исландии выделено 300 млн исландских крон [3, с. 45].

Норвегия

Норвегия — в списке самых богатых и благополучных государств мира. Одно из ключевых мест в стране занимают нефтегазовая отрасль, химическая, целлюлозно-бумажная, металлургическая промышленность, производство разных машин и оборудования, в том числе для добычи полезных ископаемых, судостроение, аквакультура и рыболовство. В последнее десятилетие наблюдается динамичное развитие строительства и специализированных услуг, связанных с разведкой, добычей и транспортировкой по трубопроводам нефти и газа.

Норвегия прилагает энергичные усилия по сокращению зависимости от сырья, вкладываясь в другие сектора, науку и сферу услуг. В 2013 году среди задач, поставленных правительством, была цель сделать государство одним из наиболее инновационных в Европе [1, с. 306]. Министерство торговли, промышленности и рыболовства Норвегии отвечает за разработку националь-

ной инновационной политики, при этом в отраслевых ведомствах также имеются подразделения соответствующего профиля.

В русле, опережающем мировые тренды, в Королевстве намечается перестройка экономики в «зеленом» и «голубом» направлениях. Указанные преобразования опираются на передовые достижения и внедрение инноваций, поддержку которых осуществляют некоторые государственные структуры, например Исследовательский совет Норвегии, корпорация «Enova» или инвестиционная компания «Nysnø» [13].

В стране действует ряд экономических и организационных мер по стимулированию покупки экологически чистого транспорта, в частности электромобилей. Их владельцы освобождаются от уплаты НДС, имеют льготы при регистрации, страховании и др. За первые восемь месяцев 2021 года среди приобретенных автомобилей около 60% — электромобили [37, р. 11].

Норвегия проводит исследовательские работы в рамках Северного сотрудничества, которое объединяет страны Северной Европы. Подготовка различных научных проектов в данном регионе и поддержка специальных программ, в том числе в области высшего образования, во многом ведется компанией «NordForsk», входящей в Совет министров Северных стран (Nordic Council of Ministers) [28].

Королевство подключено к процессу обмена знаниями на научном треке на международном и региональном уровнях. Так, речь идет, прежде всего, о системе программ ЕС «Европейское научное пространство» (ERA) или, например, «Horizon» в соответствии с Соглашением о ЕЭП.

Норвегия заключила двусторонние соглашения в сфере исследований и технологий, в частности с Китаем (2008), Францией (2008), Индией (2006), США (2005), Японией (2003) и ЮАР (2002) [8]. В многостороннем формате участие осуществляется в научных проектах Европейского космического агентства (European Space Agency), Европейской организации по ядерным исследованиям (European Organization for Nuclear Research, CERN), Европейского центра синхротронного излучения (European Synchrotron Radiation Facility, ESRF), Европейской лаборатории молекулярной биологии (European Molecular Biology Laboratory, EMBL) [28].

Высшие учебные заведения Норвегии в основном занимаются обучением национальных кадров и, по оценкам ЮНЕСКО, характеризуются низкой привлекательностью у иностранцев. В частности, среди причин называют преобладающую роль норвежского языка в преподавании, неадаптированность программ для заграничных слушателей, некомфортность условий проживания студентов, географическое положение и недостаток количества направлений, в том числе по проблемам Арктики при наличии устойчивого интереса к этой тематике в мире [1, с. 303—306].

Особым местом для исследования уникальной природной среды планеты является Шпицберген. В разные годы здесь были открыты арктические научные станции Норвегией (1968, 1992, 1997 и 2005 гг.) и другими государствами: Польшей (1957 г.), Швецией (1988 г. совместно с Норвегией), Германией (1990 и 2001 гг.), Японией (1991 г.), Великобританией (1992 г.), Нидерландами (1995 г.), Италией (1997 г.), Францией (1999 г.), Республикой Кореей (2002 г.), Китаем (2003 г.), Индией (2008 г.). С 2014 года функционирует Центр полярной экологии, созданный в кооперации с Южночешским университетом. В 1993 году в Лонгйире (столица Шпицбергена на севере архипелага) несколько норвежских университетов основали Учебно-научный центр, который специализируется на оценке влияния потепления и изменения климата на ледниковые покровы, проводит изыскания в области арктической биологии, геологии и геофизики, предлагая учебные программы по этим направлениям. В том же городе с 1978 года работает Обсерватория полярных сияний имени Къеля Хенриксена, а с 1975 года — Европейская научная ассоциация некогерентного рассеяния, которая изучает разные слои атмосферы и ионосферы планеты [1, с. 305].

В целом Норвегия больше сосредоточена на экспериментальных и прикладных исследованиях и уделяет сравнительно меньшее внимание фундаментальной науке [1, с. 305].

В качестве поддержки во время пандемии COVID-19 среди прочих экономических мер Правительство Норвегии предоставило:

- инновационные гранты развивающимся компаниям (2,5 млрд норвежских крон);
- инновационные кредиты (3 млрд норвежских крон);

- отсрочку расчетов по основной сумме долга и процентам по имеющимся и новым ссудам для пострадавших фирм (300 млн норвежских крон);
- гранты частным инновационным средам (50 млн норвежских крон) [3, с. 48].

Коронакризис подтолкнул Правительство Норвегии к началу создания «инновационной индустрии здравоохранения». Например, на эти цели только в части борьбы с COVID-19 в 2020 году было выделено 30 млн норвежских крон [17].

Швейцария

Особенностью экономики Швейцарии является нишевая специализация функционирующих на ее территории компаний с заметной ролью малого и среднего бизнеса [4, с. 98]. Инновационность во многом обеспечивается за счет системы производственных кластеров [2, с. 230—232].

В стране развиты высокотехнологичные отрасли: производство компьютеров, электронной, оптической техники, часов, автомобильного оборудования, разных машин и фармацевтической продукции.

В ст. 64 Конституции отражена обязанность Правительства содействовать проведению научных исследований и продвижению инноваций [12, р. 18]. Политику в данной области, а также в сфере образования формирует Федеральный совет Швейцарии. В период 2021—2024 годов на эти цели планируется выделить 28,1 млрд швейцарских франков из государственного бюджета. Кантоны, исходя из региональных интересов, аналогично предоставляют поддержку и финансирование на своем уровне [21].

В 2020 году принята новая Стратегия «Цифровая Швейцария», предусматривающая цифровизацию всех направлений, что, как предполагается, позволит закрепить за страной статус места, привлекательного для ведения бизнеса [14].

Вектор на цифровизацию финансового сектора также считается приоритетом, способствующим появлению передовых инновационных продуктов, которые становятся неотъемлемым фактором сохранения лидирующих позиций в качестве мирового финансового центра.

Страна выступает за включение экологической составляющей в деятельность финансовых структур. В частности, швейцарские банки нацелены на предоставление устойчивых услуг — предварительно ими оцениваются возможные, даже отдаленные, экологические последствия кредитуемых проектов и ответственность предприятий за эвентуальный ущерб. Примером сочетания устойчивых финансовых услуг и цифровых технологий служит так называемая Green Fintech Network, участниками которой являются профильные ассоциации и бизнес, а также фирмы с рисковым капиталом, университеты, консультационные и юридические компании. Упомянутая сеть фактически начала развиваться после соответствующего решения Государственного секретариата по международным финансам (SIF) в ноябре 2020 года [40].

Создана база данных ARAMIS, содержащая информацию об осуществляемых и перспективных научных проектах, финансируемых государством, которая применяется для более эффективной организации исследований по различным конкретным направлениям. Открытые сведения из ARAMIS доступны для всех заинтересованных [6].

Для стимулирования внедрений в финансовой сфере разработан ряд нормативных актов. Например, согласно Закону о страховом надзоре (IOA), принятому в октябре 2020 года, небольшие страховые компании, использующие инновационные бизнес-продукты, могут быть освобождены от предписанных проверок [15]. В августе 2021 года вступил в силу соответствующий Закон об адаптации законодательства к развитию технологий блокчейна и распределенного реестра. Планируется внести поправки в Закон о ценных бумагах, что сформирует необходимую основу для торговли такими особыми финпродуктами в цифровом представлении, позволит внедрить новую категорию лицензий и сделает правовые нормы более гибкими в условиях неизбежной трансформации [10].

Швейцария занимает лидирующие позиции в сфере образования. В Лозанне и Цюрихе находятся два государственных технологических института, которые помимо собственной мощной научной базы взаимодействуют с четырьмя федеральными исследовательскими институтами в проведении совместных ра-

бот в разных областях [19]. В отдельных кантонах располагаются университеты с преподаванием разнообразных дисциплин, а также с передовой инфраструктурой, способствующей успешным изысканиям по широкому профилю направлений. Их деятельность регламентирована соответствующим Законом относительно содействия учебным заведениям и координации в сфере образования [30].

Швейцария развивает международное сотрудничество. С 2004 года она заключала двусторонние соглашения с ЕС об участии в программах как Horizon в качестве ассоциированной страны, так и Евратома с полнофункциональным подключением к их деятельности [29].

На основе двусторонних институционализированных договоров Швейцария привлекается к работе профильных международных исследовательских организаций и проектов по всему миру, которые осуществляют научные изыскания в области физики высоких энергий и элементарных частиц, термоядерного синтеза, астрономии и молекулярной биологии:

- Европейская организация по ядерным исследованиям (CERN) в Швейцарии;
- Европейский центр синхротронного излучения (ESRF) во Франции;
- Институт Лауэ-Ланжевена (ILL) во Франции, где проводится изучение в сфере материаловедения, физики твердого тела, кристаллографии, молекулярной биологии, ядерной физики;
- проект международного экспериментального термоядерного реактора (ITER) во Франции;
- Европейская южная обсерватория (ESO) со штаб-квартирой в Германии и телескопом в Чили;
- проект европейского рентгеновского лазера на свободных электронах (XFEL) в Германии, посвященный изучению воздействия рентгеновских лучей на физико-химические и биологические реакции;
- Европейская лаборатория молекулярной биологии (EMBL) с основной площадкой и штаб-квартирой в Германии и подразделениями в Великобритании, Испании, Италии и Франции [44].

Для получения экономической выгоды от изысканий, участия в европейских и международных научно-исследовательских организациях и проектах создано Управление по связям с промышленностью Швейцарии (Swiss Industry Liaison Office), которое содействует компаниям в заключении контрактов и в укреплении партнерских связей между академическими кругами, государственными структурами и бизнесом [42].

Для привлечения инвестиций в инновации на основе частно-государственного партнерства в 2016 году сформирован Парк инноваций Швейцарии. Он находится под организационным управлением Фонда «Switzerland Innovation» и объединяет под собой шесть площадок по всей территории страны [36].

Для развития и упрочения международного сотрудничества в области образования, исследований и инноваций в дипломатических представительствах Швейцарии по всему миру существуют должности атташе по науке. Первое такое назначение состоялось в 1958 году в посольстве в США. Затем в 1969 году при посольствах в СССР и Японии были введены ставки научных советников, призванных способствовать налаживанию контактов ученых и исследователей. С 2000 года для содействия обмену научной информацией и объединению академической науки, исследователей и бизнеса начала формироваться сеть так называемых научных консульств за рубежом, впоследствии получившая наименование swissnex. В настоящее время за границей находится около 20 научных советников при посольствах Швейцарии и пять офисов swissnex — в Бостоне, Сан-Франциско, Рио-де-Жанейро, Бангалоре и Шанхае [45].

Упомянутые структуры финансируются за счет государственного бюджета и частных вложений, а также фактически имеют двойное подчинение Государственному секретариату по образованию, исследованиям и инновациям (SERI) и Федеральному департаменту иностранных дел (FDFA). Швейцарцы эту деятельность порой называют «научной дипломатией» [42, р. 9, 24]. Научные советники при посольствах за рубежом и сеть swissnex отслеживают последние технологические открытия, проводят работу по созданию образа Швейцарии как прогрессивной для ученых и исследователей, удобной для ведения инновационно-

го бизнеса и привлекательной для молодых новаторов. Функции сводятся к следующим:

- способствование обмену научной информацией;
- поиск партнеров и развитие контактов между деловыми кругами и научными организациями, работающими в инновационной сфере;
- помощь в выходе на рынок с новыми передовыми продуктами;
- содействие в проведении конференций и семинаров в целях обмена сотрудниками научно-исследовательских организаций и студентами по всему миру [42, р. 17—19].

В связи с пандемией COVID-19 были предусмотрены специальные меры по стимулированию инновационной деятельности. В апреле 2020 года обнародованы меры для перспективных стартапов, которые получили возможность взять кредит под 65%-ную гарантию со стороны центральных властей и 35%-ную гарантию со стороны местных властей кантона, то есть общее обеспечение ссуды могло составить 100% [3, с. 55].

В марте–апреле 2020 года Правительство предприняло целый ряд шагов по смягчению последствий коронакризиса для деловых кругов, выделив сначала 32 млрд, а затем 40 млрд швейцарских франков на осуществление следующих мер:

- предоставление кредитов бизнесу, причем суммы до 0,5 млн швейцарских франков выдавались под 100%-ную гарантию государства, а свыше 0,5 млн — под 85%-ное обеспечение;
- отсрочка платежей по взносам на социальное страхование;
- продление сроков оплаты без начисления процентов за просрочку по НДС, отдельным таможенным пошлинам и другим выплатам для компаний, занимающихся государственными поставками;
- приостановка процедурных мер в отношении должников согласно поправкам в Закон о взыскании долгов и банкротстве [3, с. 54].

Лихтенштейн

Формирование политики в области исследований и инноваций возложено на Министерство общих правительственных дел и финансов и на Министерство внутренних дел, экономи-

ки и окружающей среды Лихтенштейна. Практическая помощь на государственном уровне также оказывается Национальным контактным центром по исследованиям и технологическому развитию (NKS) [5] и Управлением финансового центра по инновациям и цифровизации (SFID) [41].

Здесь функционируют три ключевых высших учебных заведения: Университет Лихтенштейна, в котором обучаются около 80% студентов по широкому кругу специальностей, Частный университет Княжества Лихтенштейн и Международная академия философии Княжества Лихтенштейн [9, p. 17].

Большое значение в стране придается научным исследованиям и разработкам (НИР), например в 2019 году на указанные цели потрачено 5,7% от ВВП, что превосходит те же показатели Израиля (4,9% от ВВП), Республики Кореи (4,6% от ВВП), а также Австрии, Германии и Японии (по 3,2% от ВВП) [16, p. 15].

На НИР в Княжестве в 2019 году было определено 375,4 млн швейцарских франков, при этом 98% вложений осуществлено частными компаниями на сумму 366,5 млн швейцарских франков. Научно-исследовательские учреждения потратили на НИР 8,4 млн швейцарских франков, а государственный сектор израсходовал на НИР 0,5 млн швейцарских франков. Бизнес в 2019 году 75,3% своих средств в НИР инвестировал в экспериментальные разработки, 21,3% — в прикладные исследования, а 3,4% получили фундаментальные изыскания. В том же году научно-исследовательские учреждения 8,5% вложений в НИР направили на экспериментальные разработки, 42,9% — на прикладные, а 48,5% — на фундаментальные исследования [23, p. 6].

Лихтенштейн и Швейцария предметно сотрудничают в области НИР. В 2016 году Правительство Княжества заключило договор с Государственным секретариатом по образованию, исследованиям и инновациям Швейцарии (SERI), в соответствии с которым две страны могут проводить прикладные изыскания в своих учреждениях на равноправной партнерской основе и «зарабатывать на знаниях» [26]. Существует также, например, Центр исследований и разработок долины Рейна Швейцарии (RhySearch), финансируемый совместно кантоном Санкт-Галлен и Правительством Лихтенштейна [38]. Кроме того, в Княжестве функционирует технопарк под эгидой «Technopark-Alliance», объединяющей

также семь подобных площадок в разных кантонах Швейцарии. Для поддержки передовых корпоративных разработок, обмена новыми инициативами и бизнес-моделями они используют свой совместный потенциал для развития сотрудничества и фактически для достижения синергетического эффекта [33].

В целях создания благоприятных условий для инновационной предпринимательской деятельности разработана так называемая инновационная основа (Innovations-Framework), включающая в себя следующие связанные друг с другом организационные структуры:

- система инновационных клубов (Innovationsclubs);
- Лаборатория регулирования (Regulierungslabor) при Управлении по надзору за финансовым рынком Лихтенштейна (FMA);
- Венчурный кооператив Лихтенштейна (Liechtenstein Venture Cooperative, LVC) [22, p. 19].

Посредством инновационных клубов заинтересованные лица и предприятия могут представить свою идею по совершенствованию существующих практик, процессов или законодательства, которая проходит от этапа оценки и обсуждения до финального претворения в жизнь. Так соответствующее предложение с минимальными бюрократическими процедурами может быть передано к рассмотрению в правительстве [27].

Лаборатория регулирования, созданная при FMA, поддерживает инновационные компании в ходе их становления и помогает определить применимость положений действующих юридических норм к новым бизнес-моделям. Многие проблемы преодолеваются без лишних проволочек благодаря экспертным группам FMA, а в случае необходимости предприниматели выходят с законодательной инициативой через систему инновационных клубов [22, p. 19].

Венчурный кооператив Лихтенштейна — это форма малого кооператива, которая максимально адаптирована к взаимодействию и сопряжению усилий фирм, инвесторов и изобретателей в целях пошагового продвижения инноваций от идеи до реализации. Данная организационная структура имеет продуманную правовую основу для привлечения всех участников процесса на каждом этапе. Изобретатель может вложить персональные

ноу-хау или наработки в качестве инвестиции и получить взамен акции компании [32].

Лихтенштейн находится в авангарде освоения передовых цифровых технологий. В апреле 2018 года 21 страна — член ЕС и Норвегия подписали Декларацию о создании Европейского блокчейн-партнерства (European Blockchain Partnership, EBP), которую Лихтенштейн принял в феврале 2019 года, и договорились о формировании Европейской инфраструктуры блокчейн-сервисов (European Blockchain Services Infrastructure, EBSI) [20].

Кроме того, Парламент Княжества обнародовал так называемый Закон о блокчейне — обстоятельные обсуждения и консультации по нему продолжались с первого полугодия 2018 года [11]. Этот нормативный правовой акт соответствует международным стандартам, а к его вступлению в силу в январе 2020 года скорректировали целый ряд документов. Например, подверглись ревизии Закон о надзоре за финансовым рынком, Закон о лицах и компаниях и др., что позволило регламентировать использование указанной цифровой технологии [7, р. 325—384]. Вышеупомянутый Закон о блокчейне не только стал прочной юридической основой для функционирования и внедрения потенциала распределенного реестра в настоящее время, но и заложил фундамент для развития в дальнейшем с учетом ожидаемых совершенствований в данной области. Правительство плотно работает над созданием комфортных условий в целях привлечения желающих начать свой бизнес именно здесь или перевести его в Княжество из-за рубежа.

Сведения о непосредственной поддержке инновационной деятельности в Лихтенштейне в период COVID-19 пока не доступны, однако известно, что среди экономических мер по смягчению последствий пандемии в марте 2020 года было выделение 100 млн швейцарских франков для сохранения рабочих мест. При этом Земельный банк Лихтенштейна под гарантии государства также имел возможность выдать ссуду, которая при необходимости могла обеспечить бизнес ликвидностью [3, с. 51].

Один из индикаторов, характеризующих уровень инновационного потенциала, — число поданных патентных заявок на тысячу жителей. В Лихтенштейне упомянутый показатель в 2020 году достиг 11,2 заявки. В общей сложности было пода-

но 436 заявок — лишь на одну меньше, чем в 2019 году, что, как представляется, могло бы дополнительно свидетельствовать об оказывавшейся поддержке в первый коронавирусный год. Если сравнить с ЕС, то, например, в 2020 году количество патентных заявок на тысячу жителей в Нидерландах, Швеции и Дании составило по 0,4 шт., а в Германии и Австрии — по 0,3 шт. в каждом государстве [16, р. 16].

Заключение

Секрет успешного экономического положения стран — членов ЕАСТ кроется, прежде всего, в развитии науки и широком использовании внедрений, где НИР отводится особое приоритетное место. Инновационная деятельность в рассмотренных государствах поддерживается властями, в том числе с помощью специально созданных структур. Значительный упор делается на целевую подготовку кадров. В распоряжении университетов имеется современное оснащение для научно-исследовательской работы. Страны — члены ЕАСТ предметно и всеохватно участвуют в программах ЕС по НИР и продвигают сотрудничество в двустороннем и многостороннем форматах. Существенное количество инноваций связано с преодолением экологических вызовов. В Швейцарии и Лихтенштейне активно внедряются новшества в сфере финансов.

Большая часть исследований имеет прикладной характер. Фундаментальной науке уделяется в среднем меньшее внимание, и ей занимаются в основном государственные учреждения.

С началом пандемии COVID-19 инновационный вектор экономик остался прежним и в целом получил должную скоординированную и своевременную поддержку во всех странах — членах ЕАСТ.

Литература

1. Доклад ЮНЕСКО по науке. На пути к 2030 году / ЮНЕСКО. – М.: Изд. дом «Магистр-Пресс», 2016.
2. Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности / под общ. ред. Е.С. Хесина; отв. ред. Ю.Д. Квашнин, М.В. Клинова, А.А. Невская, Е.С. Хесин. – М.: ИМЭМО РАН, 2020. – 317 с.
3. Золотухин В.В. Страны – члены ЕАСТ и кризис COVID-19: об экономических мерах поддержки и результатах коронавирусного года // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2021. – № 3 (29). – С. 42–60.

4. Трофимова О.Е. Швейцария и Евросоюз: особенности торгово-инвестиционных связей // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 64. – 2020. – № 9. – С. 96–104.
5. Amt für Volkswirtschaft (AWV) – Forschung / Innovation // [Official website] Liechtensteinische Landesverwaltung. – URL: <https://www.liv.li/inhalt/117956/amtsstellen/forschung-innovation> (accessed: 11.04.2022).
6. ARAMIS. Research and Development Information System // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbf/en/home/research-and-innovation/research-and-innovation-in-switzerland/aramis.html> (accessed: 11.04.2022).
7. Bericht und Antrag der Regierung an den Landtag des Fürstentums Liechtenstein betreffend die Schaffung eines Gesetzes über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG) und die Abänderung weiterer Gesetze. 07.05.2019 // [Official website] Regierungskanzlei Liechtenstein. – URL: https://bua.regierung.li/bua/Services/pdf/bua2019_054.pdf?nr=54&year=2019 (accessed: 11.04.2022).
8. Bilateral forskningssamarbeid. 07.10.2020 // [Official website] Regjeringen Norge. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/utdanning/innsikt/internasjonalt-kunnskapssamarbeid/internasjonalt-forskningssamarbeid/bilateral-forskningssamarbeid/id2414374/> (accessed: 11.04.2022).
9. Bildungsstatistik 2019. 03.04.2020 // [Official website] Liechtensteinische Landesverwaltung. – URL: https://www.liv.li/files/as/ibildungsstatistik_2019_version2.pdf (accessed: 11.04.2022).
10. Blockchain / DLT. 28.01.2022 // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: https://www.sif.admin.ch/sif/en/home/finanzmarktpolitik/digit_finanzsektor/blockchain.html (accessed: 11.04.2022).
11. Blockchain. Informationen zum TVTG // [Official website] Impuls Liechtenstein. – URL: <https://impuls-liechtenstein.li/kapitalbedarf/#tvttg-3> (accessed: 11.04.2022).
12. Constitution fédérale de la Confédération suisse du 18 avril 1999 // [Official website] Fedlex La plateforme de publication du droit federal Suisse. – URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/fr> (accessed: 11.04.2022).
13. Det grønne skiftet i Norge. 08.12.2021 // [Official website] Regjeringen Norge. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/klima-og-miljo/innsiktsartikler-klima-miljo/det-gronne-skiftet/id2879075/> (accessed: 11.04.2022).
14. Digital Switzerland Strategy. September 2020 // [Official website] Federal Office of Communications OFCOM Switzerland. – URL: https://www.bakom.admin.ch/dam/bakom/en/dokumente/informationsgesellschaft/strategie/strategie_digitale_schweiz.pdf.download.pdf/Strategie-DS-2020-EN.pdf (accessed: 11.04.2022).
15. Digitalisation of the financial sector. 25.11.2021 // [Official website] State Secretariat for International Finance SIF Switzerland. – URL: https://www.sif.admin.ch/sif/en/home/finanzmarktpolitik/digit_finanzsektor.html (accessed: 11.04.2022).
16. Economic and financial data on Liechtenstein. 15.07.2021 // [Official website] Liechtensteininstitut. – URL: <https://www.liechtenstein-institut.li/application/files/3316/3058/6915/Economic-and-financial-data-2021-1-.pdf> (accessed: 11.04.2022).
17. En innovativ helsenæring er forutsetningen. 24.04.2021 // [Official website] Regjeringen Norge. – URL: https://www.regjeringen.no/no/dokumentarkiv/regjeringen-solberg/aktuelt-regjeringen-solberg/fin/taler-og-innlegg/taler_og_artikler_av_ovrig_politisk_lede/taler-og-innlegg-av-statssekretar-kristin-holm-jensen/en-innovativ-helsenaringer-forutsetningen/id2845988/ (accessed: 11.04.2022).
18. Energy // [Official website] Government of Iceland. – URL: <https://www.government.is/topics/business-and-industry/energy/> (accessed: 11.04.2022).
19. ETH Domain // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbf/en/home/ihe/higher-education/domain-of-the-federal-institutes-of-technology.html> (accessed: 11.04.2022).
20. European countries join Blockchain Partnership. 10.04.2018 // [Official website] European Commission. – URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/european-countries-join-blockchain-partnership> (accessed: 11.04.2022).

21. Federal education, research and innovation policy 2021–2024 // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbfi/en/home/eri-policy/eri-21-24.html> (accessed: 11.04.2022).
22. Finanzplatzstrategie der Regierung des Fürstentums Liechtenstein. February 2019 // [Official website] Regierung des Fürstentums Liechtenstein. – URL: <https://www.regierung.li/files/attachments/Finanzplatzstrategie-fuer-Liechtenstein.pdf?t=637798019560457583> (accessed: 11.04.2022).
23. Forschung und Entwicklung 2019. 10.11.2020 // [Official website] Liechtensteinische Landesverwaltung. – URL: <https://www.llv.li/files/as/forschung-und-entwicklung-2019-internet.pdf> (accessed: 11.04.2022).
24. Haf og vatn | Hafrannsóknastofnun // [Official website] Hafrannsóknastofnun lands. – URL: <https://www.hafogvatn.is> (accessed: 11.04.2022).
25. Iceland and the fourth industrial revolution. October 2019 // [Official website] Government of Iceland. – URL: https://www.government.is/library/01-Ministries/Prime-Ministers-Office/Fjorda-idnbyltingin-skyrsla-enska_HQ.pdf (accessed: 11.04.2022).
26. INNOSUISSE // [Official website] Innovation. Standort. Liechtenstein. – URL: <https://www.innovation-standort.li/foerderinstrumente-organisationen/foerderungen/staatliche-foerderungen/innosuisse> (accessed: 11.04.2022).
27. Innovationsclub. Innovations-Framework – Impuls Liechtenstein // [Official website] Impuls Liechtenstein. – URL: <https://impuls-liechtenstein.li/innovations-framework/#innovations-club> (accessed: 11.04.2022).
28. Internasjonalt forskningsamarbeid. 12.10.2021 // [Official website] Regjeringen Norge. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/tema/utdanning/innsikt/internasjonalt-kunnskapssamarbeid/internasjonalt-forskningsamarbeid/id2353797/> (accessed: 11.04.2022).
29. Les programmes-cadres de recherche de l'Union européenne // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbfi/fr/home/recherche-et-innovation/cooperation-internationale-r-et-i/programmes-cadres-de-recherche-de-l-ue.html> (accessed: 11.04.2022).
30. Loi fédérale sur l'encouragement des hautes écoles et la coordination dans le domaine suisse des hautes écoles // [Official website] Fedlex La plateforme de publication du droit federal Suisse. – URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2014/691/fr> (accessed: 11.04.2022).
31. Mátis 2020 Annual Report // [Official website] Mátis. – URL: <https://matis.is/en/arsskyrsla-2020/> (accessed: 11.04.2022).
32. Merkblatt „Liechtenstein Venture Cooperative (LVC)“. 01.12.2020 // [Official website] Impuls Liechtenstein. – URL: https://impuls-liechtenstein.li/wp-content/uploads/2020/12/20201201_Merkblatt-Liechtenstein-Venture-Cooperative-LVC_V1.04.pdf (accessed: 11.04.2022).
33. Netzwerk und Startup Förderung // [Official website] Technopark Liechtenstein. – URL: <https://www.technopark-liechtenstein.li/netzwerk-und-foerderungen/> (accessed: 11.04.2022).
34. Ný heildarlög um fjarskipti eflí samkeppnishæfni, neytendavernd og nýsköpun. 21.10.2020 // [Official website] Stjórnarráðsins Stjórnarráð. – URL: <https://www.stjornarradid.is/efst-a-baugi/frettir/stok-frett/2020/10/21/Ny-heildarlog-efli-samkeppnishafni-neytendavernd-og-nyskopun/> (accessed: 11.04.2022).
35. Nýsköpunarmiðstöð Íslands hefur verið lögð niður. 01.07.2021 // [Official website] Nýsköpunarmiðstöð Íslands. – URL: <https://www.nmi.is/is/moya/news/nyskopunarmidstod-islands-hefur-verid-logd-nidur> (accessed: 11.04.2022).
36. Parc suisse d'innovation // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbfi/fr/home/recherche-et-innovation/la-recherche-et-innovation-en-suisse/parc-suisse-d-innovation.html> (accessed: 11.04.2022).
37. Prop. 1 LS (2021–2022). Proposition to the Storting (bill and draft resolution). For the Fiscal Year 2022. Taxes 2022 // [Official website] Norwegian Government. – URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/2ff0f9726e634c0ba49ccc600bac5140/en-gb/pdfs/prp202120220001Is0engpdfs.pdf> (accessed: 11.04.2022).
38. RHYSEARCH // [Official website] Innovation. Standort. Liechtenstein. – URL: <https://www.innovation-standort.li/foerderinstrumente-organisationen/foerderungen/staatliche-foerderungen/rhysearch> (accessed: 11.04.2022).

39. Selasetur Íslands // [Official website] Icelandic Seal Center. – URL: <https://selasetur.is/en/> (accessed: 11.04.2022).
40. SIF launches Green Fintech Network. 05.11.2021 // [Official website] State Secretariat for International Finance SIF Switzerland. – URL: <https://www.sif.admin.ch/sif/en/home/dokumentation/fokus/fintech-network.html> (accessed: 11.04.2022).
41. Stabsstelle für Finanzplatzinnovation und Digitalisierung (SFID) // [Official website] Liechtensteinische Landesverwaltung. – URL: <https://www.lv.li/inhalt/11456/amtsstellen/stabsstelle-fur-finanzplatzinnovation-und-digitalisierung> (accessed: 11.04.2022).
42. *Stoumann J., Falk J., Randrup A. Gøgsig.* Oxford Research A/S. Frederiksberg, Denmark. February 2020. Evaluation of the swissnex Network. Evaluation report by Oxford Research for the Swiss State Secretariat for Education, Research and Innovation (SERI).
43. Swiss Industry Liaison Office // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbf/en/home/research-and-innovation/international-cooperation-r-and-i/international-research-organisations/swiss-ilo-office.html> (accessed: 11.04.2022).
44. Swiss Participation in International Research Infrastructures // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbf/en/home/research-and-innovation/international-cooperation-r-and-i/international-research-organisations.html> (accessed: 11.04.2022).
45. Swissnex at 20 // [Official website] State Secretariat for Education, Research and Innovation SERI Switzerland. – URL: <https://www.sbf.admin.ch/sbf/en/home/services/publications/data-base-publications/s-n-2020-5/s-n-2020-5b.html> (accessed: 11.04.2022).
46. Tæknisetur | ICETEC | Stuðningur við hátækni frumkvöðla | Ísland // [Official website] Tæknisetur. – URL: <https://www.taeknisetur.is/> (accessed: 11.04.2022).

Гарбузарова Елена Геннадьевна,

кандидат исторических наук,
Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек.

Elena G. Garbuzarova,

PhD (History),
Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, the Kyrgyz Republic.

E-mail: play_elenag@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

FEATURES OF THE INTERNAL POLITICAL DEVELOPMENT OF THE CENTRAL ASIAN COUNTRIES AT THE PRESENT STAGE

Аннотация: ликвидация СССР в 1991 г. предоставила странам Центральной Азии возможность самостоятельно строить свои национальные государства с опорой на западную модель общественно-политического развития. Однако за 30 лет политических и социально-экономических преобразований суверенные республики региона так и не смогли построить в своих государствах демократические общества с сильными политическими институтами и выйти на эффективную модель экономического роста. В политической жизни стран региона прослеживается тенденция укрепления личной власти президентов и наблюдается широкое использование неформальных практик в системе государственного управления. На этом фоне решение вопросов социально-экономического характера отходит на второй план. В этом отношении позитивные тенденции демонстрирует Узбекистан, где большая часть общества удовлетворена реформами, осуществляемыми властвующей элитой. В Киргизии произошел переход к президентской форме правления с широкими полномочиями главы государства, что несет в себе определенные политические риски. В стране уже предпринимались попытки восстановления авторитарного правления, однако все они закончились насильственной сменой государственной власти. В Казахстане, демонстрировавшем политическую устойчивость и успехи в экономическом развитии, пролонгированный транзит власти обернулся общественно-политическим кризисом. Институту президентства отводится особая роль в политических системах стран Центральной Азии как гаранту безопасности и благополучия граждан. Вместе с тем централизация власти, сопровождающаяся блокированием любой формы политической конкуренции, и неограниченное влияние президента на политические процессы тормозят развитие центральноазиатских государств.

Ключевые слова: новые независимые государства, институт президентства, авторитарный режим, политический кризис, политические реформы.

Abstract: the collapse of the USSR in 1991 provided the Central Asian countries with the opportunity to build their national states independently based on the Western model of socio-political development. However, over thirty years of political and socio-economic transformations the sovereign republics of the region have not been able to build democratic societies with strong political institutions in their states and reach an effective model of economic growth. There is a tendency to strengthen the personal power of presidents and the widespread use of informal practices in the system of public administration in the political life of the countries of the region.

At the time the solution of socio-economic issues recede into the background. In this regard Uzbekistan demonstrates positive trends where the majority of society is satisfied with the reforms carried out by the ruling elite. Kyrgyzstan underwent a transition to a presidential form of government with broad powers of the head of state which carries certain political risks. Attempts were made to restore authoritarian rule in the country but all of them ended with a violent change of state power. In Kazakhstan, which demonstrated political stability and success in economic development, the prolonged transit of power turned into a socio-political crisis. The Institution of the Presidency has a special role in the political systems of the Central Asian countries as a guarantor of the security and well-being of citizens. At the same time the centralization of power accompanied by the blocking of any form of political competition and the unlimited influence of the president on political processes hampers the development of Central Asian states.

Key words: new independent states, the institution of the presidency, authoritarian regime, political crisis, political reforms.

Введение

В 2021 году исполнилось 30 лет со дня распада СССР и появления в центре Евразии пяти суверенных республик, новых независимых государств (ННГ). В течение трех десятилетий ННГ осуществляли поиски суверенной идентичности, новых образцов и моделей для экономического, социального и политического подражания [10, с. 43]. За три десятилетия выстраивания своей национальной государственности в этих республиках с сильным влиянием неформальных институтов и практик на государственное управление власти предпринимали попытки модернизации политической и социально-экономической систем, используя западные парадигмы развития. В ННГ стремительно проходили процессы приватизации государственной собственности, внедрялись рыночные принципы экономики, осуществлялось строительство демократических обществ. Между тем наметились различия в проводимых социально-экономических и политических преобразованиях, что было обусловлено неодинаковыми стартовыми условиями, в которых после распада СССР оказались страны региона. Казахстан и Киргизия наиболее преуспели в переходе к рыночной модели экономического развития, в то время как Узбекистан и Туркменистан предпочли постепенный переход к рыночным преобразованиям [30, с. 62]. Это предопределило заметно высокую роль государства в регулировании экономики в Узбекистане и Туркменистане. В процессе масштабной приватизации, проведенной в Казахстане и Киргизии, правящая элита получила в свое монопольное распоряжение основные активы национальных экономик, для защиты которых прилагала значительные усилия [11, с. 88]. Возникший новый социальный

порядок сочетал в себе элементы демократии с концентрацией власти и собственности в руках властвующей элиты при полном исключении массовых общественных слоев из процесса влияния на политические решения [11, с. 88].

В политической жизни стран региона происходило укрепление личной власти президента. В условиях переходного периода именно институт президентства призван был обеспечить политическую стабильность, решить социально-экономические проблемы и в целом адаптировать ННГ к новым постсоветским реалиям. При этом следует отметить, что, несмотря на некоторые сходные черты, институт президентства развивался по своему собственному пути в каждой из стран Центральной Азии. В Казахстане и Киргизии при сильной президентской власти сохранился политический плюрализм, тогда как в Узбекистане и Туркменистане прослеживалась тенденция к ликвидации любых форм политической оппозиции [4, с. 146]. За годы независимости президенты большинства стран региона пытались удержаться у власти, продлевая сроки своих полномочий посредством внесения поправок в основные законы стран. При этом любые выборы по сменяемости власти лишь имитировали демократические процедуры и были призваны усилить легитимность властвующей элиты.

Постепенно шел процесс укрепления «властной вертикали» в странах Центральной Азии. По сути, институт президентства не укреплялся как политический институт, а служил механизмом консолидации власти конкретной личности. В политической жизни ННГ широко стало заметно использование неформальных практик. Их применение приобрело широкие масштабы и вторглось в большинство сфер общественной жизни [4, с. 146]. Справедливо отмечает российский политолог А. В. Грозин, что кланы в странах Центральной Азии имеют глубокие историко-культурные корни [2, с. 53]. Родоплеменные представления хранятся в глубинах ментальности народов региона [2, с. 53]. Такие тенденции закладывали основы для формирования патерналистской модели отношений между властью и обществом, когда верховный правитель имел ярко выраженные персонифицированные черты [13, с. 83]. В то время как в странах региона снижалась эффективность государственного управления и нарастали со-

циально-экономические проблемы, в приоритете были вопросы укрепления личной власти президента или поиск возможностей осуществлять влияние на процесс принятия решений даже после окончания срока пребывания у власти. На этом фоне проблемы социального характера отходили на второй план. Создавалась лишь имитация заботы государства о своих гражданах.

В настоящее время во всех республиках Центральной Азии укрепляются позиции президента. Институт президентства рассматривается в качестве гаранта стабильности и обладает способностью более или менее оправдывать ожидания граждан. Между тем существование сильного института президентства создает проблему сменяемости и преемственности власти [14, с. 90], закладывая в обществе высокий конфликтный потенциал. Если в государстве принцип сменяемости власти не работает, то в таких обществах господствует авторитарный режим. При таких обстоятельствах высоки риски дестабилизации общественно-политической обстановки, когда системная и внесистемная оппозиция, не имеющая возможности институционализироваться, становится причиной кризисных ситуаций, нередко приводящих к «цветным» революциям [14, с. 90].

Переход от парламентской к президентской республике

В 2010 году Киргизия стала республикой с парламентской формой правления. Смена власти в Республике в 2010 году вдохновила политическую элиту на проведение демократических преобразований путем внесения изменений в Основной Закон страны. Поправки, внесенные в Конституцию Киргизии по результатам всенародного референдума от 27 июня 2010 года, ограничивали полномочия президента. По новой Конституции президент не имел права вмешиваться в управление экономикой и решать кадровые вопросы [25, с. 89]. Однако на деле получилась парламентско-президентская форма правления, в которой президент имел довольно широкие властные полномочия. Постепенно стала прослеживаться тенденция к расширению полномочий президента и рост его вмешательства в работу исполнительной ветви власти [28, с. 113].

В Республике продолжала развиваться парламентская форма правления с присущими Киргизии национальными особенностями

ми. Уходящий с поста президента А. Атамбаев (официально завершался срок его пребывания на посту президента, указанный в Конституции. — *Примеч. авт.*) предпринял попытку расширить полномочия премьер-министра, инициировав проведение референдума 11 декабря 2016 года. И это при том, что с 2010 года был введен запрет на любое изменение Конституции до 1 сентября 2020 года. По реформе 2016 года значительно усиливались полномочия премьер-министра и, соответственно, ограничивались президентские властные компетенции. Однако задуманную А. Атамбаевым схему «сильного главы правительства и слабого президента» так и не удалось реализовать. Заняв пост президента в 2017 году, С. Жээнбеков не сразу сумел консолидировать вокруг себя власть, так как А. Атамбаев продолжал оказывать влияние на политические процессы в стране. Только после жесткого противостояния с А. Атамбаевым и его ареста С. Жээнбеков смог укрепить свои политические позиции. В октябре 2020 года в Киргизии состоялись парламентские выборы, на которых победу одержали провластные партии. Заметное укрепление авторитарных тенденций в Республике вкупе с использованием в ходе выборов административного ресурса и подкупа избирателей стали прологом к очередной смене власти. Кроме того, пандемия COVID-19 обострила уже имеющиеся проблемы в Республике, высветив неэффективность системы государственного управления.

Третья «революция», захлестнувшая Киргизию осенью 2020 года, привела к власти новую политическую команду во главе с С. Жапаровым. В стране, где население устало от политических экспериментов с широкими полномочиями парламента, приводящих к торжеству олигархов, был взят курс на укрепление власти президента [20]. 10 января 2021 года по итогам всенародных досрочных выборов президента Киргизии победу одержал С. Жапаров, набравший 79,18% голосов [18]. Помимо этого на референдуме за президентскую форму правления было отдано 81,29% голосов. В итоге Киргизия вновь вернулась к президентской форме правления, что определенно будет способствовать политической стабильности в стране, но не на долгосрочной основе. Справедливо отмечает российский ученый О. Карпович, что манипуляции с конституцией негативно повлияли на развитие киргизского государства, «которое фактически лишили стабиль-

ного Основного Закона» [6, с. 49]. В то время как в фокусе внимания властвующей элиты находятся вопросы конституционной реформы, в Республике сохраняются проблемы, связанные с повышением эффективности государственных структур, и межрегиональные противоречия [6, с. 49]. Не исключено, что в перспективе неограниченная власть президента С. Жапарова, полномочия которого по новой Конституции значительно расширились, может стать причиной очередного политического кризиса в стране.

Выборы в парламент, прошедшие в Киргизии в ноябре 2021 года, продемонстрировали поддержку населением провластных партий, представители которых получили большинство мест в парламенте. Так, по итогам референдума в парламент страны прошли следующие партии: «Ата-Журт Кыргызстан» (16,6%), «Ишеним» (Доверие) (13,3%), «Ынтымак» (Согласие) (10,59%), «Альянс» (8,08%), «Бутун Кыргызстан» (Единый Кыргызстан) (6,6%), «Ыйман нуру» (Свет веры) (5,2%) [19]. Как и прогнозировали эксперты, новый состав парламента стал моноэтничным [12]. Именно поэтому депутат от партии «Ата-Журт» Надира Нарматова 12 января 2022 года на заседании парламента предложила говорить исключительно на государственном языке [22].

Курс на укрепление президентской формы правления в Кыргызстане во многом обусловлен социально-экономическими проблемами. Каждый раз население Республики после очередной «революции» возлагает большие надежды на нового президента. В обществе растет мощный запрос на перемены. Насколько будет эффективным ответ со стороны президента С. Жапарова, покажет время.

Запрос на политическую стабильность и курс на продолжение реформ

После смерти И. Каримова новым президентом Узбекистана стал Ш. Мирзиёев, который по итогам президентских выборов, проходивших в Узбекистане в декабре 2016 года, набрал 88,61 % голосов. Придя к власти, Ш. Мирзиёев сразу инициировал ряд реформ, преимущественно в сфере экономики. Так, в 2017 году в Узбекистане была принята пятилетняя Стратегия действий государства по пяти приоритетным направлениям [23]: совершенствование системы государственного и общественного

строительства; обеспечение верховенства закона и дальнейшее реформирование судебно-правовой системы; развитие и либерализация экономики; развитие социальной сферы; обеспечение безопасности, межнационального согласия и религиозной толерантности, а также осуществление взвешенной, взаимовыгодной и конструктивной внешней политики. Результаты продекларированных реформ были видны уже через несколько лет: в 2019 году журнал «The Economist» назвал Узбекистан страной года в плане реализации запланированных реформ; в 2020 году Республика попала в «Глобальный инновационный индекс», улучшив свои показатели по таким категориям, как «Развитость рынка», «Инфраструктура» и «Человеческий капитал и исследования» [1]. За короткий промежуток времени Ш. Мирзиёеву удалось приобрести высокий уровень поддержки и доверия среди населения страны. Об этом свидетельствуют результаты социологического опроса, в соответствии с которым отмечается рост рейтинга доверия по отношению к президенту Узбекистана. Так, рейтинг доверия президенту Узбекистана в мае 2018 года составил 94,1%, тогда как в октябре 2017 года он составлял 93,1% [17]. Результативной можно назвать и внешнюю политику Узбекистана, направленную на укрепление регионального сотрудничества и проведение сбалансированной внешней политики по отношению к глобальным игрокам — России и Китаю.

Успехи Ш. Мирзиёева по выведению государства на более высокий уровень развития и повышению авторитета Узбекистана на международной арене, которых удалось достичь во время первого срока президентства, заложили основу для победы на очередных президентских выборах, состоявшихся 24 октября 2021 года. В соответствии с Конституцией данные выборы должны были проходить в декабре 2021 года, однако депутаты нижней палаты парламента Узбекистана выступили с инициативой провести эти выборы досрочно с целью привести избирательное законодательство Республики в соответствие с международными стандартами [15]. В итоге президентские выборы в Узбекистане проводились на основе нового избирательного законодательства. Накануне выборов Ш. Мирзиёев представил стратегический план реформирования Узбекистана в виде программы под названием «Стратегия Нового Узбекистана», ориентированной

на экономическую модернизацию, индустриализацию и создание социального государства [24]. Однако по сравнению с 2016 годом итоги выборов 2021 года продемонстрировали снижение процента проголосовавших. В итоге процент избирателей, поддержавших Ш. Мирзиёева, составил 80,12% [27]. Такие результаты, несмотря на снижение процента проголосовавших, доказывают, что граждане Узбекистана поддерживают внутривнутриполитический курс Ш. Мирзиёева, направленный на модернизацию Республики и построение социально ориентированного государства. Интересно, что эксперты отмечают позитивные изменения в избирательном законодательстве Узбекистана. Так, директор Центра исследовательских инициатив Узбекистана Б. Эргашев считает, что избирательная система в Республике сделала большой шаг вперед в своем развитии, так как президентские выборы 2021 года «прошли с определенным накалом конкуренции между кандидатами» [29]. В них участвовали кандидаты от пяти политических партий: Шавкат Мирзиёев — от Либерально-демократической партии Узбекистана, Алишер Кадыров (получил 5,5% голосов) — от «Миллий тикланиш» (Национальное возрождение), Нарзулло Обломуродов (получил 4,1% голосов) — от «Экологической партии», Максуда Ворисова (получила 6,6% голосов) — от Народно-демократической партии Узбекистана, Бахром Абдухалимов (получил 3,4% голосов) — от партии «Адолат» (Справедливость). Активно голосовали за рубежом узбекские мигранты. Благодаря своим инициативам и защите интересов мигрантов в России Ш. Мирзиёев пользуется особой поддержкой и доверием среди мигрантов [26].

Таким образом, президентские выборы 2021 года в Узбекистане и избрание Ш. Мирзиёева на второй президентский срок продемонстрировали поддержку реформ, проводимых в стране в последние годы. Победа Ш. Мирзиёева — это не только залог стабильности общественно-политической обстановки в Узбекистане, но и демонстрация запроса на перемены со стороны граждан Республики.

Политический кризис в Казахстане

С момента распада СССР Казахстан демонстрировал впечатляющие успехи в процессе своей экономической и политической

модернизации. Первый президент Казахстана Н. Назарбаев уверенно смотрел в будущее, строя процветающее государство в центре Евразии. На пространстве СНГ Казахстан стал первым государством, осуществившим переход на стратегическое планирование [21, с. 141]. В целях превращения Казахстана в регионального лидера в 1997 году Н. Назарбаев обнародовал Стратегию развития Казахстана до 2030 года. В соответствии с этим амбициозным документом Казахстан в долгосрочной перспективе должен был стать процветающей, безопасной страной с высоким уровнем благосостояния жителей [9, с. 117].

В политической сфере шел непрерывный процесс централизации государственной власти, и, как следствие, наблюдалась «пробуксовка» демократических реформ. В таких условиях в Казахстане усиливался риск дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, когда на фоне укрепления вертикали власти всё больше расширялась пропасть между властью и обществом. На фоне приближающегося транзита власти в Казахстане в связи с преклонным возрастом Н. Назарбаева угроза дестабилизации общественно-политической обстановки в Республике усиливалась.

19 марта 2019 года Н. Назарбаев в своем обращении к нации заявил, что принял историческое решение сложить с себя полномочия главы государства. С этого момента обязанности президента Казахстана стал исполнять К.-Ж. Токаев, который являлся спикером Сената. 9 июня 2019 года на внеочередных выборах президента Казахстана К.-Ж. Токаев одержал победу, получив 70% голосов избирателей. Однако, несмотря на победу К.-Ж. Токаева на президентских выборах, транзит власти в Казахстане так и не был завершён. Первый президент Казахстана Н. Назарбаев продолжал сохранять важные позиции во властной структуре страны [5, с. 82] и оказывать влияние на процесс принятия политических решений. Переход Н. Назарбаева в статус надсистемного игрока консервировал политическую систему Республики и создавал угрозу ее стабильности [8]. Так, сложилась де-факто система двоевластия, которая усложнила процесс принятия политических решений и затруднила движение вперед [7]. Затянувшийся транзит власти стал одним из факторов кризиса в Казахстане 2 января 2022 года. Помимо этого пандемия COVID-19, мировые цены на нефть и проблемы в мировой экономике усугубили социаль-

но-экономическую ситуацию в Казахстане [3; 14]. Всё это вкупе с неэффективной социальной политикой и низким уровнем жизни населения дестабилизировали обстановку в Республике. На фоне ухудшения ситуации в Казахстане 5 января 2022 года К.-Ж. Токаев принял решение стать председателем Совета безопасности, то есть закрепить за собой должность, на которую пожизненно был назначен Н. Назарбаев. 27 января 2022 года парламент Казахстана принял поправки в Основной Закон страны и отменил пожизненное председательство первого президента Н. Назарбаева в Совете безопасности и в Ассамблее народов Казахстана [16]. Таким образом, принятые поправки ознаменовали окончание транзита власти в Республике. Действующий президент К.-Ж. Токаев сосредоточил всю полноту власти в своих руках.

Заключение

Таким образом, институт президентства, сформировавшийся и укрепившийся за годы независимости в странах Центральной Азии, стал новой политической практикой, характерной для политических систем стран постсоветского пространства. В политических системах стран Центральной Азии институту президентства отводится особая роль как гаранту безопасности и благополучия граждан. Вместе с тем централизация власти, сопровождающаяся блокированием любой формы политической конкуренции, и неограниченное влияние президента на политические процессы тормозят развитие центральноазиатских государств.

В Киргизии возврат к президентской форме правления стал ответом на неспособность властвующей элиты эффективно осуществлять государственное управление в условиях пандемии коронавируса. Однако, как показала практика, развитие авторитарных тенденций в Республике не раз приводило к государственному перевороту.

В Узбекистане позиции президента укрепляются благодаря проводимым в стране экономическим и социальным преобразованиям. Благодаря этим реформам повышаются качество и уровень жизни населения страны. Кроме того, в Узбекистане постепенно идет процесс реализации политических реформ. Так, президентская кампания 2021 года проходила в Республике в условиях политической конкуренции.

По причине запоздалого транзита власти в Казахстане произошел кризис, из которого Республике удалось выйти только благодаря личному участию и контролю ситуации со стороны действующего главы государства. В перспективе стабильность в Казахстане будет во многом зависеть от умения действующих властей справляться со своими социальными обязательствами.

Для того чтобы снизить политические риски возможной дестабилизации стран Центральной Азии, необходимо наладить механизм своевременной сменяемости элит и создать условия для политической конкуренции. В последнее время именно такие настроения наблюдаются среди населения на всем постсоветском пространстве, включая страны центральноазиатского региона. Пандемия коронавируса, которая усугубила уже имеющиеся социально-экономические проблемы в странах Центральной Азии, ставит перед президентами региона стратегическую задачу — найти эффективные способы решения этих проблем. Способность решить их также будет влиять на устойчивость политических режимов стран Центральной Азии. В этом отношении положительное влияние на развитие национальных экономик оказывает участие Казахстана и Киргизии в евразийской интеграции. Так, в период пандемии COVID-19 Евразийская экономическая комиссия смогла быстро принять план по смягчению экономических последствий и разработать меры для борьбы с пандемией. Во время пандемии страны — участницы ЕАЭС, несмотря на все имеющиеся разногласия, смогли солидарно подойти к купированию пандемических рисков. Вопрос, обретет ли властвующая политическая элита стран региона в себе волю, чтобы так же единогласно поддерживать своего союзника — Россию — в ее специальной операции на Украине, остается открытым. Пока страны региона демонстрируют свое понимание действий России на Украине, но не поддержку, боясь вызвать негодование со стороны стран Запада. Между тем более однозначная позиция стран региона по украинскому вопросу могла бы значительно укрепить позиции России в условиях враждебного евроатлантического окружения.

Литература

1. *Винник Е.* Что изменилось в Узбекистане за четыре года президентства Мирзиёева. – URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/cto-izmenilos-v-uzbekistane-za-cetyre-goda-prezidentstva-mirzieeva.html> (дата обращения: 13.01.2022).
2. *Грозин А.В.* Элиты Туркменистана и Центральноазиатские кланы: общее, особенное и трудности модернизации // *Азия и Африка сегодня.* – 2010. – № 9. – С. 50–55.
3. *Жильцов С.С.* Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства // *Проблемы постсоветского пространства.* – 2020. – № 7 (1). – С. 8–17.
4. *Жильцов С.С.* Центральная Азия: особенности политического развития // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* – 2020. – № 1 (23). – С. 143–160.
5. *Ионова Е.* Казахстан в период транзита власти // *Россия и новые государства Евразии.* – 2020. – № 1 (46). – С. 82–97.
6. *Карпович О.* Центральная Азия: трудный путь политического развития // *Центральная Азия и Кавказ.* – Т. 24. – 2021. – Вып. 4. – С. 43–52.
7. *Кортунов А.* Кризис в Казахстане: предварительные уроки. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-kazakhstane-predvaritelnye-uroki> (дата обращения: 29.01.2022).
8. *Мендагазиев А.* Детерминанты политических рисков в Казахстане. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/determinanty-politicheskikh-riskov-v-kazakhstane/> (дата обращения: 26.01.2022).
9. *Мухамбетов М.А.* Стратегия «Казахстан-2030» – реальная основа развития регионов Республики Казахстан // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета.* – 2004. – № 3. – С. 117–119.
10. *Неймарк М.А.* Эволюция внешнеполитической стратегии России. – М.: Проспект, 2020. – 320 с.
11. *Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* Постсоветский авторитаризм // *Общественные науки и современность.* – 2017. – № 4. – С. 84–97.
12. Новый парламент Киргизии может стать моноэтничным. – URL: https://www.ng.ru/cis/2021-06-15/1_8173_kyrgyzstan.html (дата обращения: 10.01.2022).
13. *Оськина О.И.* Патернализм как парадигма взаимодействия власти и общества на постсоветском пространстве // *Каспийский регион: политика, экономика, культура.* – 2012. – № 3 (32). – С. 79–87.
14. *Пантин В.* Политические институты в странах ЕАЭС: проблемы адаптации и трансформации // *Вестник Пермского университета. Политология.* – Т. 14. – 2020. – № 2. – С. 88–97.
15. *Панфилова В.* Мирзиёева переизберут досрочно. – URL: https://www.ng.ru/cis/2021-02-02/5_8072_uzbekistan.html (дата обращения: 14.01.2022).
16. Парламент Казахстана отменил пожизненное председательство Назарбаева в Совбезе. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5183015> (дата обращения: 30.01.2022).
17. Политика Шавката Мирзиёева оправдала ожидания 92,5% узбекистанцев. – URL: <https://nuz.uz/obschestvo/33481-politika-shavkata-mirzieeva-opravdala-ozhidaniya-925-uzbekistancev.html> (дата обращения: 13.01.2022).
18. Предварительные итоги досрочных выборов Президента Кыргызской Республики и референдума Кыргызской Республики. – URL: <https://www.shailoo.gov.kg/ru/news/4353/> (дата обращения: 06.01.2022).
19. Пять выводов по итогам парламентских выборов в Кыргызстане. – URL: <https://knews.kg/2021/11/30/pyat-vyvodov-po-itogam-parlamentskih-vyborov-v-kyrgyzstane> (дата обращения: 09.01.2022).
20. *Рахимов К.* Киргизстенциальный кризис. Затянувшаяся неопределенность ведет республику к очередному витку нестабильности. – URL: https://www.ng.ru/dirkurer/2021-03-14/11_8101_crisis.html (дата обращения: 05.01.2022).
21. *Смирнова О.О.* Анализ практики стратегического планирования в странах СНГ // *Вестник МНЭПУС.* – 2012. – № 1. – С. 136–153.
22. Среди нас нет ни одного русского, – депутат Нарматова о необходимости говорить в ЖК на кыргызском языке. – URL: <https://paruskg.info/glavnaya/190594-sredinas-net-ni-odnogo-russkogo-deputat-narmatova-o-neobhodimosti-govorit-v-zhk-na-kyrgyzskom-jazyke.html> (дата обращения: 28.01.2022).

23. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах. – URL: <https://reforms.uz/ru/about.html> (дата обращения: 12.01.2022).
24. «Стратегия Нового Узбекистана»: Шавкат Мирзиёев представил свою книгу-стратегию. – URL: <https://ia-centr.ru/publications/strategiya-novogo-uzbekistana-shavkat-mirziyeev-predstavil-svoyu-knigu-strategiyu> (дата обращения: 15.01.2022).
25. Султанбеков К. Ч. Становление и функционирование парламентской формы правления в Кыргызстане // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 34. – С. 86–94.
26. Узбекский политолог назвал три важных факта о президентстве Мирзиёева. – URL: <https://politexpert.net/264943-uzbekskii-politolog-nazval-tri-vazhnykh-fakta-o-prezidentstve-mirziyeeva> (дата обращения: 17.01.2022).
27. ЦИК Узбекистана официально объявила результаты президентских выборов. – URL: <https://kun.uz/ru/news/2021/10/29/tsik-uzbekistana-ofitsialno-obyavila-rezultaty-prezidentskix-vyborov> (дата обращения: 16.01.2022).
28. Чотаев З. Политическое развитие Кыргызстана после событий 2010 года: перспективы парламентской формы правления // Центральная Азия и Кавказ. – Т. 16. – 2013. – Вып. 2. – С. 101–113.
29. Эргашев Б. Итоги-2021 для Узбекистана: проверка выборами, коррупции – бой, планы по Афганистану. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/bakhtiyer-ergashev/itogi-2021-dlya-uzbekistana-proverka-vyborami-korruptsii-boy-plany-po-afganistanu/> (дата обращения: 16.01.2022).
30. Zoidov K. H. Modeling the crisis cyclical dynamics of the evolution of the Socio-economic system of the countries of Central Asia. Part I // Today and tomorrow of the Russian economy. – 2017. – No. 83-84. – P. 59–82.

Сатарова Элиана Арстанбековна,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Eliana A. Satarova,

PhD student (Political Science),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: elyazibo@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ КЫРГЫЗСТАНОМ И ИРАНОМ

EVOLUTION OF RELATIONS BETWEEN KYRGYZSTAN AND IRAN

Аннотация: анализ специфики отношений между Кыргызстаном и Ираном в историческом аспекте показывает, что между этими странами не было ни политических, ни экономических, ни культурно-идеологических противоречий. Более того, наличие общих традиций, единой религии, ментального родства создавало благоприятные условия для долгосрочных контактов по разным направлениям. В настоящее время понимание между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран обусловлено схожестью позиций по очень широкому спектру вопросов — в области социальной политики, банковской системы, научно-образовательных программ и т. д. Кроме того, обе страны заинтересованы в обеспечении безопасности в регионе на фоне непрекращающихся угроз, в частности со стороны Афганистана как основного источника наркотрафика. Однако при том, что отношения между Кыргызстаном и Ираном можно охарактеризовать как стабильные, нельзя отрицать, что взаимодействие между ними не всегда было интенсивным и потенциал эффективного сотрудничества до сих пор не реализован в полной мере. Данное обстоятельство требует анализа и выработки проекта решений, чему и посвящена статья.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, Кыргызстан, стабильность в Центрально-Азиатском регионе, взаимовыгодное сотрудничество, культурный обмен, общность традиций и религии, национальная идентичность, противостояние угрозам.

Abstract: the analysis of the specifics of relations between Kyrgyzstan and Iran in the historical aspect shows that there were no political, economic, cultural or ideological contradictions between these countries. Moreover, common traditions, a single religion, mental kinship created favorable conditions for long-term contacts in different areas. At present, understanding between the Kyrgyz Republic and Iran is due to the similarity of positions on a very wide range of issues — in the field of social policy, the banking system, scientific and educational programs, etc. In addition, both countries are interested in ensuring security in the region against the backdrop of ongoing threats, in particular from Afghanistan as the main source of drug trafficking. However, while relations between Kyrgyzstan and Iran can be described as stable, it cannot be denied that the interaction between them has not always been intense, and so far, the potential for effective cooperation has not yet been realized in full. This circumstance requires analysis and development of draft decisions, which is the subject of this article.

Key words: Islamic Republic of Iran, Kyrgyzstan, stability in the Central Asian region, mutually beneficial cooperation, cultural exchange, common traditions and religions, national identity, resistance to threats.

Введение

Установление двустороннего сотрудничества в разных сферах между Исламской Республикой Иран и Кыргызской Республикой обусловлено, прежде всего, сложившейся политико-экономической реальностью и закономерными процессами в международных отношениях. Так, с одной стороны, после Исламской революции 1979 года Иран, столкнувшись с политической и экономической блокадой со стороны Запада, стал искать пути решения данной ситуации. С другой стороны, новые центральноазиатские государства, в которых сложились благоприятные политические и экономические условия и которые имели общие культурно-религиозные традиции с Ираном, явились для него выходом из сложившейся изоляции.

Распад Советского Союза стал причиной одновременного образования в Центрально-Азиатском регионе пяти новых, независимых государств с населением, большую часть которого составляют мусульмане-сунниты. Эти страны соседствуют с Исламской Республикой Иран, переживают многочисленные экономические и политические кризисы и находятся в поиске собственной модели национального развития.

Многие эксперты по странам Центральной Азии (ЦА), оценивая риски и возможности региона, указывали, прежде всего, на отсутствие у этих вновь образовавшихся государств выхода к морю (как следствие, отсутствие морских транспортных линий) [16], установление довольно сложных отношений между самими странами региона (Узбекистан — Кыргызстан — Таджикистан, Узбекистан — Таджикистан, Узбекистан — Казахстан) по вопросам демаркации границ и водных ресурсов, а также на наличие рисков межэтнического фактора, усиление проявлений религиозного экстремизма в Ферганской долине.

В данном контексте важно также подчеркнуть, что с 1992 года между Узбекистаном и Казахстаном при участии внешних игроков возникло политическое и экономическое соперничество за лидерство в Центрально-Азиатском регионе, охарактеризовавшее всю сложность процессов в этих странах, под влияние которых могла попасть и имевшая с ними общие исторические корни Исламская Республика Иран (ИРИ).

Перечисляя упущенные возможности и перспективы ИРИ в Центральной Азии, иранский исследователь Гадер Насри Мешкини отмечает, что «пять республик ЦА — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан — имеют общую площадь в 3 944 400 кв. км. Учитывая перспективу расширения рынка сбыта за счет быстрого роста населения стран ЦА, так как численность жителей этих пяти республик составляла на 1998—1999 гг. около 50 млн человек, а также сочетание таких положительных факторов, как расположение на пересечении Азии, Африки и Европы, географическая близость с сильными государствами, а именно с Китаем, Индией, Пакистаном, Россией и Ираном; наличие ресурсов, позволяющих этим странам занимать ведущие места по запасам энергии; богатые запасы золота, меди, урана и других тяжелых металлов; разнообразие сельскохозяйственной продукции; потенциальные возможности для создания исламской культуры и довольно широкий рынок потребления, — всё это дает большие преимущества региону, стабильность в странах которого является условием сохранения неприкосновенности и безопасности границ ИРИ» [10, с. 78]. Соответственно, Центрально-Азиатский регион имеет большое стратегическое, геокультурное и геоэкономическое значение для Ирана. Значительные запасы энергии, меди, золота и урана, географическое положение и особенно протяженная общая граница с Афганистаном, перспективы реализации проекта КНР «Один пояс — Один путь», современные мировые процессы и вопросы региональной безопасности, развитие и перспективы ШОС, ЕАЭС — всё это свидетельствует о чрезвычайной важности данного региона и его значимой роли в международных отношениях.

С установлением дипломатических отношений между Кыргызской Республикой и ИРИ со стороны последней наблюдается стремление к тому, чтобы укрепить свое присутствие в данной стране. Взаимоотношения между Ираном и Кыргызстаном постепенно охватывают все сферы, включая политическое сотрудничество, торговлю и культуру.

Иран стремится использовать все возможности для установления широких контактов с Кыргызстаном, претворяя намеченные цели в жизнь. Взаимопонимание, общая позиция в международной политике, схожая точка зрения на мировые проблемы,

культурно-исторические связи явились предпосылками и основой активного развития политических, экономических, культурно-гуманитарных отношений между двумя странами.

Расширение двустороннего сотрудничества

Исламская Республика Иран 21 декабря 1991 года официально признала независимость и суверенитет Кыргызстана. Дипломатические отношения между двумя странами установились 10 мая 1992 года. В 1993 году было открыто посольство Ирана в Бишкеке, а в 1996 году Кыргызстан открыл свое посольство в Тегеране [20, с. 42].

Находящаяся в самом сердце Центральной Азии, с населением в 6 млн человек, Кыргызская Республика (КР) обладает богатыми водно-энергетическими ресурсами, имеет развитую рыночную экономику, что уже само по себе определяет ее выгодное геополитическое положение. Ее соседство с КНР привело к повышению интереса со стороны Ирана, несмотря на отсутствие общих границ. Исламская Республика Иран, учитывая глубокие историко-культурные связи между странами, рассматривает развитие отношений с КР как одно из приоритетных направлений в своей внешней политике, осуществляемой в регионе.

Укрепление двусторонних отношений началось со взаимных визитов представителей высших политических кругов обеих стран. Уже в 1993 году бывший президент Кыргызской Республики Аскар Акаев впервые посетил Иран. Во время переговоров главы КР и ИРИ определили приоритетные направления двустороннего сотрудничества. По итогам встреч в Тегеране были подписаны декларации из 14 пунктов, в которых указывалось верховенство национальных законодательств обоих государств и подтверждалась необходимость развития отношений в области экономики, политики, культуры, а также укрепления дружеских связей.

В 1994 году с ответным государственным визитом Бишкек посетил президент Исламской Республики Иран Хашеми Рафсанджани. Стороны подтвердили целостность и независимость двух стран и выразили желание продолжать политику, направленную на развитие экономических, политических и культурных связей между ними [20, с. 34]. Главы государств официально заявили, что для успешного претворения в жизнь подписанных соглаше-

ний необходимо расширить и углубить взаимное сотрудничество в области торговли, науки, сельского хозяйства, образования, здравоохранения и культуры. Было заявлено о намерении сотрудничества ИРИ и КР при обсуждении и решении региональных проблем. В ходе этих встреч Х. Рафсанджани в Кыргызстане было подписано 12 договоров и протоколов в области политики, экономики и культуры, принято решение об открытии посольства Исламской Республики Иран в Бишкеке.

Рассматривая динамику двусторонних отношений между Кыргызской Республикой и Ираном, необходимо отметить, что с середины 1990-х годов они развивались по нарастающей. На встречах высокого уровня рассматривались и обсуждались в первую очередь особенности экономического взаимодействия, сотрудничества и культурного обмена между двумя странами. Так, с 1995 года в продолжение развития двусторонних контактов стороны дважды провели встречи на высшем уровне. В частности, в 1995 году премьер-министр Кыргызстана Апас Джумагулов посетил с официальным визитом Иран. Через год, в 1996 году, с ответным визитом в Кыргызстан прибыл первый вице-президент Исламской Республики Иран Хасан Жиби.

В рамках парламентского сотрудничества деятельность также была активной: делегация КР прибыла в 1998 году в Иран для встречи с представителями законодательной власти — меджлиса ИРИ. В ноябре 1999 года для укрепления двусторонних политических отношений в Иран с визитом прибыл министр иностранных дел КР Эднан Карабаев. В контексте оптимизации взаимодействия между указанными государствами это событие стало одним из ключевых [20, с. 34]. Итоги этой встречи подготовили почву для официального визита президента Кыргызской Республики в Иран.

В мае 1998 года в рамках работы пятого собрания глав Организации экономического сотрудничества, более известной ныне по аббревиатуре ЭКО (англ. ECO — Economic Cooperation Organization), в Алма-Ате между президентами Кыргызской Республики и Исламской Республики Иран Аскарком Акаевым и Сейидом Мохаммадом Хатами состоялась встреча. С. Хатами предложил своему киргизскому коллеге посетить с официальным визитом Иран. В июне 2000 года Аскар Акаев прибыл в Иран,

где встретился с президентом С. Хатами, лидером ИРИ аятоллой Хаменеи и другими официальными лицами. В ходе этих встреч и переговоров обсуждались вопросы, касающиеся двустороннего сотрудничества, а также регионального и международного взаимодействия. С. Хатами подчеркнул важность таких ключевых тем, как общность религии, истории и культуры, указал на нарастающий характер вызовов, в одинаковой степени несущих угрозу этим государствам. Он заявил, что «незащищенность одной страны региона означает слабость всего региона в целом, и поэтому на основе взаимного уважения нужно приложить усилия для создания в нем безопасности». Также С. Хатами отметил, что «странам региона необходимо освободиться от влияния посторонних сил и целенаправленно идти к достижению независимости в области политики, экономики и культуры» [20, с. 37].

В ответной речи Аскар Акаев указал на историческую роль Ирана и персидского языка, отметил тесное культурное сотрудничество как одну из причин формирования крепких двусторонних отношений. Кроме того, он заверил, что Кыргызстан поддерживает реализацию проекта «Диалог цивилизаций», инициированного С. Хатами, который заявил следующее: «Наши возможности могут дополнять друг друга... В сегодняшнем мире ИРИ может выступить инициатором возобновления Великого Шелкового Пути, который является одним из важнейших путей связи и интеграции Среднего Востока с другими странами мира» [20, с. 37]. Говоря о положении народа Афганистана и о связанной с этой страной проблеме производства и транзита наркотиков, он добавил: «Нам необходимо сотрудничать до того времени, пока не установится мир для народа этой страны». Президент Кыргызской Республики Аскар Акаев также подчеркнул значимость регионального сотрудничества. Выразив удовлетворенность уровнем взаимоотношений между Ираном и Кыргызстаном, а также результатами прошедших переговоров, он упомянул о необходимости установления воздушных и транспортных путей сообщения между двумя странами и отметил: «На пути развития двусторонних экономических отношений между Ираном и Кыргызстаном нет никаких преград» [20, с. 37].

Стороны подтвердили свою готовность выработать совместное соглашение относительно осуществления единой тариф-

ной, таможенной политики, активизации сотрудничества во всех сферах, особенно по региональным вопросам, а также развития и укрепления историко-культурных связей.

Ранее, в апреле 1999 года, в целях обмена опытом Министерством иностранных дел Исламской Республики Иран были организованы краткие дипломатические курсы для сотрудников МИД Кыргызской Республики, в работе которых участвовали и дипломаты Кыргызстана. Сейид Атоллах Махожерани, представитель президента в парламенте Исламской Республики Иран, прибыл в Кыргызстан для участия в праздновании 1000-летия эпоса «Манас» по окончании которого у него состоялась встреча с Аскарком Акаевым [20, с. 34], на которой стороны подтвердили свою готовность к взаимовыгодному диалогу.

За 10-летний период сотрудничества Кыргызской Республики и Ирана (с 1992 по 2002 г.) между двумя странами было подписано более 80 договоров по разным направлениям. Так, основные принципы и главные направления двустороннего сотрудничества между двумя государствами нашли отражение в «Декларации о дружественных отношениях», подписанной в 2002 году.

Помимо контактов на высоком уровне сотрудничество развивалось на уровне правительств и законодательных органов. По приглашению спикера парламента КР М. Шеримкулова 29 ноября 1991 года министр иностранных дел ИРИ Али Акбар Велаяти с официальным визитом прибыл в Кыргызстан. Вместе с сопровождавшей его делегацией он встретился с президентом Кыргызской Республики Аскарком Акаевым, спикером парламента КР М. Шеримкуловым, а также с другими высшими чиновниками Кыргызстана. На встрече стороны подтвердили нацеленность на развитие сотрудничества во всех областях и выполнение подписанных ранее договоров. Аскар Акаев подчеркнул: «Кыргызстан имеет намерение на дальнейшее расширение двусторонних политических, экономических, торговых и культурных отношений на основе уважения, равноправия и невмешательства во внутренние дела друг друга, а также на организацию высших встреч и проведение переговоров между министерствами иностранных дел обеих стран» [20, с. 34].

Результатом данной встречи стали намерения открыть консульство ИРИ в Бишкеке и консульство КР в Тегеране, подгото-

вить необходимые документы и обмениваться информацией для сотрудничества в области банковской системы, государственного и частного кредитования в Бишкеке и Тегеране, а также провести торгово-промышленные выставки. С иранской стороны А. Велаяти озвучил готовность Исламской Республики Иран к сотрудничеству в области перевозок, почты и связи, а также в сфере изучения персидской литературы и языка, туризма и спорта.

Возросла интенсивность межпарламентского и межправительственного сотрудничества между двумя странами. Так, в 1998 году Усуп Мукамбаев, спикер парламента КР, посетил Иран. Стороны подтвердили актуальность достигнутого соглашения и выразили желание более тесно взаимодействовать и впредь. С этой целью было решено создать совместную парламентскую группу.

По приглашению Х. Жиби, первого вице-президента Исламской Республики Иран, премьер-министр Кыргызской Республики Апас Джумагулов в сопровождении делегации с официальным визитом находился в Иране с 25 по 27 апреля 1995 года [20, с. 3], проведя переговоры с президентом и другими официальными лицами ИРИ. В ходе встреч стороны пришли к взаимопониманию в решении политических и экономических вопросов.

В 1996 году с ответным визитом на официальное приглашение в Кыргызстан прибыл Х. Жиби, первый вице-президент ИРИ. Он встретился с высокопоставленными лицами Кыргызстана и обсудил политические, экономические и культурные отношения двух стран. Хасан Жиби на встречах с президентом Аскармом Акаевым и премьер-министром КР подчеркнул, что глубокие исторические и культурные корни являются общими для двух стран.

В целом добрососедские отношения между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран за последние 15 лет проявились в единых позициях, которые основываются на схожих мнениях по различным вопросам региональной и международной политики. Иран и Кыргызстан одобряют внешнеполитические инициативы друг друга, сформулированные в международных организациях. В частности, ИРИ поддержала внешнеполитическую доктрину КР «Дипломатия Шелкового Пути» и решение объявить 2003 год Годом празднования 2200-летия кыргызской государственности и 1000-летия эпоса «Манас» [20, с. 40].

Новый этап сотрудничества

В 2006—2008 годах в развитии кыргызско-иранских отношений начался новый этап. Он характеризуется дальнейшим углублением и расширением видов и форм сотрудничества и переводом их в плоскость практической реализации по намеченным направлениям.

Необходимо подчеркнуть, что отношения Ирана с Кыргызстаном по своим главным характеристикам уступали динамике взаимоотношений с другими странами, такими как Турция или КНР, хотя Иран и стремился к развитию отношений с Бишкеком. Например, в 2006 году, видя, что США изъявили желание предоставить Кыргызстану дополнительную экономическую помощь, и учитывая, что это обстоятельство в значительной мере способно было влиять на военное сотрудничество двух стран, особенно в части использования американцами военно-воздушной базы в аэропорту «Манас», Иран решил ввести в действие свои финансовые возможности, заявив о выделении льготного кредита на значительную сумму — в 200 млн евро [8]. Кроме того, в 2010 году Иран оказал помощь в 210 млн долларов в качестве гуманитарной поддержки [1].

До 2009 года прошло девять заседаний совместной межправительственной комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. Кроме этого успешное сотрудничество проходило в рамках работы международных и региональных организаций, таких как ЭКО и Исламская конференция. За первые 10 лет экономические отношения между Ираном и Кыргызской Республикой развивались средними темпами: годовой обмен составлял около 40 млн долл. США (из них 30 млн долл. США приходилось на экспорт Ирана и 10 млн долл. США — на импорт Кыргызстана). В течение 1999—2006 годов иранские компании в Кыргызстане реализовали проекты стоимостью свыше 40 млн долл. США. В 2006 году иранский банк «Тусейе Саадерат» выделил около 12 млн евро иранским компаниям «Машхад Сазе», «Полодеж» и «Текник» для осуществления в Кыргызстане деятельности по предоставлению инженерных и технических услуг.

В 2006 году около 30 проектов стоимостью 500 млн евро было представлено в Кыргызстане для изучения и ознакомле-

ния. Большинство из них не было реализовано из-за отсутствия гарантий по выдаче кредитов. Также стоит отметить, что более 100 компаний обмениваются информацией с Организацией развития торговли Ирана и Посольством ИРИ в Кыргызстане по вопросам сотрудничества и деятельности в КР [18, с. 94].

В 2009 году в Кыргызской Республике было зарегистрировано около 170 иранских и совместных предприятий с участием иранского капитала. Из общего числа этих компаний более 70% относятся к сфере экспорта и импорта сырья, а также к сфере готовой продукции, торговли и услуг, 30% — к переработке сельскохозяйственной продукции, организации жилищного и промышленного строительства, производству строительных материалов, организации международных транспортных перевозок [1].

В 2005 году Иран был принят в ШОС в качестве наблюдателя. Как отмечал эксперт по Центральной Азии Александр Князев, «в начале 2000-х годов ирано-кыргызские отношения никогда не отличались особой динамикой, и политическое взаимодействие Кыргызстана и ИРИ осуществляется посредством участия обеих стран в ряде международных организаций. А экономическое и культурное присутствие Ирана в республике характеризовалось как довольно активное, но в любом случае заметно уступало российскому, китайскому и даже турецкому» [6].

Именно в данный период, который совпал с приходом к власти Махмуда Ахмадинежада, Исламская Республика Иран сконцентрировалась в большей степени на Ближнем Востоке и проявляла заинтересованность в особых отношениях с Россией в связи с дистанцированностью от Запада, не уделяя особого внимания Центрально-Азиатскому региону [16].

Новый импульс политическому сотрудничеству ИРИ и КР дало участие президента Ирана Махмуда Ахмадинежада в качестве главы страны-наблюдателя в работе ШОС, проходившей в Бишкеке в августе 2007 года. По мнению востоковеда С. Воронова, «власти в Бишкеке приветствовали этот шаг, открывающий дополнительные возможности для контактов с Тегераном по вопросам безопасности, борьбы с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков» [2]. В свою очередь Манучехр Моттаки, министр иностранных дел Ирана, в ходе поездки в Бишкек на встрече со своим коллегой Эднаном Карабаевым отметил:

«Визит господина Ахмадинежада — президента ИРИ — в Бишкек открыл новые области для двустороннего сотрудничества. Надеемся создать необходимые условия для воплощения намерений глав государств». Кроме того, анализируя условия сотрудничества двух стран, он заявил: «Мы не видим никаких ограничений для развития отношений. Мы знаем о развитости Ирана и Кыргызстана, и мы полны решимости привлечь иранские компании для активного участия в проектах развития Кыргызстана. В особенности мы готовы увеличить свое сотрудничество в объемах транспортировки и поставки хлопчатника, пшеницы и нефтяных продуктов. Иран и Кыргызстан, создав авиалинии между Тегераном и Бишкеком и прочие необходимые условия для компаний, могут установить более тесные взаимоотношения в области туризма» [3]. В ответ министр иностранных дел КР Эднан Карабаев, подчеркивая расширение регионального сотрудничества и приветствуя участие Ирана в работе саммита ШОС, добавил: «Участие ИРИ в ШОС будет способствовать процветанию и развитию региональной экономики» [3].

Таким образом, взаимодействие осуществлялось в основном в рамках Организации экономического сотрудничества и Организации исламского сотрудничества. По этому поводу исследователь Э. Мехдиев писал: «Ограниченность взаимодействия Ирана и Кыргызстана была обусловлена, в частности, наличием в аэропорту “Манас” авиабазы США» [9, с. 1—15]. При этом, как подчеркивал С. Воронов, «со времени установления в 1992 г. дипломатические отношения не отличаются заметной динамикой. С относительной регулярностью до настоящего времени организовывались немногочисленные официальные встречи, основными из которых были взаимные визиты президентов двух стран (в 1993, 2002 и 2005 гг.), поддерживавшие политический диалог на плаву» [16].

Иран и Кыргызстан не могли обойти стороной в своих взаимоотношениях очень важный аспект — иранскую ядерную программу. Позиция Бишкека оставалась неизменной: решение должно быть принято в рамках дипломатических методов, чего не может не ценить иранская сторона.

Присутствие военной базы США в Кыргызской Республике с 2002 по 2014 год заметно влияло на двусторонние отношения.

Например, посол Ирана в Кыргызстане Манучехр Моради не раз подчеркивал: «Я уверен, что высшее руководство Кыргызстана не позволит США воспользоваться своей законной территорией, на которой находится Центр транзитных перевозок, для военных действий против Ирана. После 20 лет плодотворного и тесного сотрудничества между Ираном и Кыргызстаном наши дружественные народы не дадут событиям развиваться именно так» [7].

В 2014 году президент КР А. Атамбаев принял решение о выводе военной базы США из страны, что открыло новые перспективы для развития отношений между Кыргызской Республикой и Ираном. Так, посол ИРИ в Бишкеке Манучехр Моради подчеркивал, что «руководство Ирана приветствует решение президента Алмазбека Атамбаева о выводе американской базы к 2014 г. И мне кажется, что такие высказывания президента отражают мысль всего кыргызского народа. Это уже не голос одного человека, а общее требование. Разумеется, это сугубо внутреннее дело Кыргызстана, и Иран не имеет права вмешиваться, но надеемся, что вопрос будет решен раз и навсегда» [7]. Затем новый Посол Исламской Республики Иран в Кыргызстане Али Моджтаба Рузбехани также отметил: «Двусторонние отношения Кыргызстана и Ирана принимали разные облики. За это время были взлеты и падения, но всегда они оставались позитивными. Политические отношения между Кыргызстаном и Ираном обрели очень теплый характер. Свой первый зарубежный визит глава Ирана совершил в Кыргызстан. Это было в рамках участия в саммите глав — государств ШОС, который проходил в Бишкеке. Также в результате этого визита наше руководство приняло решение очень серьезно заняться продвижением сотрудничества с Кыргызстаном. Идет подготовка документов долгосрочного десятилетнего сотрудничества, и оно в ближайшее время обретет юридическую силу. Одно из главных направлений, в котором мы собираемся развивать наше сотрудничество, — это сфера экономики и торговли. Поскольку мы считаем, что торгово-экономические отношения между двумя странами не отвечают тем потребностям народа и возможностям, которые у нас существуют» [12].

В последнее десятилетие иранские действия на кыргызстанском направлении нельзя охарактеризовать как эффективные. Прошедшие несколько лет официальные иранские предста-

вители обозначают периодом спада активности. Для ИРИ это было время санкционного прессинга, а затем и начала перехода к новой социально-экономической реальности. Действительно, взаимный товарооборот оставался на низком уровне — около 23 млн долл. При этом сальдо торгового баланса складывается в пользу Кыргызстана. В то же время наблюдается резкое увеличение количества иранских туристов, посещающих Кыргызстан. Возросла заинтересованность предпринимателей в ведении бизнеса. Начало развиваться банковское сотрудничество. Посол Ирана в Бишкеке Али Моджтаба Рузбехани отмечал, что между двумя странами отсутствуют межбанковские отношения и, пока они не будут налажены, бизнесмены не смогут вкладывать свои деньги в бизнес в КР. Дипломат высказался за открытие воздушного сообщения между Кыргызстаном и Ираном [13].

За последние годы наблюдается тенденция к расширению сфер взаимодействия между странами. Исламская Республика Иран, установив политические отношения с Кыргызской Республикой, старалась создать благоприятную почву для реализации инициатив в этом направлении.

С иранской стороны возникало стремление сохранить присутствие в Кыргызстане. Это проявлялось в желании углублять и расширять политические и экономические связи. Министр иностранных дел КР Руслан Казакбаев в октябре 2021 года обсуждал с новым послом Ирана Саидом Харрази состояние двусторонних кыргызско-иранских отношений, а также открытие иранского торгового дома в Бишкеке, формирование нового железнодорожного коридора Иран — Туркменистан — Узбекистан — Кыргызстан с использованием транзитных возможностей морского порта Бендер-Аббас. Стороны обсудили стратегию работы в течение юбилейного года — 30-летия двусторонних дипломатических отношений, который ознаменовался взаимными официальными визитами делегаций двух стран. Так, 13-е заседание кыргызско-иранской Межправительственной комиссии состоялось в Бишкеке [11].

На наш взгляд, несмотря на негативные последствия для Ирана и Кыргызстана, в 2020 году было приложено много усилий, чтобы отношения между двумя странами развивались в положительном и взаимоприемлемом русле.

В последние годы развитие экономического сотрудничества является одним из главных направлений в ирано-кыргызских отношениях. За период установления дипломатических отношений до 2009 года с Ираном было подписано 48 экономических соглашений, которые играют важную роль в развитии двусторонних отношений.

Несмотря на ежегодное увеличение товарооборота между Ираном и республиками Центральной Азии, сотрудничество остается на низком уровне. Объем товарообмена со странами региона не используется в полной мере [14, с. 77].

Отсутствие иранского банка в Кыргызстане, выхода к морю, проблемы в налоговой сфере, незначительный рынок сбыта и товарооборот мешают развитию экономических отношений между двумя странами. В то же время общность религии, культуры, политических взглядов, а также существование свободной экономической зоны делают Кыргызстан привлекательным для налаживания экономических отношений. Голамхоссейн Шафеи, председатель Торгово-промышленной палаты Ирана, указывая на отсутствие реальных возможностей для двустороннего сотрудничества между Ираном и Кыргызстаном, сказал: «В 2020 году общий товарооборот между двумя странами составил всего 18 млн долларов, это лишь 0,03% от общего объема торговли Кыргызстана, что подтверждает наличие неиспользованного, но существующего потенциала» [19]. По его мнению, Меморандум о взаимопонимании между торговыми палатами Ирана и Кыргызстана, подписанный в рамках конференции «День экономики Кыргызстана», поможет устранить существующие препятствия между странами и укрепить экономические связи. Тем более, что Торговая палата Ирана готова развивать взаимодействие с Кыргызстаном в различных сферах, особенно в области транспорта, туризма, пищевой промышленности, сельского хозяйства, нефтехимии, горнодобывающей промышленности, автомобилестроения, охраны окружающей среды, новых технологий, инженерно-технических и строительных услуг. В свою очередь Роман Касымов, вице-председатель Торгово-промышленной палаты Кыргызстана, отвечая на вопрос о членстве страны в ВТО, заметил: «Данный факт предоставит экономическим субъектам новые возможности для экспорта более 6000 наиме-

нований товаров в Кыргызстан. Членство Кыргызстана в ЕАЭС также представляет собой большой потенциал для обеспечения транзита между Северной и Южной Азией» [19].

В 2021—2022 годах правительства в Иране и Кыргызстане продемонстрировали свою решимость более эффективно использовать существующий потенциал своих государств и проложить пути для прямых контактов между экономическими, хозяйственными субъектами двух стран [5]. Посол Кыргызстана в Иране Турдакун Сыдыков, выражая надежду на то, что подписание упомянутого Меморандума создаст предпосылки для экономического прогресса в обеих странах, сказал следующее: «В 2022 году мы отметим 30-летие установления дипломатических отношений между странами, и в этой связи планируем проведение встреч на высоком уровне и обеспечение условий для расширения экономических отношений и инвестиций между странами» [19].

Гуманитарное и культурное сотрудничество

Сотрудничество двух стран в гуманитарной и культурной сферах начало развиваться с конца XX века. В 1999 году был проведен первый круглый стол «Диалог цивилизаций и Великий шелковый путь», участниками которого были иранские и кыргызские специалисты.

В 2001 году в рамках регионального тура по Центральной Азии с официальным визитом в сопровождении экономической и политической делегаций в Кыргызстан прибыл заместитель МИД Ирана Камаль Харрази. Он встретился с президентом Кыргызской Республики Аскарком Акаевым, спикером парламента КР и министром иностранных дел КР, а также посетил Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б. Ельцина. Уже в следующем году в рамках визитов в страны Центральной Азии в Кыргызстан прибыл президент Исламской Республики Иран С. Хатами. Он встретился с президентом КР Аскарком Акаевым, спикером парламента, а также посетил Бишкекский гуманитарный университет, где торжественно открыл Центр иранистики и исламоведения и в своей приветственной речи подчеркнул: «Для Ирана имеет важное значение доктрина “Диалог цивилизаций и Великий шелковый путь”, и мы надеемся, что, как и в прошлые века, Шелковый путь станет объединяющим фактором Вос-

тока и Запада, основой межкультурного и межцивилизационного диалога между народами» [20, с. 33].

Президент Ирана, говоря об особом месте Кыргызстана во внешней политике Ирана, указал на то, что в течение 10 лет сотрудничества отношения двух государств строятся на исторической и культурной общности, а также на уважении суверенитета и независимости во внешней политике. Хатами отметил важность «создания соответствующих условий для экономической деятельности, а также значимость укрепления культурно-гуманитарных отношений» [20, с. 38].

Основными приоритетами во внешней политике ИРИ, прежде всего, являются мусульманские страны. Лидеры Ирана считают, что религия будет способствовать объединению мусульман, в том числе кыргызов. Религиозная идентичность поможет еще больше укрепить и сблизить Иран и Кыргызстан. Иранцы сыграли важную роль в распространении ислама, одновременно повышая авторитет своего языка и культуры. Развитая цивилизация, которая существует в Центральной Азии с появлением ислама, воспринимается как прямая заслуга в том числе и Ирана [14, с. 18].

Персидский язык и культура этой страны расцениваются в качестве одного из главных инструментов в области гуманитарного сотрудничества. Фарси для исламского мира считается вторым языком, на протяжении многих веков являвшимся главным в науке, торговле, культуре и управлении. Будучи основой для иранских языков, сформировавшихся в отдаленных точках Востока — от Мавераннахра до Эрзерума, Коньи (Турция) и далее, он считался средством выражения дум людей иранского и туранского миров. Иран и Центрально-Азиатский регион нельзя связывать только языковой, географической и этнической составляющими. Их идентичность обусловлена и общностью национальных традиций, например праздника Науруз, а также сходством пословиц и мудрых изречений, что в совокупности свидетельствует о близком родстве исторического наследия иранского, кыргызского и других народов ЦА [15, с. 33].

В 2002 году была проведена международная конференция на тему «Диалог цивилизаций на Великом шелковом пути», организованная МИД Исламской Республики Иран и Бишкекским гуманитарным университетом. В 2008 году при поддержке Дипло-

матической академии Кыргызской Республики и посольства ИРИ в КР прошли разные научные и культурные мероприятия по следующим направлениям:

- неделя культуры Ирана в Кыргызстане, цель которой — представление страны и ознакомление кыргызстанцев с культурой Ирана;
- показ иранских фильмов и сотрудничество в области кинематографии;
- проведение культурных выставок в Кыргызстане.

В рамках этого процесса народы Центральной Азии опираются на свое историческое прошлое, во многом общее с Ираном, и определяют позицию для своего политического настоящего [14, с. 33].

В связи с этим Исламская Республика Иран в последние годы уделяет особое внимание популяризации в регионе персидского языка. Всем государствам Центральной Азии, в том числе Ирану, присущи специфические историко-культурные и институциональные особенности, чем объясняется необходимость сугубо индивидуального подхода к каждому из них.

Прошлое стран Центральной Азии предопределяет характер социальной и экономической эволюции, произошедшей в данном регионе. Эта зависимость от совместно пройденного исторического пути народов Центрально-Азиатского региона и Ирана так или иначе подвержена влиянию случайности. Пренебречь этим — значит потерять влияние и позиции в регионе [14, с. 16].

Обращая внимание на прошлые исторические связи и культурное взаимодействие, в течение многих лет поддерживаемые между народами двух стран посредством Великого шелкового пути, можно с уверенностью утверждать, что и в настоящее время культурно-гуманитарные контакты — это одно из важных направлений сотрудничества между Ираном и Кыргызстаном. Это партнерство выражается в подготовке кадров, а также в сотрудничестве в области культуры и науки между двумя странами [20, с. 74].

С 1995 года в пяти вузах Кыргызстана были открыты центры по изучению персидского языка, а также факультет исламоведения. С каждым годом увеличивается квота на государственные стипендии, выделяемые иранским правительством для граждан Кыргызстана, желающих обучаться в вузах Ирана. Налажены

прямые связи между крупнейшими университетами двух стран, ведется работа по дальнейшему укреплению межвузовского сотрудничества.

Достигнуты договоренности о создании совместной рабочей группы в целях разработки программы двустороннего сотрудничества в области науки и высшего образования, согласованы основные направления работы по межвузовскому обмену для обеспечения преподавателям и студентам стажировок.

После обретения независимости руководители и представители интеллигенции Кыргызской Республики при поддержке посольства ИРИ в КР организовали обучение персидскому языку в некоторых университетах страны; ведутся научно-исследовательская, переводческая деятельность и работа по книгоизданию; осуществляется обмен научной информацией, студентами и профессурой.

В октябре 2007 года 30 представителей кыргызского профессорско-преподавательского состава побывали в Иране. Они получили возможность познакомиться с иранской культурой, обменяться опытом со своими коллегами, посетить крупнейшие учебные заведения Ирана, а также наладить связи для дальнейшего сотрудничества в области науки и культуры. Президент ИРИ Махмуд Ахмадинежад на встрече с интеллигенцией из Кыргызстана, указывая на вклад ученых в расширение международных контактов, заявил: «Развитие научных связей создает и укрепляет основы для культурного, политического и экономического взаимодействия между странами». Он отметил необходимость создания совместного научно-исследовательского комитета: «ИРИ будет поддерживать научные проекты между университетами и учеными Ирана и Кыргызстана. Сегодня Иран находится на высочайшем уровне и имеет развитые технологии. И свои достижения, и опыт в различных областях может предоставить дружественным странам. Наука должна служить во имя человечества» [4].

Между Ираном и Кыргызстаном налажены связи в области кинематографии, подкрепленные в 2006 году подписанием в рамках ЭКО специального Меморандума о сотрудничестве. В 2007 году кинематографисты Кыргызстана участвовали в работе Тегеранского кинофестиваля молодого кино. Фильмы из Ирана были показаны в сентябре 2007 года на Первом Иссык-Кульском кино-

фестивале стран — участниц ШОС. В том же году в Кыргызстане проходила демонстрация иранских короткометражных фильмов, посвященных празднику Науруз.

В мае 2005 года была организована выставка культуры Ирана в Бишкеке с целью познакомить кыргызстанцев с культурой этой страны. Ежегодно в преддверии празднования праздника Науруз приезжают национальные музыкальные коллективы Ирана, дающие бесплатные концерты для жителей Кыргызстана. Также в Бишкеке со стороны посольства ИРИ в КР регулярно проводятся мероприятия, посвященные празднованию годовщины Исламской революции в Иране, на которых посольство Исламской Республики Иран в КР демонстрирует фильмы о достижениях и культуре Ирана приглашенным кыргызским гостям [20, с. 81].

Кыргызы хорошо знают Иран и его культуру. Выдающийся памятник персидской литературы «Шахнаме» наряду с эпосом «Манас» является одним из самых популярных произведений, а такие памятники персидской литературы, как «Голестан» и «Бустан» Саади, до сих пор вызывают исследовательский интерес кыргызских иранистов. Кафедры иранистики и преподавания персидского языка функционируют в университетах и школах этой страны, и иранские культурные произведения здесь воспринимаются весьма положительно [17]. В последние годы персидский язык преподается в четырех вузах и пяти школах Кыргызстана. Руководитель Культурного представительства Ирана в Кыргызстане Парвиз Гасеми отмечал, что «Культурное представительство Исламской Республики Иран в Бишкеке проводит обширную работу по формированию правильного представления о современном Иране, достижениях Исламской революции, в том числе посредством интернет-пространства и социальных сетей, а также по ознакомлению с культурным наследием Ирана, эффективному взаимодействию и сотрудничеству с местными СМИ для освещения мероприятий Представительства, налаживанию связей с университетами и культурными центрами, расширению представительства “Аль-Хода Публикейшенс” в Бишкеке, проведению международного культурного диалога между Ираном и Центральной Азией в Бишкеке в марте этого года, а также мероприятий в других областях, в частности переводческой и издательской деятельности» [17].

Несмотря на совместное историческое и культурное прошлое, во взаимоотношениях между Ираном и Центральной Азией присутствуют серьезные проблемы. Центральная Азия, расположенная на перекрестке Востока и Запада и связанная с тюркской и исламской культурами, представляет собой место пересечения этих различий. Это прослеживается в смешении традиций и обычаев, уходящих корнями в историю и одновременно сформировавшихся в условиях западной современности. Проблемой, препятствующей расширению культурных связей с этим регионом, является отсутствие у официальных лиц ИРИ плана по обеспечению широкого культурного влияния [16].

Заключение

Проведенный анализ сотрудничества между двумя странами в разных сферах показывает, что у Кыргызстана и Ирана фактически не было ни политических, ни экономических противоречий. Это создало условия и заложило основу для установления долгосрочных дружественных отношений. Взаимопонимание между Кыргызской Республикой и Исламской Республикой Иран проявилось в единстве позиций по различным вопросам и выражается во взаимной поддержке инициатив на региональном и международном уровнях.

Отношения между Кыргызстаном и Ираном имеют устойчивый и стабильный характер с периода установления дипломатических отношений в 1991 году и до настоящего времени. Хотя стоит отметить, что были этапы активного подъема и спада в двусторонних отношениях.

С 2009 по 2017 год на двусторонние отношения оказывали воздействие разные факторы: прежде всего, внешняя политика Ирана на Ближнем Востоке (сирийский конфликт, ситуация в Йемене, Ираке, Бахрейне и т. д.), закрытие авиасообщения и банковских операций через Банк Пакистана в КР в 2009 году. Негативное влияние на отношения оказало нахождение военной базы США в Кыргызской Республике (с 2002 по 2014 г.). Этим можно объяснить снижение интенсивности отношений, особенно после смены власти в КР в 2005, 2010, 2020 годах.

Рассматривая перспективы двусторонних отношений, следует отметить, что Кыргызстан, как и другие страны Центральной

Азии, на протяжении всего периода независимости не оставался в стороне от общих для всех тенденций — установления многосторонних отношений с Ираном. Эта страна обладает достаточным потенциалом экономических ресурсов. Однако иранскую политику, направленную на взаимодействие с Кыргызстаном, нельзя охарактеризовать как эффективную.

В этой связи перспектива последующей трансформации Ирана в важный элемент экономического развития в рамках ШОС и вклад в обеспечение безопасности в регионе на фоне угрозы со стороны Афганистана создают условия для дальнейшего развития двусторонних отношений между двумя странами.

Благодаря вступлению Ирана в ШОС будет расширяться сотрудничество со странами Центральной Азии в целом и Кыргызстаном в частности. В то же время, исходя из экономического потенциала КР, Иран вряд ли будет рассматривать Кыргызстан как приоритетное направление внешней политики в ЦА. Гуманитарное и культурное взаимодействие также не будет выходить за традиционные рамки двустороннего сотрудничества. Вместе с тем Кыргызстан заинтересован в установлении более тесных экономических торговых связей с Ираном, особенно на фоне разворачивающихся западных санкций в отношении РФ и стран — членов ЕАЭС.

Последние события в Афганистане, на Украине и вынужденный разворот России на Восток будут, в свою очередь, подталкивать Иран к активизации торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии, а также с РФ и КНР, прежде всего в вопросах безопасности, обеспечиваемой через региональные структуры ОДКБ.

Литература

1. *Бейсебаев Р.С.* Внешнеполитический курс Ирана в Кыргызстане. – URL: <https://www.academia.edu/31639630/%D0%92%D0%BD%D0%B5%D1%88%D0%BD%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%BB> (дата обращения: 01.03.2022).
2. *Воронов С.* Некоторые аспекты ирано-киргизских отношений на современном этапе. – URL: https://www.iran.ru/news/analytics/44731/Nekotorye_aspekty_irano_kirgizskih_otnosheniy_na_sovremennom_etape (дата обращения: 01.03.2022).
3. Глава МИД КР обсудил с иранскими дипломатами вопросы сотрудничества в рамках ШОС. – URL: https://www.iran.ru/news/politics/51742/Glava_MID_KR_obsudil_s_iranskimi_diplomatami_voprosy_sotrudnichestva_v_ramkah_ShOS (дата обращения: 28.02.2022).
4. Делегация ученых из Кыргызстана встретилась с президентом Ирана. – URL: <https://24.kg/archive/ru/community/27049-2007/11/09/67743.html/> (дата обращения: 03.03.2022).

5. За 30 лет Иран и Кыргызстан заключили более 100 соглашений. – URL: https://www.vb.kg/doc/413706_zh_30_let_iran_i_kyrgyzstan_zakluchili_bolee_100_soglasheniy.html (дата обращения: 12.03.2022).
6. *Князев А.* Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии: эволюция и приоритеты. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/a-knyazev-regionalnaya-strategiya-irana-v-tsentralnoy-azii-evolyutsiya-i-prioritety/> (дата обращения: 02.02.2022).
7. Кыргызстан не позволит США использовать авиабазу в «Манасе» против Ирана, уверен иранский посол. – URL: <https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=11958434> K (дата обращения: 03.03.2022).
8. *Месамед В.И.* Иран – Кыргызстан: как развивается диалог. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=41366> (дата обращения: 01.03.2022).
9. *Мехдиев Э.Т.* Состояние и перспективы отношений Ирана со странами Центральной Азии и Закавказья // Международные отношения. – 2017. – № 4. – С. 1–15. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23235 (дата обращения: 12.03.2022).
10. *Мешкени Г.Н.* Проблемы и упущенные моменты активности ИРИ в ЦА и на Кавказе // Аму-Дарья. – М., 2000. – № 5. – 250 с.
11. Министр Р. Казакбаев обсудил с послом Ирана С. Харрази использование ж/д коридора Иран–Туркменистан–Узбекистан–Кыргызстан. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/261197398> (дата обращения: 15.03.2022).
12. Новый посол Ирана в Кыргызстане: «Торгово-экономические отношения между нашими странами имеют огромный потенциал». – URL: <https://for.kg/news-381676-ru.html> (дата обращения: 15.03.2022).
13. Посол Ирана в Кыргызстане о том, как развиваются отношения двух стран. – URL: https://24.kg/obschestvo/107772_posol_irana_v_kyrgyzstane_otom_kak_razvivayutsya_otnosheniya_dvuh_stran/ (дата обращения: 03.03.2022).
14. *Санани М.* Взаимоотношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ. – М., 2002. – 314 с.
15. *Харрази С.С.* Вступительное слово // Диалог цивилизаций на Великом Шелковом Пути: сб. ст. по итогам науч. конф. – Бишкек, 2002. – 462 с.
16. Foreign Policy of the Islamic Republic of Iran in Central Asia Authors: Amir Reza Hojjati, a Ph.D. student in International Relations, Islamic Azad University. Tehran Department of Science and Research. Iraj Hojjati is a graduate student in political science at Islamic Azad University, Shahrez Branch = طرح سیاست خارجی جمهوری اسلامی ایران در آسیای مرکزی – URL: <http://ensani.ir/file/download/article/20161213114240-10070-45.pdf> (дата обращения: 01.03.2022).
17. Iranian Cultural Representative in Kyrgyzstan: Good prerequisites for cultural relations have been created = رایزن فرهنگی ایران در بیشکک: اتفاقات خوبی در روابط فرهنگی ایران و قرقیزستان در حال شکلگیری است – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1398/09/10/2150113/%D8%B1%D8%A7%DB%8C%D8%B2%D9%86-%D9%81%D8%B1%D9%87%D9%86%DA%AF%DB> (дата обращения: 10.03.2022).
18. Kyrgyzstan Trade and Market Guide = راهنمای تجارت کشور قرقیزستان، تهران، ۲۰۰۸ – Tehran, 2008. – 410 p.
19. The first step for the development of trade cooperation between Iran and Kyrgyzstan = گام اول توسعه همکاری تجاری ایران و قرقیزستان – URL: <https://ecoiran.com/> (дата обращения: 12.03.2022).
20. 10 Years of Iran-Kyrgyzstan Relations, a guidebook published by the Embassy of the Islamic Republic of Iran in Kyrgyzstan = ده سال روابط بین ایران جمهوری قرقیزستان، بیشکک، ۲۰۰۲ – Bishkek, 2002. – 215 p.

Усманов Рафик Хамматович,

доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и международных отношений,
Астраханский государственный университет, Астрахань.

Rafik Kh. Usmanov,

Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Political
Science and International Relations,
Astrakhan State University, Astrakhan.

E-mail: usmanr@mail.ru

Гулиев Орхан Эльшадович,

аспирант,
Астраханский государственный университет, Астрахань.

Orhan E. Guliev,

PhD student (Political Science),
Astrakhan State University, Astrakhan.

E-mail: gulievorhan96@mail.ru

КОЛЛЕКТИВНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

COLLECTIVE SECURITY OF THE CASPIAN REGION: CURRENT CHALLENGES AND THREATS TO SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Аннотация: в статье авторы, используя метод сравнительного анализа, проводят исследования геополитических вызовов и угроз безопасности Каспийского региона. Целью статьи является выявление и структурный анализ проблем и тенденций безопасности, а также законодательной договорно-правовой базы в этой сфере. Актуальность данной научной работы обусловлена современными политическими процессами в регионе: геополитическими изменениями на Южном Кавказе, приходом к власти в Афганистане радикального исламского движения, социально-экономическими потрясениями в Казахстане и Украине. Данные события показывают конфликтогенный потенциал неразрешенных кризисных явлений в пространстве Каспийского региона. Предметом исследования выступают актуальные угрозы коллективной безопасности Каспийского региона в контексте современных глобальных вызовов. За период последних более двух десятилетий выработана значительная договорная и правовая база между прикаспийскими государствами в области коллективной и региональной безопасности. Ключевым документом данной договорно-правовой базы служит «Конвенция о правовом статусе Каспийского моря». В целом политико-правовая база взаимоотношений построена на нормах международного права и основных положениях Устава Организации Объединенных Наций. В результате проведенного анализа выявлены основные вызовы и угрозы коллективной безопасности устойчивого развития Каспийского региона. Сложившийся потенциал вызовов и угроз требует компетентного экспертного анализа и дальнейшей кооперации исследователей в области коллективной безопасности прикаспийских государств. Особое внимание

в данной статье уделяется этноконфессиональному конфликтогенному фактору как угрозе региональной дестабилизации.

Ключевые слова: Каспийский регион, прикаспийские государства, международные отношения, геополитика, коллективная безопасность, терроризм, конфликтогенность, энергетические ресурсы, договор, Кавказ, миграция.

Abstract: in this article, the authors, using the method of comparative analysis, conduct research into the geopolitical challenges and threats to the security of the Caspian region. The purpose of this article is to identify and structurally analyze security problems and trends, as well as the legal and legislative framework in this area. The relevance of this scientific work is justified by modern political processes in the region: geopolitical changes in the South Caucasus, the coming to power in Afghanistan of the radical Islamic movement, social and economic turmoil in Kazakhstan and Ukraine. These events show the conflict potential of unresolved crisis phenomena in the Caspian region. The subject of the study is the current threats to the collective security of the Caspian region in the context of current global challenges. Over the past two decades, a significant treaty and legal framework between the Caspian states in the field of collective and regional security has been developed. A key document of this treaty and legal base is the "Convention on the Legal Status of the Caspian Sea". In general, the political and legal base of mutual relations is based on the norms of international law and the main provisions of the United Nations Charter. As a result of the conducted analysis the main challenges and threats to the collective security of the sustainable development of the Caspian region were identified. The existing potential of challenges and threats requires a competent expert analysis and further cooperation of researchers in the field of collective security of the Caspian states. Particular attention in this article is given to the ethno-confessional conflictogenic factor as a threat to regional destabilization.

Key words: Caspian region, Caspian states, international relations, geopolitics, collective security, terrorism, conflictogenicity, energy resources, treaty, Caucasus, migration.

Введение

На современном этапе, особенно на рубеже XX—XXI веков, в научной литературе устоялась концепция стратегического значения Каспийского региона, связанная, прежде всего, с выгодным географическим положением, а также со значительными запасами биологических и углеводородных ресурсов. Известно, что Каспий является крупнейшим в мире внутриконтинентальным озером-водоемом. После распада СССР данная проблема явилась предметом споров и обсуждений стран Каспийского региона по определению его международного правового статуса и разделения между государствами. Более того, современное транспортно-коммуникационное значение Каспия усилило его значимость, и связано это, прежде всего, с ролью связующего звена между Европой и Азией как центра евразийского пространства. В одном из исследований — монографии «Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России)» — характеристика данного региона представлена следующим образом: «Район Каспийского моря всегда был одним из узловых центров Евра-

зийского политико-этнического и социокультурного ландшафта и играл немаловажную роль в истории его народа и государств» [5, с. 21]. Безусловно, Каспийский регион до сегодняшнего дня играет исторически важную роль для глобального мироустройства. Данный фактор был связан с расположением региона в границах нескольких цивилизаций, исторически являясь наследием многочисленных наций и народностей. Длительный период регион представлял собой территорию в границах, связанных международно-правовыми и политическими интересами России и Ирана. После приобретения независимости бывшими советскими республиками интерес к изучению политико-правовых процессов в данном регионе значительно возрос.

С периодом приобретения независимости республиками бывшего СССР кардинально меняются геополитические реалии региона. Из двухсторонних взаимоотношений в прикаспийском регионе они переходят в формат взаимодействия пяти прикаспийских государств. Новым существенным фактором становится рост влияния как внерегиональных акторов, так и соседних стран и ведущих мировых держав.

На этом этапе новообразовавшиеся постсоветские государства столкнулись не только с глобальными вызовами, но и с локальными региональными проблемами. В связи с их спецификой данные проблемы можно классифицировать следующим образом:

- экологические (изменение климата, загрязнение промышленными отходами, антропогенное воздействие: проблема Аральского озера, последствия аварии на Чернобыльской АЭС);
- международный терроризм, распространение радикальных идей (ИГИЛ, Сирия, Афганистан — источники нестабильности для региона);
- неразрешенные территориальные конфликты (Украина, Приднестровье, Донбасс, Абхазия и Южная Осетия, Нагорный Карабах);
- экономические вызовы (формирование сырьевой экономики (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), зависимость от внешней финансовой помощи (Молдавия, Армения и т. д.), слабость постсоветских государств в развитии конкурентоспособной рыночной экономики);

- потенциальные межэтнические и межконфессиональные кризисы (существование особых конфликтогенных зон, миграция, религиозный радикализм);
- слабое развитие политических институтов и гражданского общества (формирование авторитарных систем управления, отсутствие политического плюрализма).

Надо отметить, что каждый из выделенных пунктов требует более углубленного компетентного анализа. В последующем все перечисленные пункты в целом требуют всестороннего комплексного и объективного научного анализа, так как представляют угрозу стабильности и устойчивому развитию всего региона. В данном исследовании особое внимание направлено на потенциальные межэтнические и межконфессиональные вызовы.

Ценным источником для анализа международно-правовых документов, затрагивающих подготовку и формирование самой концепции правового статуса Каспийского моря в течение трех столетий, является изданная в 2018 году книга «Каспий: международно-правовые документы», подготовленная ведущими специалистами в этой области С. С. Жильцовым, И. С. Зонн, А. Г. Костяной и А. В. Семеновым [4].

Основные принципы международно-правовой основы безопасности Каспийского региона

Прежде всего, необходимо сделать анализ имеющейся международной договорной и правовой основы формирования коллективной безопасности, предупреждающий межэтнические и межконфессиональные угрозы. В начальный период формирования современного пятистороннего формата начинает выстраиваться мировоззренческая основа региональной концепции безопасности. Так, в ходе Второго каспийского саммита, проведенного в Тегеране в 2007 году по инициативе иранской стороны, была принята Декларация с участием Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. По условиям принятой Декларации стороны обязались согласно договоренности всех прикаспийских государств проводить регулярные встречи глав государств, а между этими встречами — переговоры глав МИД прикаспийских государств. В данном случае следует выделить основные

пункты Декларации, где стороны отмечают стремление эффективно «использовать богатый потенциал Каспийского региона», при этом особо подчеркивая энергетическую и транспортную сферу в условиях коллективной безопасности [4, с. 279—283].

Безусловно, данные положения продолжают представлять особую перспективу для налаживания экономической кооперации и создают условия для экономического роста этих государств. При этом стороны обязались способствовать эффективному использованию транспортного потенциала региона, содействуя развитию международных транспортных коридоров. При этом в Декларации Саммита процесс развития сотрудничества пяти прикаспийских государств основывается на дружбе и добрососедстве, которые отвечают коренным интересам их народов, что является важным фактором обеспечения региональной безопасности. В пункте XXII Декларации стороны указывают на то, что международный терроризм, агрессивный сепаратизм и иные насильственные проявления экстремизма, нелегальный оборот наркотиков, оружия и другие формы транснациональной организованной преступности как глобальные вызовы угрожают безопасности всего мирового сообщества, а также международной политической стабильности [11, с. 282—283].

Во время проведения в Баку Третьего каспийского саммита в 2010 году прикаспийские государства подтвердили основные положения Декларации, принятой на Саммите в Тегеране. В совместном заявлении глав государств стороны обязались наращивать сотрудничество для развития региональных и международных энергетических и транспортных коридоров. По положению пункта XII совместного заявления договаривающиеся стороны обозначили существующие конфликты в регионе Каспийского моря как угрозу коллективной безопасности. Стороны определили главные условия для разрешения этих конфликтов, прежде всего такие, как соблюдение территориальной целостности и нерушимость границ государств [11, с. 284—287].

Принятая Декларация подчеркивает исключительный суверенитет прикаспийских государств на ресурсы данного уникального водоема. Особое значение в указанном дипломатическом документе придается экологической безопасности и сохранению биологических ресурсов региона.

Следует более тщательно рассмотреть пункт XVIII Декларации, где договаривающиеся стороны зафиксировали взаимное стремление к установлению многополярного мироустройства, а также к оказанию содействия укреплению роли ООН как механизма поддержания мира. История показывает, что проведение военной операции на территории Ирака без одобрения Совета Безопасности грубо нарушало Устав данной организации. Такие факты и события приводят к понижению роли и влияния главной международной организации в мире.

Учитывая геополитические потрясения, связанные с военными действиями США в Афганистане и Ираке, принятая Декларация подчеркивает стремление каспийских стран к сохранению стабильности и безопасности в данном регионе. Согласно ст. XIX Декларации стороны подтверждают принцип нераспространения ядерного оружия, отмечая право на производство и использование ядерной энергии в мирных целях. На этом этапе на Иран были наложены жесткие рестрикции. Более того, противостояние Ирана с Израилем и его союзниками могло перейти к вооруженной конфронтации. Такого рода события однозначно привели бы к религиозным, этноконфессиональным конфликтам и в результате — к гуманитарному кризису в регионе. Именно из-за этого государства Каспийского региона всячески подчеркивали принцип мирного разрешения кризиса и упреждения таких явлений [11, с. 284—287].

В следующем пункте зафиксирован отказ от вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Данное положение можно интерпретировать широко, но следует отметить, что в последнее время США и ЕС высказывали критическую позицию по отношению к происходящим внутривосточным событиям в прикаспийских государствах. Эти претензии были обращены, прежде всего, в сторону нарушения прав человека и норм демократических процедур, особенно электоральных процессов. Стороны в данном пункте зафиксировали взаимную поддержку и противодействие такого рода фактам.

Главным достижением Каспийского саммита в Баку стало подписание Соглашения о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. По положению данного Соглашения стороны обязались сотрудничать в борьбе с терроризмом, ор-

ганизованной преступностью, оборотом наркотических средств, контрабандой, браконьерством [13, с. 294—299].

В последнее время особую актуальность приобрела проблема борьбы с незаконным оборотом наркотических средств. Дестабилизация ситуации в Афганистане превратила данное государство в одного из глобальных лидеров производства наркотических средств. Были организованы незаконные маршруты транспортировки наркотиков, пересекающие территорию прикаспийских государств. Борьба с этой проблемой требует совместного всеобъемлющего ответа, получившего свое начало с подписанием данного Соглашения.

По принципам, достигнутым ранее в ходе трех саммитов прикаспийских государств, и для дальнейшего развития взаимоотношений был организован в 2014 году Четвертый каспийский саммит в Астрахани. Данный Саммит прикаспийских государств прошел в период формирования новых вызовов и угроз в регионе. Анализируя данные геополитические изменения, произошедшие в тот период, следует обратить внимание на события «арабской весны», которые в значительной степени могли повлиять на устойчивость политического развития прикаспийских государств.

В совместном заявлении пяти сторон подчеркивалась важность заключения конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Безусловно, определение всеобъемлющего правового статуса Каспия оставалось главной проблемой для выработки совместных планов для устойчивого развития региона и противостояния внешним негативным факторам. Положения данного заявления подтверждают принципы ранее достигнутых соглашений и совместных заявлений. Новый принцип обозначен в пункте IV «Обеспечение стабильного баланса вооружений Сторон на Каспийском море» принятого документа. Так, например, военное строительство должно учитывать интересы всех сторон, а в пункте V стороны обязуются в военной деятельности соблюдать принципы предсказуемости и транспарентности [12, с. 289].

Следует отметить, что ключевой принцип записан в пункте VI заявления, где стороны зафиксировали присутствие на Каспии вооруженных сил только прикаспийских государств. Принятие данного решения в совместном заявлении вносит существенный вклад в базовый принцип коллективной безопасности и стабиль-

ности Каспийского региона. Милитаризация и превращение региона в зону геополитического противостояния ведущих держав не отвечает принципам устойчивого развития региона. Следует также обратить внимание на пункт VII принятого документа, который указывает на национальный суверенитет каждого прикаспийского государства над прибрежным морским пространством в пределах 15 морских миль [12, с. 288—290].

Три протокола, согласованные в ходе Пятого каспийского саммита в Актау в 2018 году, были приняты единогласно для выполнения условий ранее достигнутого Соглашения о сотрудничестве в сфере коллективной безопасности на Каспийском море:

- Протокол о сотрудничестве и взаимодействии пограничных ведомств к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 года;
- Протокол о сотрудничестве в области борьбы с организованной преступностью на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 года;
- Протокол о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом на Каспийском море к Соглашению о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море от 18 ноября 2010 года.

Особую опасность для всего региона представляет террористическая угроза со стороны радикальных религиозных и сепаратистских сил. В свете череды социально-политических потрясений и деструктивного внешнего вмешательства сформировались такие центры нестабильности, как Афганистан, Ирак, Сирия, Ливия, Йемен. Данная угроза не только распространяется на соседние государства, но и формирует геополитические вызовы глобального масштаба, влияющие и на Каспийский регион. Попытки устранения государственных органов, как, например, в Сирии или Ираке, создают вакуум безвластия, который используется радикальными элементами. Финансовые ресурсы, растущие за счет незаконной эксплуатации природных и культурных достояний (продажа исторических артефактов), производства и продажи наркотических средств, направляются на распространение глобальной сети террористических организаций. Ярким примером этому является незаконная деятельность ИГИЛ.

Для России сохранение безопасности и стабильности, достигнутых с большим трудом в 1990—2000-х годах, имеет первоочередное значение. Прикаспийские регионы России сохраняют высокую степень напряженности, следовательно, фактор безопасности является главенствующим для южного макрорегиона РФ [16, с. 189].

При проведении комплексного анализа можно отметить, что прикаспийский регион с 90-х годов XX века превратился в центр геополитического напряжения. Это связано, прежде всего, с существующими неразрешенными (нагорнокарабахский, южноосетинский, абхазский) и геополитическими конфликтами (борьба Ирана с западными государствами и Израилем). Кроме этого следует отметить особо актуализировавшийся системный кризис, результатом которого стал социальный взрыв в Казахстане и военный конфликт в Украине. Исследуя тему безопасности в Каспийском регионе, С. В. Новоселов, в частности, отмечал консервацию, а затем актуализацию негативных тенденций [8, с. 105].

Межэтнические и межконфессиональные вызовы напряженности в регионе

Формирование геополитической напряженности на Каспии связано со стратегической значимостью всего Каспийского региона с его природными ресурсами, коммуникациями, а также географическим положением. Так, отечественными исследователями отмечаются факторы формирования точки напряженности в прикаспийском регионе: это, как правило, слабость или отсутствие демократических механизмов и влияние миграционных процессов в регионе. Последнее без эффективной работы государственных и общественных организаций приводит к росту влияния фактора полиэтничности и поликонфессиональности. Такие процессы могут привести к росту социального напряжения в обществе [16, с. 190].

Обращается внимание на сложность построения государственной конфессиональной политики в поликультурном регионе Каспия: возможны как синхронные, так и диахронные линии формирования в этом направлении. Разумеется, этноконфессиональная политика должна формироваться с учетом локальных, региональных и глобальных политических процессов.

В этом смысле астраханский опыт сосуществования различных этносов и религиозных течений может послужить положительным примером для регионального сотрудничества. Известно, что Астраханская область как формирующийся центр Каспийского региона исторически является композитным и многосоставным сообществом с высоким уровнем толерантности [1, с. 24]. В обоснование данного факта необходимо учесть, что конфессиональная политика в регионе формировалась с учетом близости кавказских республик с их конфессиональным разнообразием.

С постсоветского периода Астраханская область стала поглощать пассионарные исламские миграционные волны с Северного Кавказа. В последнем случае происходят усиление традиционалистических устремлений в обществе, формирование этнических кланов, приверженность адатам и сохранение раздела общества по архаической системе [2, с. 97]. С постсоветского периода ряд регионов Кавказа перешел в стадию рефронтира, и данная тенденция имеет реверсивный характер [9, с. 289].

На важное политическое составляющее Юга России, представляющего Север Каспия, обращает внимание профессор П. Л. Карабущенко, отмечая существующую поддержку правящей партии, которая связана не столько со свободным волеизъявлением населения, сколько с использованием административного ресурса. Исследователь отмечает формирование особых взаимоотношений федеральных властей с региональной политической элитой, которую называет откупной [6, с. 19—20].

Отличительные черты субъектов Северного Кавказа, входящих в Каспийский регион, связаны с полиэтничностью и центральным местом религиозного фактора в общественной жизни некоторых этносов региона, что в некоторой степени влияет на этнополитическую составляющую конфликтогенного фактора. Профессор М. М. Гаджиев среди основных причин, препятствующих гармонизации этнических, конфессиональных и политических процессов в Северокавказском регионе, выделил следующие причины: отсутствие устойчивых демократических традиций и институтов гражданского общества, поляризация общества (имущественная, социальная), отсутствие значительного слоя среднего класса [3, с. 103].

Для формирования объективных оснований геополитических факторов влияния на коллективную безопасность Каспийского региона следует проанализировать геоэкономическое влияние его внерегиональных акторов. На современном этапе к традиционным геополитическим субъектам в региональной конкурентной борьбе к США и Великобритании добавились новые центры силы: Китай, ЕС, Израиль, Турция. Геополитический интерес США к Каспийскому региону связан с множеством факторов: противостоянием с Ираном и Россией (предотвращение формирования оси Москва — Тегеран), энергетическими ресурсами региона и диверсификацией энергетических маршрутов в регионе [15, с. 74].

Заключение

Принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на Пятом саммите прикаспийских государств, проведенном в Актау в 2018 году, стало результатом длительного переговорного процесса и создания благоприятных условий для устойчивого развития региона. Данный правовой документ — «Конституция Каспия» — определяет и регулирует права и обязанности прикаспийских государств в использовании ресурсов Каспия. Помимо традиционных принципов (уважение суверенитета, независимости, использование Каспия в мирных целях, взаимное уважение и т. д.) в ст. III сформулированы принципы по сохранению коллективной безопасности в регионе. Так, например, подтверждаются ранее выдвинутые инициативы соблюдать согласованные меры доверия в сфере военной деятельности в духе предсказуемости и транспарентности [7, с. 517—531].

Принципиальным положением по сохранению безопасности является формулировка об отказе размещения на Каспии вооруженных сил, не принадлежащих договаривающим сторонам, а также о непредоставлении территории другим государствам для агрессии против прикаспийских государств. Данные принципы, существовавшие еще при двухсторонних отношениях СССР и Ирана в Каспийском регионе, стали базовыми элементами пятисторонней политики безопасности в регионе, что подтверждает преемственность, отраженную в главном правовом документе Прикаспийского региона «Конституции Каспия». В перспективе принятая Конвенция предполагает решение дальнейших про-

блем урегулирования спорных территорий акватории и общей части морского простора между каспийскими государствами. Большая предварительная работа и принятые международные правовые документы (Тегеранская конвенция (и протоколы к ней), Соглашение о сохранении и рациональном использовании водных биологических ресурсов и др.) дают основания для принятия будущих взаимовыгодных решений [14, с. 108—117].

Как отмечают И. В. Рыжов и В. В. Толкачев, «путем негативного влияния на внешнюю и внутреннюю политику прикаспийских государств, на принятие ими соответствующих решений конфликты на Ближнем Востоке могут вызывать множество проблем, связанных с обеспечением безопасности стран Каспийского региона, оказать значительное негативное воздействие на процесс обеспечения экономической и энергетической безопасности, обострив вопросы, связанные с возможностями добычи и транспортировки нефти и газа. Только учет и решение всей совокупности указанных проблем может обеспечить устойчивую безопасность (в первую очередь энергетическую) в регионе» [10, с. 75—82].

Для Российской Федерации сложившаяся современная международная ситуация, отражающая последствия войны в Ираке и Сирии, а также последние события на Украине значительно увеличивают риски и угрозы коллективной безопасности и повышают в настоящее время значение региона Каспийского моря. В связи с этим, как мы отмечали ранее, «неопределенность и неустойчивость систем (региона) может оказаться опасной вследствие ее неуправляемости» [14, с. 108—117]. Сегодня даже незначительные деструктивные факторы вызовов и угроз коллективной безопасности способны привести к эскалации напряженности и разрушить устоявшуюся перспективную дипломатическую модель международного сотрудничества государств Каспийского региона — геополитической оси евразийского пространства.

Литература

1. *Викторин В. М., Магомедов А. К.* Специфика исламополитической трансформации в Астраханском регионе в постсоветский период: заметки на полях материала о так называемом «Астраханском хабе» российского ваххабизма // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2020. – № 1. – С. 20–27.
2. *Гаджиев М. М.* Основные факторы архаизации политической культуры и межнациональные отношения в республиках Северного Кавказа // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2016. – № 2. – С. 96–101.

3. *Гаджиев М.М.* Особенности взаимодействия политических, этнических и религиозных факторов на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2021. – № 2. – С. 103–108.
4. Декларация Азербайджанской Республики, Исламской Республики Ирана, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. По итогам Второго каспийского саммита. Тегеран, 16 октября 2007 г. // Каспий: международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 279–283.
5. *Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Усманов Р.Х.* Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России): монография. Астрахань: Астраханский университет. – 2004. – 318 с.
6. *Карабущенко П.Л.* Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «Великого Каспийского региона» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 3. – С. 17–22.
7. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Актау, 12 августа 2018 г. // Каспий: международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 517–531.
8. *Новоселов С.В.* Военно-политическая ситуация в Каспийском регионе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – № 1. – С. 14–22.
9. *Романова А.П., Толчиев М.С.* Кавказ как вечный фронтир // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2. – С. 284–291.
10. *Рыжов И.В., Толкачев В.В.* Проблемы обеспечения безопасности Каспийского региона в контексте конфликтов на Ближнем Востоке (2003–2016 гг.) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 2 (51). – С. 75–82.
11. Совместное заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Ирана, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. По итогам Третьего каспийского саммита. Баку, 18 ноября 2010 г. // Каспий: международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 284–287.
12. Совместное заявление президентов Азербайджанской Республики, Исламской Республики Иран, Республики Казахстан, Российской Федерации и Туркменистана. По итогам Четвертого каспийского саммита. Астрахань, 29 сентября 2014 г. // Каспий: международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 288–290.
13. Соглашение о сотрудничестве в сфере безопасности на Каспийском море. Баку, 17 ноября 2010 г. // Каспий: международно-правовые документы / сост. С.С. Жильцов, И.С. Зонн, А.Г. Костяной, А.В. Семенов. – М.: Международные отношения, 2018. – С. 294–299.
14. *Усманов Р.Х.* Модель современной архитектуры международной безопасности в Каспийском регионе // Россия в современной архитектуре международной безопасности: вызовы и перспективы. – М.: Моск. ун-т, 2016. – С. 108–117.
15. *Усманов Р.Х., Джавад З.Д.* Новый вектор исследования современных геополитических процессов в Каспийском регионе в аспекте национальной безопасности государств // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3. – С. 71–77.
16. *Усманов Р.Х., Тажиев Н.М.* Конфликтогенные факторы и новые вызовы этнополитической стабильности южных регионов России и Прикаспия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 3. – С. 188–197.

Копытцев Иван Сергеевич,

стажер Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России, МГИМО МИД России, Москва.

Ivan S. Kopyttsev,

Probationer, Center for Political Elites Studies, IIS MGIMO University, MGIMO University, Moscow.

E-mail: kopytcev.i.s@my.mgimo.ru

КОНФЛИКТ В ТИГРАЕ: ПОТЕНЦИАЛЫ, ОГРАНИЧЕНИЯ И ТАКТИКИ СТОРОН

CONFLICT IN TIGRAY: PARTIES' POTENTIAL, LIMITS AND TACTICS

Аннотация: в статье автор рассматривает вооруженную фазу конфликта в Тиграе, начавшегося в ноябре 2020 года. Предметом исследования выступают факторы, позволяющие определить перспективы сторон конфликта и проанализировать применяемые тактики. В качестве основных методов исследования используются кейс-стади и сравнительный анализ, комбинируя которые автор проводит оценку потенциалов акторов и их совокупного влияния на ход событий. В первой части представлена аргументация, на основании которой выделяются три ключевых фактора: 1) ресурсные ограничения; 2) поддержка внутренних акторов; 3) поддержка внешних акторов. Затем последовательно изучается влияние перечисленных детерминант на возможности и действия правительственной коалиции и оппозиционных сил по отдельности и в системе. Автор приходит к выводу, что ресурсные ограничения напрямую воздействуют на выбор тактик сторонами конфликта. Народный фронт освобождения Тиграя вынужден проводить наступательные операции, успех которых обуславливает его выживание. В свою очередь, федеральные силы предпочитают использовать оборонительную тактику. Вместе с тем комплексное влияние внешних и внутренних акторов объясняет отклонения в действиях сторон от выявленного шаблона, а поддержка последних приобретает особое значение в финальной фазе противостояния.

Ключевые слова: Эфиопия, конфликт, Тиграй, Амхара, НФОТ, Партия процветания, СОТ, НСОЭ.

Abstract: the article considers the military phase of the Tigrayan conflict. The subject of the research includes factors which allow to find out prospects and to analyse tactics of the parties to the conflict. Combining such methods as a case study and a comparative analysis, the author estimates potential of the actors and its aggregate impact on the run of events. The first part produces arguments which underpin the author's view on three main factors: 1) limits of resources; 2) support from internal actors; 3) support from external actors. The next step includes studying of the influence of the mentioned determinants on opportunities and actions of governmental and oppositional forces both separately and in a system. The author establishes that limits of resources directly affect the choice of a tactics. Thus, the Tigray People's Liberation Front has to launch offensives which should be viewed as preconditions of its viability. In turn, the federal forces have enough reasons for implementing defensive tactics. At the same time, the joint influence of external and internal actors explains some deviations from the pattern in actors' actions and the support from the latter assumes great importance in the final phase of the conflict.

Key words: Ethiopia, conflict, Tigray, Amhara, TPLF, Prosperity Party, TDF, ENDF.

Введение

В последние годы внимание большинства мировых, в том числе и отечественных, СМИ приковано к событиям в горячих точках на Ближнем Востоке и в Восточной Европе, и стремительно нарастающая нестабильность в регионе Африканского Рога остается на периферии международной повестки дня. В ряде случаев это приводит к игнорированию значимых событий. Так, внутриполитическая ситуация в Эфиопии — наиболее населенном и динамично развивающемся государстве Восточной Африки — не входит в сферу интересов отечественных новостных изданий. Между тем анализ вооруженного конфликта в Тиграе — одном из одиннадцати штатов (кылилей) Эфиопии — ценен в контексте исследования политических реалий региона. В то же время следует иметь в виду, что этот масштабный конфликт, угрожающий самому существованию такого государства, как Эфиопия, стал результатом накопившихся межэлитных противоречий и стремительно развился на плодородной почве этнической напряженности. Таким образом, нельзя не отметить его релевантность для изучения устойчивости моделей организации фрагментированного и поляризованного общества.

Автор не ставит целью подробный анализ причин или же определение политических последствий конфликта в Тиграе, а также путей его разрешения. Исследование строится вокруг рассмотрения факторов, влияющих на исход вооруженной фазы конфликта. Другими словами, рассматриваются потенциалы воюющих сторон в целях определения перспектив на театре боевых действий. Вслед за изучением контекста и выявлением этих детерминант анализируется их роль в выработке тактик противоборствующих групп. Подобный подход основан на использовании метода кейс-стади и позволяет сравнить потенциалы, а также сопоставить тактики сторон. В результате представляется возможным ответить на два ключевых вопроса, которые позволят установить наиболее вероятные военные сценарии или же причины того или иного исхода конфликта: 1) какие факторы наиболее важны при анализе военных потенциалов и перспектив сторон в Тиграйском конфликте; 2) как на практике эти факторы влияют на возможности и тактики коалиций, возглавляемых Народным фронтом

освобождения Тиграя (НФОТ) с одной стороны и федеральным правительством Эфиопии — с другой?

Предпосылки, кризис, ход боевых действий

Значительная часть политических и экономических противоречий в Эфиопии обладают этнической подоплекой, характерной для региона в целом и исследуемой страны в частности [1, с. 52—54; 2, с. 70—71; 3, с. 100; 6, с. 89]. Причины подобного положения дел следует искать в неравном положении этносов, которое сложилось еще в правление императора Менелика II (1889—1913 гг.) — основателя государства в его нынешних границах. Особенности этнической политики, де-факто институционализировавшей неравенство этнических групп (амхаризация), равно как и последующие изменения баланса, обусловили высокую степень конфликтности внутри фрагментированного общества [2, с. 194—199]. Одним из ярких примеров взаимной враждебности идентичностей являются отношения народов амхара и тиграй, которые на протяжении веков выдвигали претензии на право считаться создателями Аксумского царства [2, с. 205, 52, р. 79—81]. Таким образом, бытовые конфликты подпитываются и усугубляются историческим наследием, которое к тому же оказалось во многом мифологизировано. При этом ключевая роль этнической принадлежности в генезисе политических элит на территории Эфиопии переносит застаревшую вражду на региональный и общенациональный уровни, что в конечном итоге способствует крайней форме экстраполяции конфликтов.

Летом 2020 года правительство штата Тиграй, контролируемое националистическим НФОТ, отказалось признать решение федерального центра о переносе общенациональных выборов в связи с пандемией COVID-19. Последовавшие за этим выборы в штате (без санкции центра) привели к крайнему обострению и без того натянутых отношений двух эфиопских элит [5]. К этим элитам относятся НФОТ, который доминировал в стране на протяжении 1991—2018 годов, и Партия процветания, учрежденная в 2019 году премьер-министром Эфиопии Абием Ахмедом.

В результате неспособности сторон прийти к компромиссу 4 ноября 2020 года Вооруженные силы (ВС) Эфиопии при поддержке сил безопасности штата Амхара, амхарских парамили-

тарных формирований (Fano) и ВС Эритреи начали операцию по установлению конституционного порядка в Тиграе. Подобный шаг стал ответом на вооруженную агрессию НФОТ: нападение на подразделения, подчиненные Северному командованию, в ночь с 3 на 4 ноября [38]. Однако такая трактовка встретила активное противодействие в тиграйской среде. Так, в СМИ, лояльных НФОТ, неоднократно отмечалось, что подготовка федерального правительства к наступлению на Тиграй велась задолго до событий 3—4 ноября, которые являлись актом самообороны и были использованы как предлог для начала уже подготовленного вторжения [12; 51].

- **Первая фаза:** 4 ноября 2020 года — начало операции Национальных сил обороны Эфиопии (НСОЭ) «по восстановлению верховенства права» в штате Тиграй. Уже 28 ноября 2020 года федеральные войска и их союзники заняли столицу штата Тиграй г. Мекеле. Однако контроль временной администрации штата не распространялся на большую часть сельских районов — руководители НФОТ были вынуждены прибегнуть к тактике 1975—1989 годов, отказавшись от крупных боестолкновений в пользу партизанской войны, которая не предполагает удержания крупных населенных пунктов. Впервые после потери Мекеле лидер НФОТ Дебрецион Гебремикаэль выступил с обращением к тиграйцам 1 февраля 2021 года, призвав их вступать в Силы обороны Тиграя (СОТ), а также обвинив правительство страны в военных преступлениях, совершаемых на почве этнической принадлежности [40].
- **Вторая фаза:** в конце июня 2021 года началось контрнаступление СОТ (операция «Алюля»); 29 июня НФОТ восстановил контроль над региональной столицей и четырьмя из пяти зон (Западная зона осталась в руках амхарских формирований). В июле в рамках операции СОТ «Мать Тиграя» театр боевых действий заметно расширился: противостояние перешло на территории сопредельных штатов Амхара и Афар. 11 августа 2021 года Армия освобождения Оромо (Oromo Liberation Army, АОО), повстанческая группировка, действующая в штате Оромия, сообщила о заключении военного альянса с НФОТ. В эти же дни СОТ

объявили о проведении операции «Восход Солнца» («Sun Rise»). Боевые действия теперь велись на нескольких направлениях, преимущественно в штате Амхара. Ряд повстанческих группировок помимо АОО заявили о своей поддержке НФОТ: ФОВА (Фронт освобождения Агау, Agau Liberation Front), ФОНС (Фронт освобождения Народа Сидама, Sidama National Liberation Front), НФОС (Народный фронт освобождения Сомали, Somali People's Liberation Front), ФОГ (Фронт освобождения Гамбелы, Gambela Liberation Front), ФОВ (Фронт освобождения Бенишангула, Benishangul Liberation Front).

- **Третья фаза:** в октябре 2021 года после инаугурации правительства Эфиопии НСОЭ и союзные им силы начали наступление против СОТ в штате Амхара [19], в ходе которого ударам с воздуха подверглись стратегические объекты в тылу противника (г. Мекеле). К концу месяца стало очевидным, что удар правительственных сил оказался недостаточно эффективным: СОТ смогли удержать фронт на ключевых направлениях, хотя и были вынуждены отказаться от активных действий в районе Гондэра. Более того, в ходе контрнаступления в регионе Волло (юго-восток штата Амхара) 1 ноября СОТ после занятия стратегически важных городов Дессе и Комболча соединились с отрядами АОО; руководители НФОТ и АОО заявили о своем намерении наступать на Аддис-Абебу [13]. В свою очередь, 4 ноября 2021 года парламент Эфиопии принял решение о введении режима чрезвычайной ситуации в стране [30].

Факторы: аргументация

Определение факторов, которые наиболее существенным образом влияют на ход вооруженного конфликта в Тиграе, необходимо осуществлять с учетом двух обстоятельств: высокой интенсивности и широкой географии боевых действий, а также с учетом остро выраженной этнической составляющей, роль которой увеличивается во времени. Изначальный раскол по линии центр — регион стал лишь отражением межэлитной борьбы, основным инструментом которой является этническая мобилизация. Политическая риторика, направленная на поляризацию этнических

групп, с началом боевых действий была «подкреплена» преступлениями вооруженных группировок на почве этнической принадлежности. Таким образом, этнический фактор приобрел особое значение при формировании альянсов и определении врагов, а внутриэтнические расколы на основе поддержки проправительственных или оппозиционных элит только усложнили ситуацию.

Ресурсная зависимость сторон позволяет установить первый из искомых факторов. «Ресурсные ограничения» являются результатом соотношения обеспеченности (или необеспеченности) ресурсами сторон и их целей, лимитируя, таким образом, выбор тактик. Под термином «ресурсы» понимаются ресурсы как материальные, так и нематериальные: продовольствие, вооружение, боеприпасы, топливо, финансы, численность вооруженных формирований и боеспособного населения, трудовые ресурсы, а также опыт и подготовленность офицерского состава и рядовых, производные физического и морального состояния комбатантов и нонкомбатантов — боеспособность и производительность труда.

Этнический фактор можно конкретизировать: свести его к фактору поддержки со стороны внутриэфиопских политических и парамилитарных групп, а также этносов. Здесь этносы следует понимать как общности, которые с некоторыми оговорками обладают коллективной позицией по наиболее важным вопросам внутри Эфиопии.

Третьим фактором выступает степень поддержки со стороны внешних игроков: иностранных государств и международных организаций. Наличие таких союзников или близких партнеров может способствовать пополнению ресурсной базы, прямой или косвенной военной и/или политической поддержке.

Фактор 1: «ресурсные ограничения»

НФОТ

Для Тиграя — аграрного региона, расположенного в гористых и малоплодородных районах на севере Эфиопии, — продовольственная безопасность исторически являлась острой проблемой. В 1889—1985 годах голод здесь был зафиксирован 16 раз, а высокая плотность населения на протяжении веков вела к постепенной деградации и истощению природных ресурсов [52,

р. 93—94]. Очевидно, что во время конфликта НФОТ был вынужден мобилизовать значительные силы, преимущественно из крестьянской среды. Такая мера позволила не только вернуть под контроль большую часть территорий штата, но и развить наступление в соседних регионах. Обратная сторона военного успеха — резкое сокращение числа рабочих рук, а следовательно, и объемов производимой продукции. Более того, действия амхарского ополчения и ВС Эритреи (убийства крестьян, разрушение инфраструктуры, истребление скота и уничтожение инвентаря, запрет обрабатывать землю) подорвали экономику штата, а наиболее плодородные районы Западного Тиграя были оккупированы амхарскими формированиями с самого начала боевых действий. По данным ООН, в Тиграе на грани голодной смерти находятся 400 тыс. человек — 7% его населения (около 5,6—5,7 млн человек). При этом 5,2 млн человек — более 90% жителей штата, включая размещенных здесь беженцев, — испытывают острую нехватку еды [17; 27]. Столь высокие цифры демонстрируют, что при сохраняющемся положении дел (гуманитарные миссии имеют доступ в окруженный регион исключительно через территорию, подконтрольную федеральному правительству) человеческие ресурсы НФОТ неуклонно уменьшаются. Помимо сокращения человеческих ресурсов в тылу (как количества работников и резервистов, так и производительности труда) массовый голод вызывает страх среди населения и подрывает боевой дух — немаловажный фактор в военном деле.

СОТ располагают значительным количеством бойцов (этнических тиграйцев), которым удастся не только удерживать северо-западную, центральную, восточную и южную зоны Тиграя, но и вести успешные наступательные операции на нескольких направлениях в штатах Амхара и Афар. Подавляющее большинство при этом составляют крестьяне, многие из которых, в том числе в силу исторических особенностей Тиграя, имеют навыки и опыт обращения с оружием. В период политического доминирования НФОТ (1991—2018 гг.) тиграйцы составляли 3/4 высшего командного состава [44]; большинство этих высокопоставленных офицеров были смещены со своих постов после 2018 года и возглавили СОТ. Вместе с тем размах боевых операций выдвигает на первый план вопрос о видах вооружения и количестве бо-

е припасов в распоряжении СОР. Несмотря на полное отсутствие авиации, военное крыло НФОТ располагает широким спектром вооружений, в том числе ограниченным количеством реактивных систем залпового огня (РСЗО) БМ-21 «Град», гаубицами (Д-20 и Д-30), танками моделей Т-55, Т-62 и Т-72. Стоит отметить, что захват техники у правительственных сил — фактически единственный способ, позволяющий СОР пополнять свой арсенал на текущем этапе. Так, в ходе нападения на подразделения, подчиненные Северному командованию, 3—4 ноября 2020 года СОР захватили несколько РСЗО «Полонез». В дальнейшем эти комплексы были использованы против объектов в г. Бахир-Дар и г. Асмэра, а позже оставлены при отступлении [29]. Цели, которые решались НФОТ в рамках наступательной операции «Мать Тигра», несомненно, потребовали активного использования разных боеприпасов. Операция «Восход», в свою очередь, характеризовалась расширением активности на некоторых направлениях (например, в Афаре). Подобная ситуация увеличивает вероятность «снарядного голода» в подразделениях СОР, ведь источником пополнения запасов может являться только захват складов противника — непростая задача в силу географических и тактических особенностей противостояния. Близость еще недавно враждебной Эритреи привела к высокой концентрации военных складов, а также воинских частей на севере Эфиопии. Превентивный удар, нанесенный СОР 3—4 ноября 2021 года, а также лояльность некоторых командиров позволили тиграйцам захватить эти запасы в первые дни конфликта. Таким образом, чем дольше и интенсивнее продолжается вооруженное противостояние, тем сильнее будут сокращаться наступательные возможности СОР. Вместе с тем подобный вывод может быть нивелирован крупными успехами тиграйцев на фронте, в том числе захватом пленных, техники и складов.

Понимание основных мотивов тиграйцев, массово вступивших в ряды СОР, требует осознания угрозы, с которой столкнулись эти люди. Так, международные правозащитные и неправительственные организации в многочисленных докладах свидетельствуют о преступлениях, совершенных осенью — летом 2020—2021 годов против населения штата [21; 32]. Опираясь на эти материалы, некоторые эксперты и СМИ призвали признать действия пра-

вительственных сил и их союзников в Тиграе геноцидом [25; 46]. Экзистенциальная угроза (убийства, акты насилия, создание условий массового голода, грабежи, захват земли), с которой столкнулись тиграйцы, вынудила их сплотиться вокруг НФОТ. Стремление защитить себя, свои семьи и этническую группу в целом, а также мотив мести обеспечили быстрое пополнение СОТ и высокий боевой дух в их рядах, который к тому же поддерживается победами на фронте.

Последним элементом анализа являются денежные активы, используемые тиграйским руководством, а также источники их пополнения. Значительная часть финансовых активов НФОТ и его лидеров в течение многих лет аккумулировалась в многопрофильной корпорации EFFORT (Endowment Fund for the Rehabilitation of Tigray). Помимо этих накоплений НФОТ получает пожертвования от диаспоры — представителей тиграйского этноса, проживающих за рубежом [35]. Тем не менее для заблокированного региона и его правительства финансовые средства следует считать лишь второстепенным ресурсом, не играющим решающей роли в определении потенциала СОТ.

Федеральное правительство Эфиопии и союзные силы

К началу вооруженного конфликта в Тиграе под контролем правительства Эфиопии находились девять штатов и две территории с особым статусом (Аддис-Абеба, Дыре-Дауа). По текущим оценкам, население страны превышает 115 млн человек [20]. Таким образом, к ноябрю 2020 года в этих регионах проживали около 110 млн человек, что в 20 раз больше, чем в Тиграе. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что проведение мобилизации в большинстве регионов затруднительно. Исключением является штат Амхара и, с некоторым допущением, Афар, поскольку местные элиты и население напрямую вовлечены в конфликт.

Колоссальное превосходство федерального правительства в человеческих ресурсах изначально подкреплялось относительной продовольственной стабильностью. Представляется, что доступ к плодородным равнинам на юге и юго-западе Эфиопии, а также наличие многочисленных путей для получения гуманитарной помощи и контроль над границами резко снижают угрозу голода. Однако в условиях стремительно распространившегося

конфликта и изменения количества осадков относительно сезонной нормы в некоторых районах наблюдается продовольственный кризис. По данным Всемирной продовольственной программы, с серьезными проблемами столкнулись жители Амхара, Афары, Сомали и зон на юге Оромии [27]. Тем не менее риски, связанные с нехваткой продовольствия, не накладывают существенных ограничений на готовность федерального правительства к продолжению войны.

Помимо НСОЭ в боевых действиях участвуют ВС Эритреи, силы безопасности девяти эфиопских штатов (по крайней мере, на декларативном уровне) и амхарские вооруженные группировки. Оценить совокупную численность этих формирований зачастую непросто из-за нехватки или отсутствия точной статистики. Здесь необходимо подчеркнуть, что численность эритрейских военных и техники в зоне боевых действий (Западный Тиграй, Афар) неизвестна, поэтому приводимые в дальнейшем цифры следует рассматривать как отражение военного потенциала этой стороны конфликта, а не количественную оценку ее непосредственного участия. По данным Global Firepower за 2020 год, численность НСОЭ составляла 162 тыс. человек [10]; ВС Эритреи оценивались в 700 тыс. человек [11]. В распоряжении ВВС Эфиопии находились более 60 единиц боевой авиации, а наземные силы включали в том числе 365 танков и 545 разных артиллерийских установок и орудий [10]. Стоит отметить, что наиболее активную поддержку НСОЭ оказывают силы безопасности штата Амхара, а также амхарское ополчение, в то время как представители остальных этнических групп вовлечены в конфликт в гораздо меньшей степени. Такое положение дел объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, именно амхара являлись основными бенефициарами на ранней стадии конфликта: ими были захвачены оспариваемые у Тиграя территории. Во-вторых, вторжение СОР в штат Амхара в июле 2021 года способствовало консолидации населения вокруг правящей элиты на фоне внешней угрозы и активному вовлечению региональных сил в боевые действия. В целом доля боееспособного населения, непосредственно используемого в зоне конфликта, относительно (по сравнению с Тиграем) невысока в лояльных правительствах регионах.

Крупные потери НСОЭ в Тиграе (операция «Алюля») привели к мобилизации и активному использованию на фронте плохо подготовленных и немотивированных новобранцев и ополченцев, в том числе из южных, а также западных регионов Эфиопии. В результате численное преимущество и превосходство в технике федеральных сил в ряде случаев нивелируется их неподготовленностью и низкой устойчивостью на фронте. Очевидными козырями в руках «антитиграйской коалиции» можно считать контроль над военными складами по всей стране, а также доступ на мировые рынки вооружений. По сообщениям ряда источников, НСОЭ на разных этапах конфликта использовали беспилотные летательные аппараты, приобретенные в ОАЭ, КНР, Иране и Турции [28; 31; 41; 47]. Однако, несмотря на видимую финансовую свободу, федеральное правительство ограничено в денежных средствах, а продолжающийся конфликт уже нанес серьезный урон экономике этой развивающейся страны.

Ресурсные ограничения: обобщение

Конфликт в Тиграе асимметричен по своей природе: в условиях противостояния географически изолированного региона и нескольких союзных ему повстанческих групп с федеральным центром и его внешними и внутренними союзниками ресурсная база сторон значительно отличается. Это обстоятельство жестко лимитирует возможности СОТ, сокращая и пространство для политического маневра в условиях ограниченности выбора тактик ведения борьбы.

Общая ресурсная ограниченность НФОТ наиболее остро проявляется в сфере продовольственной безопасности. Масштабный голод в Тиграе стал следствием вторжения амхарских и эритрейских формирований, а условия для его распространения активно стимулируются извне. На сегодняшний день перспективы решения этой проблемы остаются неясными, а значит, человеческие ресурсы тиграйцев как в тылу, так и на линии фронта неуклонно сокращаются. Несмотря на наличие сообщений об использовании НФОТ продовольствия с оккупированных амхарских территорий в рамках борьбы с голодом в Тиграе [50], подобный метод не является достаточным для преодоления кризиса. Однако следует отметить, что информация о случаях голода в подразделении

ях СОТ отсутствует. Вторым ограничением, напрямую влияющим на военные успехи СОТ, следует считать отсутствие автономных источников пополнения запасов вооружения и боеприпасов. Парадоксально, но военный потенциал тиграйцев напрямую зависит от продолжения наступательных операций, вероятно, единственного средства для предотвращения снарядного голода и эффективного политического давления на правящую партию. Вместе с тем боевой дух и принятие целей борьбы населением увеличивают «запас прочности» военного крыла НФОТ. Экзистенциальный характер войны и успехи лета — осени 2021 года обеспечили сохранение высокой боеспособности в подразделениях, действующих за границами штата. Таким образом, взаимодействие различных «пределов», а также необходимость вернуть под свой контроль Западный Тиграй результативались в выборе тактики ведения войны. Летом и осенью 2021 года руководство СОТ активно проводило наступательные операции, целями которых были важные логистические узлы (г. Дессе) и транспортные артерии противника (дорога Аддис-Абеба — Джибути). Однако серьезные успехи под Дессе заставили лидеров НФОТ изменить приоритеты, хотя бы на декларативном уровне: целью наступления была объявлена Аддис-Абеба [13].

В свою очередь, федеральные силы не испытывают серьезных проблем в области продовольственного обеспечения. Однако растущая численность вооруженных сил, перебои в поставках в условиях боевых действий и вероятное неравенство в довольствии эритрейских солдат, военнослужащих НСОЭ и этнических ополченцев могут вызывать внутренние конфликты. Несмотря на болезненные потери, правительственные войска и их союзники, вероятно, сохраняют превосходство над СОТ в технике, обладая возможностью пополнения арсеналов. Активное использование частей, укомплектованных недостаточно подготовленными новобранцами, характерно не только для НСОЭ и лояльных им этнических ополчений, но и для тиграйской стороны. Тем не менее последние использовали подобные методы на начальном этапе, в целом обеспечивая боеспособность пополнений, в то время как федеральные силы к ноябрю 2021 года были вынуждены отправлять на фронт наспех собранных ополченцев, зачастую вооруженных холодным оружием.

На текущий момент экономический кризис, спровоцированный последствиями боевых действий и затратами на их ведение, также не служит достаточным основанием для военного поражения одной из сторон. Наибольшая проблема проправительственных формирований заключается в неподготовленности и ненадежности, а следовательно, и низкой устойчивости большинства, что не всегда возможно компенсировать превосходством в человеческих ресурсах. С учетом рассмотренных ресурсных лимитов, а также текущей способности СОР создавать перевес на наиболее значимых участках фронта на данном этапе анализа возможно предположить, что правительство Эфиопии имеет веские основания использовать инструменты массовой мобилизации для восстановления паритета на кризисных участках фронта. В долгосрочной же перспективе тактика НСОЭ и союзных им сил, с этой точки зрения, должна строиться на зачистке тылов и сдерживании ограниченного во времени и средствах противника, в результате чего возникают благоприятные условия для нанесения ударов по растянувшимся, а значит, уязвимым коммуникациям тиграйцев.

Фактор 2: внутренние игроки и этносы

Внутренние игроки

С августа 2021 года фиксируется рост вовлеченности внутри-эфиопских акторов в конфликт вокруг Тиграя. Такая динамика объясняется распространением боевых действий на территории соседних регионов, что мотивирует ранее нейтральные силы заявлять о своей позиции и непосредственно участвовать в войне. Примечательно, что, в то время как «группа поддержки» правящей Партии процветания фактически не изменилась с ноября 2020 года, НФОТ сумел переломить ход событий и выйти из политической изоляции. Военные успехи СОР летом 2021 года, а также давление на оппозицию со стороны правящей партии заставили некоторых игроков изменить свои взгляды на перспективы развития сложившейся ситуации. В августе оппозиционная АОО, имевшая собственные счета с НФОТ и не желавшая ранее поддерживать эту организацию, сообщила о заключении военного альянса с тиграйским руководством [18]. Союз двух наиболее крупных антиправительственных группировок и резкое повыше-

ние активности АОО в южных и западных воредах штата Оромия стали болезненным ударом для Абия Ахмеда и его правительства. В течение месяца к антиправительственному объединению примкнули ФОА, ФОНС, НФОС, ФОГ, ФОБ — преимущественно небольшие вооруженные группировки. Вместе с тем неспособность этих малых акторов решающим образом изменить текущий баланс сил на данном этапе не должна служить основанием для игнорирования политической значимости произошедших перемен. Расширение этнической базы, на которую косвенно опирается НФОТ, служит тревожным сигналом для Партии процветания: в среднесрочной перспективе существует вероятность более активного включения в конфликт на стороне оппозиции некоторых этнических групп.

Региональные власти оказались неспособными преодолеть межэтническую напряженность на локальном уровне, которая вновь обострилась летом 2021 года. Результатом стал рост числа вооруженных столкновений по всей стране. В ряде случаев местные силы безопасности не имеют достаточных ресурсов для прекращения конфликта (Бенишангул-Гумуз) или же сами участвуют в нем (Афар, Сомали). В такой ситуации наиболее лояльные правительству силы безопасности штата Амхара часто привлекаются для охраны порядка и борьбы с повстанческими отрядами за пределами собственного региона.

Политика амхаризации, в разных формах проводившаяся со времен Менелика II вплоть до 1991 года, а также политическая риторика НФОТ в 1991—2018 годах способствовали росту антиамхарских настроений по всей Эфиопии [2, с. 197—208; 34]. Присутствие амхарских сил на территориях других этнических групп может провоцировать столкновения местных сил с «пришельцами». Использование амхарских формирований в борьбе с наиболее серьезной угрозой в тылу НСОЭ — АОО — обусловлено военной целесообразностью. Однако потенциальная реакция этнических оромо на союз регионального правительства с бывшими «угнетателями» остается неясной. Таким образом, нельзя исключать возможного снижения поддержки сил безопасности штата со стороны местного населения и усиления оппозиции, особенно в свете военных побед коалиции НФОТ — АОО.

Этносы

В отличие от консолидированных и структурно упорядоченных политических организаций и движений этнические группы не являются самостоятельными акторами по причине отсутствия выраженного единства интересов и целей. Несмотря на это, этническая идентичность выполняет объединяющую и мобилизующую функции (этнополитическая мобилизация) при ряде условий, в том числе при появлении коллективно разделяемого чувства угрозы [8, с. 32—34; 9, с. 16—17; 16, р. 24]. Такой угрозой могут быть как негативно воспринятые действия государства, так и претензии или же прямой вызов со стороны иных субнациональных групп. С учетом данного замечания представляется необходимым рассмотреть вовлеченность эфиопских этносов в конфликт в Тиграе, поскольку оценка их лояльности (или же ее отсутствия) к враждующим сторонам позволит определить перспективы увеличения ресурсного потенциала последних и расширения зоны боевых действий.

С самого начала активное участие в конфликте приняли две этнические группы, исторически детерминированная антипатия которых подкрепляется территориальными претензиями сразу на нескольких участках общей границы [43]. Стремительная этнизация конфликта стала причиной почти всецелой поддержки НФОТ со стороны тиграйцев. Второй из упомянутых групп являются амхара, отряды которых заняли спорные вореды и приняли деятельное участие в дальнейших боевых действиях. На текущий момент оба этноса объединены вокруг разделяемых внутри сообществ задач и целей, что позволяет признать их основными сторонами конфликта в его этническом измерении.

В то время как участие сил безопасности штата амхара в боевых действиях широко освещалось в СМИ Эфиопии осенью и зимой 2020 года, почти не поступало достоверных сообщений о присутствии сил безопасности штата Оромо в Тиграе [45]. В этом контексте важно отметить, что политическое единство оромо традиционно ставится исследователями под сомнение, в том числе в силу выраженного субэтнического деления [4, с. 105; 11, с. 398]. Несмотря на успешные выборы 2021 года, поддержка Партии процветания и непосредственно ее лидера Абия Ахмеда, этнического оромо, среди самого многочисленного этноса стра-

ны остается ограниченной (ключевые оппозиционные партии не были представлены на выборах 2021 г.) [23]. Вовлеченность оромо в конфликт резко возросла лишь летом 2021 года на фоне мобилизации, объявленной правительством, и соглашения НФОТ с АОО. Очевидно, что на сегодняшний день оромо не способны выработать общую для группы позицию относительно борьбы НФОТ и Партии процветания: и без того фрагментированный этнос подвергся поляризации на фоне внутренних столкновений в Оромии между силами безопасности штата и АОО [22].

В августе 2021 года СОТ предприняли сразу два наступления в штате Афар — небогатом периферийном регионе с преимущественно мусульманским населением. Основной причиной вторжения стало стратегическое значение этого штата: здесь проходит дорога, которая соединяет Аддис-Абебу и Джибути и является важнейшей экономической артерией страны. Местным силам безопасности удалось остановить противника на ключевых участках, несмотря на появление «второго фронта». Дело в том, что локальные конфликты между представителями этнических групп афар и сомали вокруг земли и водных источников в очередной раз привели к вооруженным столкновениям между двумя этносами. В Сети появилась информация о вторжении сил безопасности Сомали в Афар, что привело к антиправительственным выступлениям в штате: местные жители обвинили Джибути и НСОЭ в поддержке сомали [33]. Меры, принятые региональными и федеральными властями, в конечном итоге оказались эффективными, и к середине сентября СОТ были вынуждены отступить. Дальнейший призыв лидеров НФОТ к правительству штата Афар отказаться от активного участия в конфликте не встретил понимания. Так, местные ополченцы продолжили нападать на гуманитарные конвои, направлявшиеся в Тиграй, а в конце сентября даже появились сведения о наступлении НСОЭ и сил безопасности штата Афар в Тиграй [24]. В этих условиях следует констатировать, что афары, ранее не принимавшие активного участия в конфликте, осенью 2021 года стали силой, которая непосредственно влияет на дальнейший ход событий, выступая в поддержку правительства страны.

В отличие от Афара, где региональные элиты, судя по всему, сумели выработать консолидированную позицию в отношении

конфликта в Тиграе, политические противоречия в штате Сомали накладывают существенный отпечаток на политику регионального правительства. Летом 2021 года Мустафа Омер, временно исполнявший обязанности президента штата Сомали, отправил региональные силы безопасности на фронт в помощь НСОЭ и выступил с жесткой критикой НФОТ [36]. Ситуация изменилась в октябре, когда на фоне успехов СОР сомалийские подразделения покинули штат Амхара. Подобное изменение связано с шаткостью положения правящей элиты в Сомали: несмотря на избрание в качестве президента штата, Мустафа Омер вынужден считаться с Национальным фронтом освобождения Огадена — оппозиционной партией, не принимавшей участия в выборах. Таким образом, в условиях военных неудач и роста издержек лидер сомалийского крыла Партии процветания был вынужден отказаться от активной поддержки своего протезе и занял выжидательную позицию.

Титульными этносами штатов Гамбела и Бенишангул-Гумуз, расположенных на западных окраинах страны, являются относительно немногочисленные этносы [2, с. 286—300, 302—325]. Их интересы и амбиции не выходят за границы собственных регионов. Так, конфликты между ануак и нуэр занимают центральное место в политической повестке Гамбелы, но местные власти, как и правительство нестабильного Бенишангул-Гумуза, сохраняют лояльность Абию Ахмеду. В результате участие этих этнических групп в боевых действиях на севере страны сводится к относительно незначительному присутствию их представителей в НСОЭ и не оказывает серьезного воздействия на развитие событий. В то же время накопившиеся внутренние противоречия и появление в некоторых воредах отрядов антиправительственной АОО могут вызвать повышенную активность повстанческих группировок, в частности их вторжение в сопредельные районы штата Амхара — главного оплота правительства Абия Ахмеда.

В завершение анализа роли этносов в исследуемом конфликте необходимо рассмотреть участие этнических групп, проживающих в двух юго-западных штатах: Сидама и Южных народов. Штат Сидама — самый «молодой» в составе Эфиопии. Его инаугурация произошла в феврале 2021 года уже после начала боевых действий в Тиграе. Неудивительно, что региональные акторы вы-

нуждены уделять внимание внутренним проблемам региона, и их вовлеченность в конфликт между НФОТ и Партией процветания ограничивается декларацией поддержки последней, мобилизацией в региональные силы безопасности и финансовой помощью пострадавшему от войны штату Амхара [43]. В свою очередь, мультиэтничный штат Южных народов, национальностей и народностей не первый год страдает от центробежных процессов: вслед за учреждением штата Сидама в 2020 году в сентябре 2021 года состоялся референдум об образовании нового Юго-Западного штата Эфиопии. Внутренняя нестабильность и географическая удаленность определяют пассивность участия региональных сил в конфликте на стороне правительства.

Внутренние игроки и этносы: обобщение

Подводя итог рассмотрению второго фактора, уместно сформулировать четыре вывода. Во-первых, Партия процветания на протяжении всего конфликта сохраняет поддержку региональных правительств, что не только обеспечивает формальное единство коалиции правящих элит, но и предоставляет в распоряжение федеральных властей широкий набор инструментов мобилизации и привлечения необходимых материальных ресурсов. Во-вторых, НФОТ вынужден ориентироваться на сотрудничество с маргинальными группами, которые зачастую не обладают возможностью влиять на ход событий. Однако подобная тактика способствует консолидации усилий ранее разрозненных оппозиционных группировок, отвлекает силы, лояльные правительству, от противостояния СОТ. В-третьих, с осени 2020 года обозначилась конфронтация между амхара и тиграй как целыми этническими группами, что со временем стало приобретать характер экзистенциальной борьбы. В-четвертых, подавляющее большинство этнических групп не обладают единой позицией и не заинтересованы в активном участии в конфликте. Локальные проблемы, географическая удаленность, низкий уровень экономического развития, внутренняя разобщенность и лояльность региональных правящих элит Партии процветания выступают основными причинами, сдерживающими формирование единого представления отдельных этносов о конфликте и их желание вмешиваться.

Фактор 3: внешние игроки

НФОТ

Уже в первые недели после начала операции в Тиграе Палата представителей Эфиопии подавляющим большинством голосов признала НФОТ террористической организацией [39]. Подобная мера в значительной степени осложнила для тиграйской стороны налаживание контактов с внешними игроками, по крайней мере, с формальной стороны. Вторым обстоятельством, которое затруднило для НФОТ поиск поддержки за рубежом, следует признать исходную асимметричность конфликта и международный контекст: делать ставку на одну из региональных элит, которая бросила вызов правительству в относительно стабильном восточноафриканском государстве, в этих условиях едва ли целесообразно.

Гуманитарный кризис в Тиграе и неспособность или нежелание правительства страны принять меры к его преодолению способствовали вовлечению в события разных правозащитных и гуманитарных организаций. Однако их участие в большинстве случаев заключается в предоставлении подробных отчетов о ситуации и ограниченных объемов гуманитарной помощи. Несмотря на то что неправительственные и межправительственные организации помогают привлечь внимание международного сообщества к многочисленным проблемам в зоне противостояния, их влияние на ход боевых действий остается крайне незначительным, в том числе по причине неспособности самостоятельно реализовать необходимые меры.

Наиболее лояльную по отношению к НФОТ позицию заняли в США: американские политики и дипломаты неоднократно призывали правительство Эфиопии, своего государства-партнера, прекратить боевые действия и сесть за стол переговоров. Постепенно призывы сменились введением ограничительных мер: американские власти наложили санкции на ряд высокопоставленных представителей Эритреи и Эфиопии и исключили Эфиопию из программы AGOA [48; 49]. В ходе дискуссий в Совете Безопасности ООН (СБ ООН) с критикой политики Абия Ахмеда выступили Ирландия и ряд других европейских государств. Следует отметить, что на фоне наступления СОТ в штате Амхара в ок-

тябре 2021 года американская сторона потребовала от НФОТ вывести свои подразделения из штатов Амхара и Афар [26].

Среди африканских государств относительно сдержанную по отношению к НФОТ позицию заняли Судан и Египет. Затянувшийся спор между этими государствами и Эфиопией вокруг дамбы «Возрождение», казалось, должен был привести в действие стародавний принцип: «враг моего врага — мой друг». Однако на практике оба государства воздержались от прямой дипломатической или же иной помощи НФОТ. К тому же на сегодняшний день территории, подконтрольные НФОТ, окружены плотным кольцом проправительственных сил, а значит, почти любая форма материальной помощи невозможна. Тем не менее Хартум и Каир воспользовались сложившейся ситуацией для дополнительного давления на Аддис-Абебу. В декабре 2020 года суданская армия заняла спорный район Аль-Фашака, ранее контролировавшийся силами безопасности Амхара [37]. По заявлениям эфиопской стороны, летом и осенью 2021 года фиксировались попытки прорыва вооруженных групп с суданской территории в штаты Амхара и Бенишангул-Гумуз, что позволило правительству Абия Ахмеда обвинить Судан [15] в поддержке НФОТ. Однако стоит иметь в виду, что политическая нестабильность в Судане и антиправительственные выступления в восточных регионах накладывают серьезные ограничения на возможности Хартума в рамках Тиграйского конфликта.

Правительство Эфиопии

В отличие от своих противников правящая элита Эфиопии выступает от имени государства, а следовательно, имеет несопоставимо больший вес на международной арене. Негласную поддержку Абию Ахмеду в конфликте с НФОТ, начиная с осени 2020 года, оказывают КНР и Россия. Если для Пекина немаловажным фактором служит экономическая заинтересованность, то для Москвы напряженность в отношениях Вашингтона и Аддис-Абебы открывает новые перспективы в Африканском Роге и может позволить занять нишу своего геополитического оппонента. Помощь России и КНР имеет преимущественно дипломатический характер, что немаловажно, если принять во внимание тот факт, что оба государства обладают правом вето в СБ

ООН. Так, постоянный представитель России при ООН еще летом 2021 года заявил о недопустимости вмешательства во внутренние дела Эфиопии [7]. В то же время доступ федерального правительства на рынки вооружений позволяет приобретать новейшее вооружение, в том числе беспилотные летательные аппараты из ОАЭ, Турции, Ирана и КНР.

Премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед на протяжении лета и осени 2021 года предпринял серьезные усилия в поисках поддержки среди африканских лидеров, посетив несколько государств региона. Подобный шаг был закономерен в силу существования общей для Черного континента специфики. Так, этническое деление, характерное для государств региона, выступает дестабилизирующим фактором не только в Эфиопии, а значит, африканские лидеры склонны занимать нейтральные позиции или же поддерживать Абия Ахмеда, поскольку сами рискуют оказаться в подобном положении.

Несомненно, особое место среди союзников и партнеров правительства Эфиопии на Африканском континенте занимает Исаяс Афеверки — бессменный правитель независимой Эритреи. С первых дней боевых действий в Тиграе эритрейская армия приняла деятельное участие в наступлении правительственных сил и продолжает активно участвовать в конфликте спустя почти год. Эритрейские подразделения оказывают поддержку НСОЭ, но в начале ноября 2021 года после прорыва обороны правительственных сил под г. Дессе руководители Эритреи не предприняли немедленных шагов для оказания помощи своему союзнику. Подобное обстоятельство позволяет говорить о вовлеченности Эритреи в качестве одной из сторон конфликта, которая помимо прочего преследует собственные цели, не всегда соотносящиеся с потребностями эфиопских правящих элит.

Внешние игроки: обобщение

Несмотря на отсутствие правосубъектности на международном уровне, активные усилия представителей НФОТ и тиграйских СМИ убедить внешних акторов оказать давление на правительство Абия Ахмеда позволили достичь определенных результатов. Вместе с тем санкции США и критика со стороны некоторых стран Запада не изменили позицию лидеров Партии

процветания, и военное решение остается единственно приемлемым для федерального центра. Поддержка России и КНР, а также нейтралитет большинства африканских лидеров обеспечивают защиту интересов правительства Эфиопии на международной арене, в частности в СБ ООН. Подобный вывод необходимо рассматривать с одной важной оговоркой: давление извне служит одним из факторов, побудивших Абия Ахмеда отдать приказ о начале нового наступления в октябре 2021 года, окончательная победа над НФОТ лишила бы санкционную политику США практического смысла. Провал этой операции заставил лидеров Партии процветания обратить больше усилий на получение международной поддержки. Именно так следует понимать достаточно конструктивную реакцию премьер-министра Эфиопии на совместный доклад Эфиопской комиссии по правам человека и Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) о нарушениях прав человека и гуманитарного права в штате Тиграй [14; 32].

С военной точки зрения блокада Тиграя лишает НФОТ любой надежды на помощь со стороны, в то время как правительство Эфиопии использовало лето 2021 года для наращивания своего военного потенциала путем закупок вооружений. Военный и политический альянс с Исаясом Афеверки не только обеспечивает изоляцию Тиграя от внешнего мира, но и предоставляет эфиопскому командованию существенные военно-стратегические козыри, в частности возможность координировать и проводить наступательные операции на нескольких фронтах или же использовать эритрейских солдат, переодетых в эфиопскую форму, в ходе оборонительных действий.

Заключение

Последовательное рассмотрение положения сторон конфликта и их сравнение по трем установленным параметрам: ресурсным ограничениям, а также по поддержке внутренних и внешних акторов, — позволило определить влияние этих переменных на возможности и решения сторон.

Анализ ресурсного фактора предоставил основания для характеристики тактик сторон. Так, СОТ вынуждены осуществлять наступательные операции в целях: а) пополнения ресурсной

базы; б) снятия блокады с Тиграя; в) восстановления контроля над Западным Тиграем; г) смены политического руководства страны. Напротив, НСОЭ и союзные им формирования летом 2021 года получили возможность придерживаться тактики осады непокорного региона в силу своей относительной ресурсной обеспеченности, а значит, и большего «запаса прочности». Однако эмпирическая проверка этого вывода обнаруживает первое несоответствие: в октябре 2021 года правительство Эфиопии объявило о начале нового широкомасштабного наступления. Частично устранить подобную коллизию возможно на основе изучения роли второго фактора, а именно роли этнических отношений. Крайний антагонизм этнических групп тиграй и амхара воспроизводится в многочисленных преступлениях, которые совершаются сторонами конфликта на почве этнической принадлежности. Таким образом, амхара стремятся освободить зоны и вореды своего штата, занятые СОТ в ходе операций «Мать Тиграя» и «Восход». В свою очередь, давление внешних игроков и активная поддержка некоторых акторов (третий фактор) сыграли немаловажную роль в решении Абия Ахмеда и его правительства предпринять решительные действия (неудачное наступление) для разгрома НФОТ. В целом ресурсный фактор играет на руку правящей элите, позволяя рассчитывать на победу уже в ходе вооруженной фазы конфликта. В свою очередь, влияние политических движений, вооруженных группировок и, с некоторым допущением, этносов на потенциалы противоборствующих сторон необходимо соотнести с воздействием внешних сил. Такой подход позволяет определить политический фон событий не только в самой стране, но и на международной арене. Внешние и внутренние акторы одновременно воздействуют на стороны конфликта, изменяя расстановку сил и, следовательно, ожидаемое поведение. На практике созданный НФОТ альянс маргинальных группировок и партий внутри Эфиопии имеет достаточно причин и на текущий момент (ноябрь 2021 г.) сил, чтобы эффективно вести вооруженную борьбу. В то же время уверенность лидеров Партии процветания в своей способности одержать решительную военную победу, подпитываемая лояльностью большей части региональных элит и поддержкой со стороны некоторых государств, в том числе экспортеров оружия, привела к болезненным

неудачам. Поражение под г. Дессе в конце октября — начале ноября 2021 года поставило под угрозу само существование правящей элиты, вынудив лидеров Партии процветания обратиться к населению в целях массовой мобилизации. Острая потребность в поддержке масс выдвигает на передний план и без того немаловажную позицию этнических групп, в частности наиболее многочисленного и до сих пор «не определившегося» этноса оромо. Враждующие группы неоднократно заявляли об экзистенциальном характере конфликта, что привело к крайнему ожесточению противостояния и исключению компромиссов. На этом фоне слабость федерального центра способствует росту амбиций оппозиционных и условно антитиграйских элит, которые получают новый инструмент политического торга и шантажа.

Литература

1. *Емельянов А.Л.* Постколониальная история Африки южнее Сахары: учеб. пособие. – М.: МГИМО–Университет, 2021. – 492 с.
2. *Исмагилова Р.Н.* Эфиопия: особенности федерализма. – М.: Институт Африки РАН, 2018. – 544 с.: ил.
3. *Косухин Н.Д.* Африка: политизация этничности // Вестник РУДН. – 2006. – № 1 (6). – С. 100–108.
4. *Лошкарёв И.Д.* Развитие идентичности этноса оромо и политические процессы в Эфиопии (XVII–XX вв.) // Вестник Брянского государственного университета. – 2018. – № 1. – С. 105–110.
5. *Лошкарёв И.Д.* Эфиопия и Тиграй: неизбежный конфликт. 2020. 4 декабря / Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/efiopiya-i-tigray-neizbezhnyy-konflikt/> (дата обращения: 05.11.2021).
6. *Лошкарёв И.Д., Копытцев И.С.* «Революция оромо» и проблемы межэтнического баланса в Эфиопии на современном этапе (1991–2020 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. – 2020. – № 3. – С. 89–98.
7. Небензя: РФ считает контрпродуктивным вмешательство СБ ООН в ситуацию в Тиграе. 2021. 2 июля // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/turbopages.org/tass.ru/s/mezhdunarodnaya-raporama/11814201> (дата обращения: 05.11.2021).
8. *Осколков П.В.* Очерки по этнополитологии: монография. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.
9. *Тэвдой-Бурмули А.И.* Этнополитическая динамика Европейского союза. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с.
10. 2021 Ethiopia Military Strength. // Global Firepower. – URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=ethiopia (accessed: 05.11.2021).
11. 2021 Eritrea Military Strength // Global Firepower. – URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=eritrea (accessed: 05.11.2021).
12. Abiy Ahmed's War on Tigray: The Descent into Tragedy. 2021. 31 October // Tigray Online. – URL: <http://www.tigraionline.com/articles/abiy-ahmed-wanted-man.html> (accessed: 05.11.2021).
13. All roads lead to Finfinne. – URL: https://twitter.com/OdaaTarbiiWBO/status/1454863743205138437?t=o_QDQdUT223_7bFAVxRPg&s=19 (accessed: 05.11.2021).
14. A statement with respect to the Joint Investigation Team Report of the EHRC and UNOHCHR. – URL: <https://twitter.com/AbiyAhmedAli/status/1455813625290104832?t=TzbA1Np6tE8z2J7VmlDPtw&s=19> (accessed: 05.11.2021).

15. ENDF says it killed 50 fighters attempting to cross from Sudan; Sudanese army dismiss accusation as «baseless». 2021. 4 September // Addis Standard. – URL: <https://addisstandard.com/news-endf-says-it-killed-50-fighters-attempting-to-cross-from-sudan-sudanese-army-dismiss-accusation-as-baseless/> (accessed: 05.11.2021).
16. *Esman M.* Ethnic Politics. – Ithaca: Cornell University Press, 1994. – 277 p.
17. Ethiopia – Northern Ethiopia Humanitarian Update / UN Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. – URL: <https://reports.unocha.org/en/country/ethiopia/> (accessed: 05.11.2021).
18. Ethiopia armed group says it has alliance with Tigray forces. 2021. 11 August // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/8/11/ethiopia-armed-group-says-it-has-alliance-with-tigray-forces> (accessed: 05.11.2021).
19. Ethiopia army launches major attack on Tigray: Rebels. 2021. 10 October // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/10/11/ethiopian-army-launches-ground-attack-on-tigray-forces-reports> (accessed: 05.11.2021).
20. Ethiopia Population 2021 // World Population Review. – URL: <https://worldpopulationreview.com/countries/ethiopia-population> (accessed: 05.11.2021).
21. Ethiopia: Eritrean Forces Massacre Tigray Civilians. 2021. 5 March // Human Rights Watch. – URL: <https://www.hrw.org/news/2021/03/05/ethiopia-eritrean-forces-massacre-tigray-civilians#> (accessed: 05.11.2021).
22. Ethiopia: Pro-government rallies ongoing in several cities across Gambella and Oromia regions. 2021. 5 November // Garda World. – URL: <https://www.garda.com/crisis24/news-alerts/542136/ethiopia-pro-government-rallies-ongoing-in-several-cities-across-gambella-and-oromia-regions-nov-5> (accessed: 05.11.2021).
23. Ethiopia's Oromo youth are disaffected – but also divided, coopted, and demoralized. 2021. 7 April // Ethiopia Insight. – URL: <https://www.ethiopia-insight.com/2021/04/07/ethiopias-oromo-youth-are-disaffected-but-also-divided-co-opted-and-demoralized/> (accessed: 05.11.2021).
24. Ethiopian Federal and Afar forces have sneaked into Tigray through Abala town of Afar Region. – URL: https://twitter.com/sajid_nadeem78/status/1442550607353683975?t=MgGsmAlnhL9-GhzKfN2paQ&s=19 (accessed: 05.11.2021).
25. Ethiopian Orthodox Church head says genocide is taking place in Tigray. 2021. 9 May // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/world/ethiopian-orthodox-church-head-says-genocide-is-taking-place-tigray-2021-05-09/> (accessed: 05.11.2021).
26. Expansion of Combat Operation in Northern Ethiopia. 2021. 30 October / US Department of State. – URL: <https://www.state.gov/expansion-of-combat-operation-in-northern-ethiopia/> (accessed: 05.11.2021).
27. Food security outlook: Conflict likely to drive extreme food insecurity in Tigray through at least January 2022 // Famine Early Warning Systems Network. – URL: <https://fews.net/east-africa/ethiopia/food-security-outlook/june-2021> (accessed: 05.11.2021).
28. Fresh evidence of Chinese drones for Ethiopia. 2021. 15 October // Eritrea Hub. – URL: <https://eritrea-hub.org/fresh-evidence-of-chinese-drones-for-ethiopia> (accessed: 05.11.2021).
29. Go Ballistic: Tigray's Forgotten Missile War with Ethiopia and Eritrea. 2021. 15 September // Oryx Blog. – URL: <https://www.oryxspioenkop.com/2021/09/go-ballistic-tigrays-forgotten-missile.html?m=1> (accessed: 05.11.2021).
30. House of Peoples' Representatives Approves State of Emergency // Ethiopian News Agency. – URL: <https://www.ena.et/en/?p=30178> (accessed: 05.11.2021).
31. Iranian Mohajer-6 Drones Spotted in Ethiopia. 2021. 11 August // Oryx Blog. – URL: <https://www.oryxspioenkop.com/2021/08/iranian-mohajer-6-drones-spotted-in.html?m=1> (accessed: 05.11.2021).
32. OHCHR-EHRC Tigray Report / Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. – URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/ET/OHCHR-EHRC-Tigray-Report.pdf> (accessed: 05.11.2021).
33. Over 100 killed in clashes in Ethiopia's Afar, Somali regions. 2021. 7 April // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/4/7/dozens-killed-in-clashes-in-ethiopias-afar-somali-regions> (accessed: 05.11.2021).
34. Peddling Hate and Division: Tigray People's Liberation Front Vocation. 2016. 16 September // ECADF Ethiopian News. – URL: <https://ecadforum.com/2016/09/16/peddling-hate-and-division-tpif/> (accessed: 05.11.2021).

35. Raising 100 million dollars from the worldwide Tegarú diaspora to help the people of Tigray. 2021. 10 July // Tigray Online. – URL: <http://www.tigraionline.com/articles/raise-100-million-4tigray.html> (accessed: 05.11.2021).
36. Somali Deputy President Calls on Ethiopians To Defend Nation From Evils Of Tplf. 2021. 16 July // Fana Broadcasting Corporate. – URL: <https://www.fanabc.com/english/somali-deputy-president-calls-on-ethiopians-to-defend-nation-from-evils-of-tplf/> (accessed: 05.11.2021).
37. Sudanese army retake border area with Ethiopia. 2020. 31 December // Africa News. – URL: <https://www.africanews.com/2020/12/31/sudanese-army-retake-border-area-with-ethiopia/> (accessed: 05.11.2021).
38. The Ongoing Law Enforcement Operations in Tigray: Causes and Objectives // Ethiopian News Agency. – URL: <https://www.ena.et/en/?p=18555> (accessed: 05.11.2021).
39. Tigray conflict: Ethiopia lists TPLF as a terrorist group. 2021. 6 May // Africa News. – URL: <https://www.africanews.com/2021/05/06/tigray-conflict-ethiopia-lists-tplf-as-a-terrorist-group/> (accessed: 05.11.2021).
40. Tigray crisis: «Genocidal war» waged in Ethiopia region, says ex-leader. 2021. 31 January // BBC News. – URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-55877939> (дата обращения: 05.11.2021).
41. Tigray: UAE drones supports Ethiopia. 2020. 19 November // Eritrea Hub. – URL: <https://eritreahub.org/tigray-uae-drones-supports-ethiopia> (accessed: 05.11.2021).
42. Tigray's border conflicts explained. 2020. 11 November // Passport Party. – URL: <https://passportparty.ch/2020/11/11/tigrays-border-conflicts-explained/> (accessed: 05.11.2021).
43. Today Ethiopian region SNNPR donated 25 million Ethiopian Birr for IDPs in Amhara. URL: https://twitter.com/sajid_nadeem78/status/1437136622387187714?t=LZ_H9jWNh19Umi9jKkJeWw&s=19 (accessed: 05.11.2021).
44. TPLF's Minority Ethnic Monopoly of the Armed forces in Ethiopia. 2014. 6 October // Ginbot7. – URL: <http://www.ginbot7.org/2014/10/07/tplfs-minority-ethnic-monopoly-of-the-armed-forces-in-ethiopia-a-revisit-after-four-years/> (accessed: 05.11.2021).
45. *Tronvoll K.* Ethiopia's Tigray War Is Fueling Amhara Expansionism. 2021. 28 April // Foreign Policy. – URL: <https://foreignpolicy.com/2021/04/28/ethiopia-tigray-war-amhara-abyahmed-expansionism/> (accessed: 05.11.2021).
46. *Tronvoll K.* The Nobel committee should resign over the atrocities in Tigray. 2021. 7 June // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2021/jun/07/the-nobel-committee-should-resign-over-the-atrocities-in-tigray> (accessed: 05.11.2021).
47. Turkey expands armed drone sales to Ethiopia and Morocco – sources. 2021. 14 October // The Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-expands-armed-drone-sales-ethiopia-morocco-sources-2021-10-14/> (accessed: 05.11.2021).
48. US Sanctions Ethiopian, Eritrean Government Officials Over Tigray Crisis, Blinken Says. 2021. 24 May // Sputnik News. – URL: <https://sputniknews.com/20210524/us-sanctions-ethiopian-eritrean-government-officials-over-tigray-crisis-blinken-says-1082978128.html> (accessed: 05.11.2021).
49. US suspends duty-free access to Ethiopia over human rights abuses. 2021. 2 November // Al Jazeera. – URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2021/11/2/us-suspends-duty-free-access-to-ethiopia-over-human-rights-abuses> (accessed: 05.11.2021).
50. USAID Accuses TPLF of Hindering Humanitarian Operations in Amhara State, Looting Food Aid; Blames All Warring Parties for Food Aid Theft. 2021. 1 September // Addis Standard. – URL: <https://addisstandard.com/news-usaid-accuses-tplf-of-hindering-humanitarian-operations-in-amhara-state-looting-food-aid-blames-all-warring-parties-for-food-aid-theft/> (accessed: 05.11.2021).
51. War in Tigray: Summary of Main Events. 2021. 10 March // Martin Plaut. – URL: <https://martinplaut.com/2021/03/10/war-in-tigray-summary-of-main-events/> (accessed: 05.11.2021).
52. *Young J.* Peasants and Revolution in Ethiopia: Tigray 1975–1989. – Burnaby. Simon Fraser University, 1994. – 437 p.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Борцов Дмитрий Валерьевич,

2-й секретарь, Департамент Африки,
Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва.

Dmitry V. Bortsov,

2nd secretary, Department of Africa,
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: dvbortsov@mail.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XX ВЕКА

EVOLUTION OF ECONOMIC DIPLOMACY FROM ANCIENT TIMES TO THE END OF THE XX CENTURY

Аннотация: цель данной статьи — проследить возникновение и эволюцию экономической дипломатии как отдельной специализированной сферы государственной и частной деятельности по целенаправленному продвижению на внешние рынки экономических интересов и национальных товаров, а также по приобретению экспортной продукции на наиболее выгодных для страны условиях. В работе путем агрегации, хронологизации и анализа доступных исследований в области истории, политологии и экономики были рассмотрены основные этапы становления и развития экономической дипломатии в разные периоды — с древнейших времен до новейшего времени, а также в различных регионах, ставших центрами концентрации цивилизационных достижений: на Древнем Востоке, в Европе, Азии, Северной Америке. Изучен исторический опыт иностранных государств и протогосударственных образований, внесших наиболее заметный вклад в развитие данной сферы человеческого взаимодействия. В частности, исследованы предпосылки ее возникновения и факторы воздействия на динамику ее формирования до того состояния, в котором она известна на сегодняшний день. Описаны обстоятельства первичного возникновения элементов из инструментария экономической дипломатии и проанализированы особенности их применения ключевыми странами-экспортерами на разных исторических этапах. Подчеркнута роль экономических дипломатов в процессе не только выстраивания международных связей, но и всестороннего сбора и анализа данных об интересующих государство внешних рынках. Дана оценка влиянию трансформации политического и экономического ландшафта, а также развития технического прогресса на повседневную практику дипломатического сопровождения национальных интересов передовых стран-экспортеров. Отдельное внимание уделено рассмотрению методов экономической дипломатии: от силового воздействия и территориальной экспансии, наиболее ярко проявившейся в эпоху масштабной колонизации,

до выстраивания коммерчески обоснованных, взаимовыгодных отношений между участниками мирового рынка. Показаны подъемы и спады значения экономической дипломатии, обусловленные историческими событиями и действиями вовлеченных в них персонажей. В статье сделан также акцент на процессе изменения отношения дипломатов к данной проблематике: от полного отрицания подобной деятельности как недостойного для человека данной профессии занятия до постепенного принятия и итогового включения в круг ключевых приоритетов дипломатической службы. Наконец, сделаны выводы о возможных дальнейших векторах развития института экономической дипломатии на основе мировых тенденций, проявившихся за последние десятилетия.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, эволюция экономической дипломатии, история экономической дипломатии, продвижение экспорта, дипломатическое сопровождение экономики.

Abstract: the article examines main stages and reasons of economic diplomacy birth and development during human history from ancient times to modern period, in different regions being the locus of concentration of civilization: in Ancient East, Europe, Asia, North America. The historical experience of foreign states and proto-state formations that have made the most noticeable contribution to development of this area of human interaction has been studied. Particularly, backgrounds and factors (historical, geographical, political, national and other) influencing to economic diplomacy growth dynamics which shaped its current condition and content are investigated. Circumstances of the primary emergence of economic diplomacy tools are described and the features of their use by key exporting countries at various historical stages are analyzed. Special attention is given to the process of separation of economic diplomacy institution to the independent area of state and private activities focused on promotion of country products and economic interests to the global market on the one hand and acquisition of necessary export products upon the most favorable terms on the other hand. Evolution of diplomatic service tasks, functions and obligations is considered as well. It is also given an appraisal of the impact of the transformation of political and economic landscape, as well as development of technological progress, on the daily practice of diplomatic support for the national interests of advanced exporting countries. The article also focuses on the process of changing the attitude of diplomats to this issue: from a complete denial of such activity as an occupation unworthy for a person in this profession, to gradual acceptance and final inclusion in the circle of key priorities of diplomatic service. Finally the conclusion on possible vectors of further development of economic diplomacy is made basing on global trends appeared during last decades.

Key words: economic diplomacy, evolution of economic diplomacy, history of economic diplomacy, export promotion, diplomatic support of economy.

Введение

Экономическая дипломатия появилась задолго до того, как был сформулирован соответствующий понятийный аппарат. Это практически такое же древнее явление, как торговля и война — первые формы взаимодействия объединений людей, которые появились еще в каменном веке с возникновением первых более или менее крупных и структурированных племен. Понимая это, невозможно определить, произошла ли экономическая дипломатия от общей (военно-политической) или наоборот. Судя по историческим источникам, как минимум до Средних веков, это был единый комплекс, и нельзя точно сказать, произошел ли сначала обмен товарами между соседними племенами или пре-

жде был заключен устный договор о ненападении или совместном использовании охотничьих угодий.

Первые примеры проявления экономической дипломатии

В позднем палеолите (XI тыс. лет до н. э.) по мере развития избыточного продукта между общинами начал возникать обмен, который происходил на их границах. Соседние коллективы практиковали как простой обмен, так и дарообмен — взаимное одаривание, а также «немой обмен», когда на границе оставляли товары и уходили, а контрагенты либо забирали понравившееся и платили, либо игнорировали предложенное, вынуждая «продавцов» добавлять товары.

Значительный рост объемов торгового обмена пришелся на период неолита (VIII—VI тыс. до н. э.), который стал следствием так называемой неолитической революции (X—III тыс. до н. э.). Данный период характеризовался резким развитием ремесел и материальной культуры на фоне роста численности человеческих сообществ и расширения контактов между ними. Так, появившиеся в ту эпоху первые оседлые (земледельческие) и кочевые (пастушьи) племена обменивались результатами своего труда, в случае если их территории граничили друг с другом.

Организованные контакты между первыми городами-государствами Шумером (IV тыс. до н. э.) и Аккадом (V тыс. до н. э.) заложили основы цивилизованной торговли и, как следствие, экономической дипломатии. Объединение этих двух государств в 2340 году до н. э. внесло еще больший вклад в торговое дело за счет введения первой единой системы мер и весов, которую впоследствии унаследовали многие народы.

В пришедшем на смену Шумеро-Аккадскому царству Вавилоне наблюдаются первые примеры масштабной международной торговли: из Индии импортируется хлопок, из Ирана — олово, лазурит, обсидиан, из Сирии — кедровое дерево. Одновременно с этим на экспорт отправляются товары с высокой добавленной стоимостью: оружие, одежда, средства производства и предметы роскоши. Развитие внешней торговли дало толчок развитию банковского дела: первые кредитные организации появляются в II тыс. до н. э., а спустя несколько сотен лет — и первые бан-

ковские дома: «Эгиби и сыновья» в Вавилоне и династия Мурашу в Ниппуре [13].

Наиболее ранние примеры экономической дипломатии, согласно историческим документам, можно встретить на Древнем Востоке, а именно в архивах самой развитой цивилизации региона того времени — *Древнего Египта*. Ее важнейшим вкладом в дипломатическую практику, несомненно, стало создание первого профильного института по вопросам внешних сношений. Учреждение полноценного министерства иностранных дел надолго опередило свое время и стало всеобщей мировой практикой только спустя три тысячелетия. Среди многочисленных документов «древневосточной» дипломатии помимо первого в истории мирного договора, заключенного между Египтом и Хеттским царством, наибольший интерес в экономическом преломлении представляет Телль-Амарнская переписка [29]. Данный архив в основном составляют письма зависимых сирийских и палестинских князей к фараонам XVIII династии — Аменофису III и его сыну Аменофису IV (XV—XIV века до н.э.) — с просьбами о военной и экономической помощи. Князья в надежде на дотации не скупятся на лесть, многократно повторяя, что «золота же в Египте так много, как песка». Египет являлся важнейшим экономическим центром и вел активную внешнюю торговлю. Так, из Аравии импортировали медь, из Ливана и Экваториальной Африки — лесоматериалы, из Нубии — золото. На экспорт шли продовольствие и обработанные изделия. Возникли первые вековые деньги в виде слитков серебра, крупные торговые сделки теперь фиксировались документально в специальных местах, которые стали прообразом торговых палат и в которых были заложены основы нотариата. Развитию такой фиксации сделок способствовало и появление календаря, которым мы пользуемся и по сей день, в минимально доработанном виде.

Одновременно с этим в соседних *Сирии и Финикии* в результате развития деревообработки совершенствовалось кораблестроение. Финикийцам мы обязаны первым национальным экспортным «брендом», а именно финикийскими кораблями, которые строились на заказ для соседних государств. Даже название страны образовано от египетского слова «фенеху» — «кораблестроитель». Им же принадлежит создание первых меж-

дународных транспортных компаний. Помимо обслуживания собственного экспорта с достаточно широкой номенклатурой (зерно, оливковое масло, скот, вино, пиво, фрукты, железо, дерево, ткани, краски, косметические и медицинские препараты, оружие и предметы роскоши) финикийцы зафрахтовывали свои суда и перевозили чужие товары. В итоге практически вся морская торговля ближневосточного и средиземноморского региона того периода была сосредоточена в их руках. В целях развития своей внешнеэкономической деятельности финикийцы во всех доступных им странах создавали фактории — первые зарубежные представительства, обслуживающие национальные экономические интересы, которые можно считать прообразом посольств и торговых представительств. Обычно это были крупные комплексы, включавшие в себя помимо административных (торговые дома) и транспортно-хозяйственных (гавани и склады) сооружений жилые дома и храмы. На месте факторий на Кипре, Родосе, Сицилии, Сардинии, Пиренейском полуострове и северном побережье Африки впоследствии возникли поселения и крупные города, наиболее известным из которых считался Карфаген. Развитие торговли требовало учета и, соответственно, совершенствования методов фиксации информации. В результате на базе вавилонской письменности и египетских иероглифов финикийцами в XIII веке до н. э. был разработан первый алфавит из 22 знаков, ставший затем основой греческого, латинского и славянского.

Другим центром развития международной торговли была Палестина, а особенное развитие ее внешнеэкономических связей пришлось на годы правления царя Соломона. Он внес серьезный вклад в развитие государственного регулирования экономики, а также в создание новых торговых маршрутов, в частности в Аравию.

Параллельно с процессами экономического развития в колыбели мировой цивилизации, Междуречье, та же тенденция наметилась и в *Древнем Китае и Индии*. Китай вел активную торговлю с соседними странами, ввозя из стран Ближнего Востока драгоценные металлы и камни, ковры, лошадей и верблюдов, а из стран Индокитайского полуострова и островных государственных образований Тихоокеанского бассейна — кораллы, ценные ракови-

ны (использовались в качестве денег во II тыс. до н. э.). На экспорт отправлялись уникальные для тех времен товары: шелк, фарфор и асбест. Монополию на шелк Китаю удалось удержать вплоть до Средних веков, когда несколько гусениц-шелкопрядов контрабандным путем были вывезены в Византию. Секрет фарфора также был разгадан европейцами только в позднем Средневековье. Внешняя торговля была важным источником доходов государственной казны и всячески поощрялась. Авторству китайцев принадлежат и первые казначейские билеты, но прижились они не сразу — от идеи сначала отказались и вернулись к ней снова только спустя несколько столетий (в 800 г. до н.э.). Для сравнения: в Европе первые бумажные деньги появились в Швеции в 1601 году [13].

Позднее (XIII—VII века до н.э.) в соперничавшем с постепенно ослабевающим Египтом Ассирийском царстве можно наблюдать зарождение системы экономической «загранинформации». Помимо исконной функции передачи посланий иностранным правителям и такой приоритетной деятельности, какой была военно-политическая разведка, обращает на себя внимание то, с какой тщательностью ассирийские уполномоченные следили за торгово-экономическими показателями страны своего пребывания: строительством, ростом поголовья скота, урожаями, структурой торговли с соседями. Несмотря на то что посольства направлялись с конкретной миссией или следовали вместе с армией, то есть не были постоянными, институт уполномоченных ассирийского царя можно считать одним из ранних прообразов дипломатических представителей с функцией наблюдателей [25]. Возвращение к такой модели и ее закрепление произошло значительно позже и уже в другой империи. В документе, который регулировал финансовые и правовые аспекты деятельности ассирийских купцов в г. Телль-Лейлан, содержатся данные о нормах международной торговли тех лет. Например, торговцы имели иммунитет даже при нахождении на территории государства, воюющего с их правителем [11].

Организованная экономическая дипломатия

Более организованные формы экономической дипломатия начала приобретать в Античную эпоху. Применительно к тому

историческому периоду более правильным будет назвать такую дипломатию торговой, так как в ней еще отсутствовало множество сложных компонентов, присущих современной практике, а именно международных регуляторов, вопросов стандартизации и сертификации и прочих. Бурная дипломатическая деятельность греческих полисов диктовалась в основном внешнеэкономическими соображениями — борьбой за территории и рынки, основным товаром на которых являлись рабы [10]. При этом дипломатия не располагала формами постоянных представительств и имела событийный характер. Так, в записях основателя исторической науки, древнегреческого историка Фукидида описывается участие торговой делегации Афин в конференции в Спарте в 432 году до н. э. Этот факт примечателен не столько своей древностью, сколько другой интересной особенностью, в очередной раз демонстрирующей неразрывность экономической и политической составляющих дипломатии. Дело в том, что конференция была посвящена подготовке Спарты и ее союзников к войне с Афинами — к Пелопоннесской войне, — а афинская делегация находилась в стане будущих противников для обсуждения торгового договора. При этом изначально узкоспециализированный мандат миссии не помешал ее представителям попутно принять участие в данной конференции политического характера и поучаствовать в дебатах. Даже после принятия решения об объявлении войны афинской делегации было позволено уладить торговые вопросы и покинуть Спарту.

Еще большее значение в античный период приобретает внешняя морская торговля. По вкладу в эту сферу с Древней Грецией могла сравниться из древних народов только Финикия, а в более позднее время — Голландия XVI—XVII веков. Но в отличие от этих народов греки больше внимания уделяли продвижению собственного экспорта, а не посреднической торговле. Основными его статьями были оливковое масло, вино, металлические изделия и керамика. Импортировали в основном продовольствие (зерно и соленую рыбу), сырье (железо, медь, лес, смолу, меха, кожу, лен, слоновую кость и т. д.) и рабов. Главными торговыми центрами являлись Афины, Милет и Коринф. Для нужд торговли чеканилась мелкая разменная монета. Совершенствовалось и банковское дело — возникали меняльные лавки (трапезиты),

которые помимо финансовых услуг, включая сложные (перевод денег со счета на счет), выполняли нотариальные и депозитарные функции [13]. К указанному выше периоду подготовки к Пелопоннесской войне относится и первый известный случай применения экономических санкций, получивший название «Мегарская псефизма» (432 г. до н. э.). Заблокировав торговлю с Мегарой, Афинский морской союз (Делосская симмахия) обрушил экономику этого полиса и спровоцировал голод. Несмотря на экономический эффект, Афины не добились политических целей, напротив, подвигли руководство города-государства к вступлению в возглавляемый Спартой Пелопоннесский союз, нанесший в ходе последовавшей одноименной войны поражение Афинам [14].

С момента возникновения в III веке зачатков японского государства и вплоть до XII—XV веков экономическая история страны и ее экономическая дипломатия не представляют особого интереса. В процессе становления товарной экономики в Японии получила развитие торговля с Китаем и Кореей. Особенно престижно и выгодно было вести дела с Поднебесной, которая являлась ведущим государством Азии и чеканила региональную валюту. Япония поставляла в Китай медь, оружие, веера, серу, а взамен импортировала фарфор, книги, лекарства и шелк [13].

Периоду римского господства «дипломатия» обязана, прежде всего, возникновением самого этого термина, которому спустя века суждено было стать обобщающим для всей системы международных отношений. Изначально греческим словом «диплома» в Римской империи называли сшитые особым образом двойные металлические пластинки с нанесенной на них информацией. К ним относились практически все виды разрешительных и верительных документов: паспорта, пропуска, подорожные грамоты и т. д. Первые верительные грамоты, церемониал вручения которых иностранными послами руководству государства пребывания сохранился до настоящего времени, тоже имели указанный вид. Помимо этого римляне привнесли в экономическую дипломатию регулирующий правовой аспект, провозглашавший нерушимость контрактов, что позитивно сказалось на будущем внешнеэкономической практики. В то же время, будучи завоевателями и администраторами, они в меньшей степени обогатили дипло-

матическую копилку методами ведения переговоров и продвижения собственных интересов ненасильственными способами.

Лишь в последний период своего существования Римская империя стала прибегать к дипломатии как «искусству переговоров». К этому моменту можно отнести и зарождение профессиональной дипломатии как профессии. Древнегреческий образ дипломата-оратора стал уступать место опытному наблюдателю — дипломату-исследователю, подробно изучавшему страну пребывания и снабжавшему своего правителя актуальной информацией, необходимой для принятия взвешенных решений в международных вопросах. Послам было велено слать донесения о внутренних делах стран аккредитации, их торговле и взаимоотношениях с соседями, ресурсном и ремесленном потенциале, слабых и сильных сторонах социально-экономической жизни [21]. Данный исторический период характеризуется возвращением в дипломатическую практику активной информационной работы, выпавшей из приоритетов в «ораторскую» эпоху Древней Греции.

Отличительной чертой Римской империи являлось отрицательное сальдо внешнеторгового баланса. Военно-ориентированное и финансово богатое государство ввозило зерно из Африки, серебро — из Испании, вяленую рыбу — из Гибралтара, ткани — из Египта и Милета, стекло — из Сирии, предметы роскоши — из Греции [13].

Следующий исторический этап — *распад Римской империи* на Восточную и Западную с последующим исчезновением последней — стал настоящей эпохой становления системы экономической «загранинформации». На фоне постепенного ослабления своего государства византийские дипломаты помимо изучения военной и политической конъюнктуры крайне скрупулезно собирали информацию об экономическом потенциале и торговых сношениях варварских государств, окружающих империю. Качественная аналитика позволяла вести против них эффективную борьбу и продлила жизнь империи, временами позволяя ей даже прирастать новыми территориями и рынками. Именно Византия служит самым ранним примером проведения в жизнь экономической дипломатии в том виде, в котором ее понимают наши современники. Расширение торговых связей стало одним

из мощнейших орудий поддержания ее влияния: окраинные торговые города стали важнейшими военно-политическими форпостами, а купцы приносили вместе с византийскими товарами высокую культуру и через эти инструменты транслировали влияние империи многим племенам и народам, возвращая обратно помимо прибыли еще и знания о них. Одновременно византийская дипломатическая традиция оказала огромное влияние на становление у новых варварских государств их собственной дипломатии. Они целиком переняли практически все составляющие, кроме методик экономической и, возможно, культурной дипломатии. Причиной этому явился крайне низкий уровень развития данных сфер деятельности в новых европейских государствах того времени, о чем еще будет сказано далее.

Экономическая дипломатия Средневековья

Экономическая дипломатия *раннего Средневековья* не может похвастаться особенными достижениями: она была подчинена характерным для того периода упадническим процессам варваризации и примитивизации. Стремительно появляющиеся и исчезающие по причине сильной раздробленности государственные образования, преобладание натурального хозяйства и обмена наложили серьезный отпечаток и на данную сферу. Дипломатия молодых государств обслуживала в основном военно-административные и династические интересы своих территорий, находясь при этом под культурным влиянием двух дипломатических школ — византийской и папской. У первых охотно был заимствован пышный имперский церемониал, а Святой престол своими жесткими действиями подал пример бескомпромиссного ведения дел с использованием всех доступных инструментов. Однако по мере развития средств производств и зарождения буржуазной модели как замены феодальному строю сформировалась потребность в безопасной торговле и устойчивых национальных рынках. В ответ на это стала меняться и экономическая дипломатия, начиная приобретать черты, присущие международным отношениям Нового времени [25].

Внешняя торговля средневековой Европы была сосредоточена в двух районах: в Средиземноморском бассейне и на Балтийском и Северном морях. Первый регион объединял Испанию,

Францию и Италию, торговавших как между собой, так и с Византией и Востоком, из которых в Европу поступали предметы роскоши, вино, фрукты и пряности. В торговле северного региона участвовали северогерманские города, Нидерланды, северная часть Франции, Англия, Западная Русь. В целях установления монополии на оптовую торговлю и для борьбы с грабежами со стороны пиратов, рыцарей и крупных феодалов в XII—XV веках стали появляться первые трансграничные торговые объединения — союзы-гильдии. Свое развитие получили также союзы купеческих городов, наиболее известный из которых — Ганза — включал в себя более 70 городов. Северная и Восточная Европа поставляла через ганзейских купцов хлеб, мед, пеньку, строевой лес, смолу, деготь, меха в обмен на английское сукно, продукцию металлообработки из Германии, французские вина и восточные специи. Продукция северного и южного торговых коридоров смешивалась на ярмарках в центрах международной торговли того периода. Начиная с XIII века, последовательно уступая первенство друг другу каждые 50—100 лет, такими центрами являлись графство Шампань, Лион, Женева, Франкфурт-на-Майне, Лейпциг, Брюгге. От итальянского слова «banco» (пер. — скамейка) возникло понятие «банк», появились первые ломбарды. Объемы торговли увеличивались значительными темпами благодаря развитию судоходства, а именно появлению новых типов судов (каравелл), десятикратному увеличению грузоподъемности кораблей, совершенствованию карт и навигационных приборов. В это время зародились протекционизм в виде заградительных пошлин и поддержка экспорта через предоставление льгот купцам и предпринимателям [13].

В средневековый период получает свое развитие и санкционный аппарат — к различным ограничениям, эмбарго и манипуляциям с таможенными пошлинами в политических целях добавляются полномасштабные коллективные санкции. Первым подобным случаем можно считать установленный Папой Римским Александром III в ходе Третьего Латеранского собора (1179 г.) прямой запрет на торговлю с мусульманами, еретиками, евреями и прокаженными. Его последователи подкрепляли и расширяли данный запрет, оказывая существенное влияние на архитектуру средиземноморской торговли [17].

Арабская дипломатия данного периода также в целом находилась под сильным влиянием византийской школы, но в то же время частично перенимала персидские подходы. Итогом стало выведение системы экономической «загранинформации» на еще более высокий уровень. От послов требовали очень подробных отчетов о социально-экономическом развитии стран аккредитации, включая уровень жизни, состояние дорожной сети и т. д.

Истинной колыбелью дипломатии, прежде всего экономической, стала *Италия времен позднего Средневековья*, города-государства которой ожесточенно боролись друг с другом за рынки и торговые пути. Незначительный внутренний рынок в совокупности с быстрорастущим промышленным потенциалом и наиболее передовым по меркам того исторического периода банковским сектором возводил экспортно ориентированную экономическую дипломатию в абсолютный приоритет. Венеция, Флоренция и Генуя активно торговали с Востоком через Сирию и Египет, куда стекались товары из Индии и Китая. Центрами торговли с Россией и Польшей стали итальянские фактории в Феодосии и Азове [13]. Заинтересованные в продвижении своих товаров на внешние рынки и первые вступившие на капиталистический путь развития, итальянские города-государства, прежде всего Венеция, Генуя, Милан и Флоренция, не имея достаточно военной силы для подчинения друг друга, вынуждены были развивать дипломатию как альтернативный инструмент экономической борьбы.

В вышеуказанных итальянских городах, а вместе с ними в Риме и Савойе почти одновременно, начиная с середины XV века, создаются постоянные дипломатические учреждения, и лишь позже они появляются в Лондоне, Париже и т. д. Самое первое постоянное посольство было создано миланским герцогом Ф. Сфорцей в Генуе в 1455 году [19].

Вести отсчет времени существования экономической дипломатии именно с эпохи Возрождения в Италии предлагают также бельгийский исследователь Р. Кулсает¹ и его британский коллега Г. Берридж [30].

¹ См.: Coolsaet R. Historical Patterns in Economic Diplomacy, from Protectionism to Globalization. The Case of Belgium//International Studies Association 2001 Conference, Chicago. — URL: <https://rikcoolsaet.be/files/2002/02/10-historical-patterns-in-economic-diplomacy-rikcoolsaet.pdf> (accessed: 30.10.2020).

С конца Средневековья и до эпохи Возрождения, то есть в XIV—XVI столетиях, в торговле преобладающую роль играли большие торговые центры (Венеция, Генуя, Вена, Кельн, Данциг, Рига). Их естественным желанием и основной целью было укрепление данного положения, чтобы товарные потоки, позволяющие им жить за счет торговли, и в будущем не смогли их миновать. Цель наиболее крупных держав того времени была в другом — после налаживания снабжения товарами копить сокровища в драгоценных металлах. Меркантилизм являлся основной доктриной, в соответствии с которой богатство страны определялось количеством золота и серебра [16].

В обретенных по итогам участия в Крестовых походах колониях и анклавах, которые были созданы в крупнейших городах Ближнего Востока и Африки, именно в руках итальянских консулов сосредоточивалась вся гражданская и, особенно, торговая юрисдикция по делам их соотечественников. Итальянская, в частности флорентийская, дипломатия подарила миру такие известные имена, как Данте, Петрарка и Макиавелли, которые внесли значительный вклад не только в мировую культуру, но и в дипломатическую практику. Особого успеха в экономической дипломатии достигла Венеция, которая отличалась особым мастерством использовать своих купцов в качестве агентов и проводников национальных интересов. Кроме этого венецианцы наладили лучшую для того времени систему «загранинформации» и первыми начали регулярно применять шифрование дипломатических депеш. Можно сказать, что именно итальянской дипломатии было суждено превратить данный вид деятельности в систему и искусство одновременно, а также внести наибольший вклад в развитие этой сферы в средневековый период.

Колониальный период

Доктрина меркантилизма, которой руководствовались основные европейские государства того времени, привела к накоплению первоначального капитала в Англии, Франции, Голландии и Испании, и это имело определяющее значение в последовавший *колониальный период*. В результате соперничества между ними Англия, оказавшись наиболее передовой в техническом и социально-экономическом плане, стала мировой ко-

лониальной державой. Примечательным является протекционистский Навигационный акт 1651 года, запрещавший перевозку английских товаров иностранными судами, что подорвало торговую монополию Голландии. Англичане разумно воспользовались также резким скачком цен в Европе, вызванным притоком золота и серебра из испанских колоний, для продвижения своих тоже внезапно «подешевевших» на фоне соседей экспортных товаров. Кроме того, они умело применяли новые инструменты международного кредитования, оборачивая голландские деньги с многократно большей прибылью, чем процентные ставки. Еще одним механизмом поддержки экспорта стало принудительное ограничение англичанами промышленного развития в колониях и зависимых странах, что вынуждало их потреблять товары метрополии, оставаясь при этом аграрно-сырьевыми придатками.

Важным центром европейской торговли и кредита являлся голландский Антверпен, в котором находились представительства всех банковских домов и происходило распределение колониальных товаров для дальнейшей отправки по речным артериям Европы. Голландия наравне с Англией использовала неравномерность роста цен в Европе, а также сосредоточила в своих руках большую часть посреднической торговли благодаря дешевому фрахту. Значительный рост показывал и экспорт страны — это стало возможным благодаря увеличению объемов переработки поступающего из колоний сырья. Из Голландии вывозились следующие товары: сукно, шелк, бумага, кожа, сыр, масло, лучший в Европе племенной скот, спиртные напитки и табачные изделия. Довольно быстро Амстердам стал финансовым центром мира и международным рынком ценных бумаг, где обращались облигации (или бонды — от англ. *bond*) всех европейских стран. Вест-Индская и Ост-Индская компании стали основными проводниками экономической дипломатии страны. Они чеканили монеты и заключали от имени правительства торговые договоры, а также занимались грабежом, пиратством, нарко- и работоторговлей. В то же время на севере Европы создается Ганзейский союз, или Ганза, который стал аналогией более ранних южногерманских Рейнского и Швабско-рейнского торговых союзов. «Великая немецкая Ганза» занималась, как и Голландия, посреднической торговлей, вывозя из русских и скандинавских земель

сельскохозяйственное сырье, лес, пушнину, соль и деготь в обмен на западную ремесленную продукцию, восточные пряности, вина и лекарства. Однако эпоха географических открытий снизила значимость средиземноморской и североморской торговли, погубив и южногерманские союзы, и Ганзу, место которой на северных торговых путях заняла Голландия [13].

Важной эпохой становления экономической дипломатической службы стал период XV и XVI веков, когда остро встал вопрос защиты купцов и путешественников от пиратского разбоя североафриканских племен. Одной из мер помимо военных операций стала практика учреждения консульств в транзитных портах. Институт консульской службы был введен именно ради защиты конкретных интересов, прежде всего торговых. Изначально консул был не более чем торговцем, лицом, уполномоченным представлять свое сословие и утвержденным в этом качестве венценосной особой, но по прошествии времени на него были возложены чисто дипломатические функции [16].

В следующем историческом периоде (с конца XVI века до начала Первой мировой войны) политическая повестка дня полностью диктовалась экономическими интересами. Великие географические открытия и колониальная экспансия вывели в лидеры Англию, Францию и Нидерланды. Торговые пути теперь пролегли через океаны, площадь обследованной земной поверхности выросла с 50 млн до 310 млн кв. км. В мировой товарооборот были включены новые продукты: табак, какао, кофе, чай, рис, сахар. Значительно возрос объем международной торговли, появилась первая биржа. Борьба за преобладание в торговле стала основным акцентом во внешних сношениях центров силы. Видный французский государственный деятель и дипломат Ж.-Б. Кольбер в 1661 году советовал в докладной записке Людовику XIV: «Если к естественному могуществу Франции король сможет присоединить силу, которую дают промышленность и торговля, то величие и могущество короля возрастут до небывалых размеров» [25].

В промежуток времени, охватывающий всё XVII столетие и завершившийся после 1750 года, главной задачей было обеспечить сальдо торгового баланса максимальным активом. По мере появления новых экспортно ориентированных отраслей и начала

активного применения политики протекционизма инструментарий достижения данной цели менялся, но суть оставалась неизменной [16].

С XVII века консулы в приморских городах из частных лиц превратились в официальных чиновников европейских держав. Задача увеличения товарооборота была впервые возложена на французских консулов в 1681 году с объявлением королевского указа о мореплавании и затем уточнена другим указом от 1781 года.

В 1696 году в Англии учреждено Управление по делам торговли и плантаций, целью которого было продвижение британской торговли за границей. В то же время и с той же целью Людовик XIV создал Торговый совет [16].

Британская империя стоит особняком в истории экономической дипломатии: практически вся ее международная деятельность, включая военную, была направлена на продвижение собственных торгово-экономических интересов и товаров. Так, захватив Гибралтар у Португалии, британцы настояли на внесении в мирный договор пункта, дававшего им право беспошлинного ввоза на территорию побежденного противника своих мануфактурных товаров, а затем способствовали их контрабанде в Испанию и через ее территорию в другие государства континентальной Европы. Возможно, это — первый подобный случай использования победы на поле боя для продвижения товаров. Ранее страны-победительницы, разумеется, монетизировали свои военные достижения в форме контрибуций и торговых преференций, но именно Британии с ее промышленным потенциалом «мастерской мира» того времени суждено было открыть новую страницу экономической истории. Отсчет эпохи осознанного и целенаправленного продвижения экспорта, на наш взгляд, стоит начать именно с этого момента [16].

Необычным примером удержания лидерства в экспорте явилась инициатива английского экономиста Джона Кэри в 1695 году: он предложил скупить всю испанскую шерсть, а в случае неспособности справиться с ее переработкой — просто сжечь ее, лишь бы не допустить развития этой отрасли в других странах. Другими важными методами, которыми Англия пользовалась без зазрения совести, являются предоставление экспортных субсидий и возможный запрет на экспорт сырья. Второй аспект особен-

но интересен, так как позволяет, с одной стороны, стимулировать внутренние производство, а с другой — вынуждает иностранных конкурентов закупать сырье по более высоким ценам [26].

Стремясь не допустить роста конкуренции, Англия проводила жесткую экономическую политику в отношении колоний, монополизировав торговлю промышленными товарами. Так, США запрещалось торговать с европейскими странами (закон от 1650 г.), а в 1660 году была введена монополия на колониальные товары: сахар, табак, хлопок, индиго и т. д. В попытке задушить колониальную промышленность Англия запрещала вывоз шерсти и тканей, сооружение доменных печей, прокатных станков, кузнечных мастерских («Железный закон» от 1650 г.). Вводились различные налоги и сборы. Освободившись от гнета метрополии, США значительно увеличили промышленный потенциал, позаимствовав лучшие английские наработки в совокупности с благоприятным предпринимательским и патентным законодательством. Значительную роль в становлении молодой страны сыграла экономическая дипломатия, подкрепленная географическим расположением. Находясь далеко от погрязшей в войнах Европы, капиталисты значительно обогатились от внешней торговли со Старым Светом, осуществляя поставки одновременно всем сторонам конфликтов. За первую половину XIX века внешняя торговля США выросла в 4 раза, но доля готовой продукции по-прежнему оставалась довольно низкой — 13% [13].

Историческим примером реализации экономической дипломатии силовыми методами является политика продвижения национальной продукции, проводимая Наполеоном Бонапартом начиная с 1800 года. На мировом рынке традиционно пользовались спросом французские предметы роскоши (шелк, ювелирные изделия, парфюмерия и косметика, фарфор и мебель). Ввозились продовольствие, уголь, железная руда, медь и хлопок. Молодой император расширял французский экспорт принудительными мерами, навязывая захваченным территориям и зависимым странам невыгодные торговые договоры и устанавливая беспощинный ввоз товаров из метрополии, а также запрещая им вести торговлю с Англией. Введенные Наполеоном в рамках «Континентальной блокады» санкции против британских товаров в итоге были обращены англичанами в свою пользу: потери до-

статочно быстро удалось компенсировать за счет расширения географии экспорта, а французская торговля понесла весьма ощутимые потери [13].

Экономическая дипломатия в Новое время

Отличительной чертой дипломатии *Нового времени* (конец XVIII — конец XIX в.) становится полный примат вопросов борьбы промышленной буржуазии европейских стран за рынки сбыта своих товаров. Вопросы династических браков и наследств начали быстро терять свое значение, практически прекратился обмен мелкими территориями между государствами. Вместо этого огромное значение приобрели торговые соглашения и таможенная политика. Противостоящая дворянству и набирающая силу буржуазия считала неправильным построение межгосударственных отношений исключительно на уровне монархов, отмечая более перспективным формирование отношений между нациями.

Следующей важной вехой в экономической дипломатии стала промышленная революция в Европе (с 1750 по 1870 г.), проявившаяся в мощной торговой экспансии вовне и в приобретении новых рынков сбыта. Экономические вопросы постепенно обособились от политических, а соответствующее направление дипломатов теперь занималось обсуждением тарифной политики, подготовкой торговых соглашений, получением портовых льгот и гарантий для соотечественников, ведущих дела за границей [16].

На рубеже XVIII—XIX веков мировая торговля достигла значительных масштабов и приобрела характеристики, присущие сегодняшним внешнеэкономическим связям. Это было обусловлено созданием крупного машинного производства в Англии и Голландии, ориентированного на экспорт промышленной продукции, в основном потребительских товаров, и импорт сырья из колоний и менее развитых стран [27].

Дипломаты старой школы, в основном аристократы, далеко не сразу приняли новую роль проводников национальных экономических интересов, так как привыкли иметь дело главным образом с вопросами большой политики, считая коммерческую дипломатию второстепенным и непрестижным делом. Обеспечение благоприятных торговых условий воспринималось нормаль-

но, а вот бегать по заказам и концессиям считалось выходящим за рамки обязанностей дипломата. Так, в частности, высказывался министр иностранных дел Британской империи лорд Солсбери в 1879 году. Другой английский посол утверждал, что его предшественники, поручи им заниматься торговлей, пришли бы в ужас: логичнее было бы пригласить их поработать в торговой лавке. В то же время историки дипломатии утверждают, что многие послы быстро поняли свою выгоду и не брезговали заниматься финансовыми спекуляциями в целях личного обогащения [11]. В британской правящей элите еще долго сохранялось убеждение, что «коммерческая дипломатия — не дело людей, сидящих за столом и пишущих доклады, что присуще дипломатам» [9].

Однако не все разделяли подобную точку зрения, и продвижение товаров стало высшим приоритетом британской дипломатии. Министр иностранных дел лорд Пальмерстон в 1841 году отметил такими заявлениями: «Внешняя политика Англии должна открыть и сделать безопасным путь для торговцев»; «Внешняя политика Англии должна открывать и закреплять за Британией пути продвижения наших товаров» [12, с. 4]. В 1866 году в британском МИД появился торговый отдел, а в 1872 году он был значительно увеличен. В 1887 году был назначен торговый атташе в Санкт-Петербурге [16].

Общей чертой колониальной торговли до XIX века было то, что основную прибыль метрополии получали не от реализации своих экспортных товаров, а от перепродажи колониальных, а также в результате сбора различных налогов и грабежа местного населения. Затем ситуация кардинально изменилась, и экспортный сбыт вышел на первое место. Так, в первой половине XIX столетия от 50 до 80% произведенных Англией промышленных товаров поступило на рынки колоний. Вместе с тем захваченные территории служили источником бесперебойных поставок дешевого сырья [13].

По мнению Л. Д. Градобитовой, XIX век стал временем перехода к дипломатии конференций, то есть многосторонней дипломатии [6]. С этим трудно не согласиться, если вспомнить стремительное развитие нетипичного для монархий предыдущих эпох формата личных многосторонних встреч, а также их количество в данный период.

Это время стало отправной точкой еще для одной, возможно, более важной трансформации. В XIX веке, как резюмирует Э.П. Плетнев, буржуазия «приземлила» старую придворную дипломатию. Капитал впряг ее в свою колесницу. Если раньше дипломатия витала вокруг высоких «интересов короны», разделов имперских «наследств», монархических «браков крови», где материальные интересы не выступали на поверхность непосредственно, то буржуазия насквозь пропитала дипломатию своим торгашеским духом, превратив ее в орудие борьбы за рынки сбыта, источники сырья и сферы размещения капитала [24].

Причиной такой трансформации являлось отсутствие общих «правил игры», что вынуждало предпринимателей обращаться к правительству, чтобы использовать его дипломатический аппарат для реализации интересов национального бизнеса. Теперь от правительств помимо обеспечения безопасности торговых путей, завоевания и удержания колоний, а также утверждения сфер влияния и заключения торговых соглашений ожидалась еще и активная поддержка собственных предпринимателей.

Тем не менее вплоть до начала XX века на дипломатической службе в Европе продолжали состоять преимущественно выходцы из знатных, аристократических родов, которые расценивали перевод на экономическое направление как понижение, влекущее за собой необходимость общаться по долгу службы с представителями более низких социальных слоев. Это стало причиной довольно позднего принятия экономической дипломатии [8]. Предпосылки для этого сложились уже во второй половине XIX века.

Министерства иностранных дел стали вплотную заниматься поставкой информации о рынках и продукции других стран, а в зарубежных представительствах были образованы должности атташе по торговле и коммерции.

Первый торговый атташе появился в посольстве Великобритании в Париже в 1880 году, а следом аналогичные должности были введены в Берлине, Константинополе, Пекине и Йокогаме. Тем же путем пошла и Германия, создав в этот период экономический департамент и начав направлять за рубеж своих торговых атташе. В 1906 году французский Кэ д'Орсе (МИД Франции в дипломатическом обиходе, по аналогии с российской Смоленской площадью) создал корпус атташе по коммерции.

Британия подала пример расчетливой и эффективной экономической дипломатии, поддерживая национально-освободительную борьбу испанских колоний и греков. С интенсивным развитием машинного производства и вытеснением им ремесла и мануфактуры Англия продолжила держать промышленное первенство — ее удельный вес в мире составлял 40%. Этому способствовало дешевое сырье из колоний и передовые средства производства. Соответственно, такое количество товаров при довольно небольшом внутреннем рынке требовало масштабного сбыта. Следствием этого стало особое внимание руководства страны к освоению и удержанию внешних рынков. Меньше чем за столетие (1800—1870 гг.) англичане увеличили тоннаж своего торгового флота в 12,5 раза, что составило 60% от общемирового объема торгового мореходства, и заняли место Голландии в качестве «мирового извозчика». Концентрация производства и логистики обеспечила колоссальный мультипликативный эффект. Не опасаясь конкуренции, Англия снизила пошлины на промышленные товары и полностью отменила их на сырье. Практически до конца XIX века Англия удерживала ведущее положение во внешнеторговых операциях. На экспорт шли машины, текстиль, уголь и черные металлы. Импортировалось в основном сырье для текстильной промышленности (хлопок, шерсть, лен) и продовольствие. Кроме того, значительные суммы поступали от так называемого невидимого экспорта, а именно доходов от вывоза капитала, посреднических торговых и банковских операций, фрахтовых платежей, премий от страхования морской торговли. Английский дипломат Д. Каннинг, предложивший своему правительству активизировать работу в данном направлении и воплощавший ее в жизнь во второй половине XIX века, рассчитывал, что новые национальные государства будут остро нуждаться в английских деньгах, торговом флоте и товарах. Другой особенностью английского стиля стало прикрытие захватнических экономических интересов английской буржуазии либеральными понятиями. В середине XIX века Англия провозгласила в своей внешней политике принцип свободы торговли — фритредерства, завершив эпоху протекционизма. Ушел в прошлое и Навигационный акт. Опираясь на подавляющее превосходство своей промышленности и флота, английская буржуазия видела

в свободе торговли надежнейший инструмент для укрепления своего монопольного статуса величайшей индустриальной державы [25]. Несмотря на то что к концу XIX века на долю англичан приходилась половина мировой торговли, в XX веке удельный вес английского экспорта стал стремительно сокращаться. Причиной тому явился рост новых центров промышленности — Германии и США, а также упущенный момент в техническом перевооружении производственной базы страны в связи с переходом от паровой к электрической тяге [13].

В тот же период начался экономический подъем в Германии. Только в 1850—1860 годах экспорт утроился, в его структуре стали преобладать промышленные товары. Концентрация на машиностроении, электротехнике и химической промышленности позволила стране к началу Первой мировой войны достигнуть в этих отраслях 30—50% от мирового объема производства. По экспорту металлургической и машиностроительной продукции Германия оказалась на первом месте в мире. На внешние рынки вышли также немецкие ткани и кожевенные изделия, уголь, сахар и т.д. В страну ввозились в основном продовольствие и сырье, а в структуре экспорта доля готовой продукции составила 73%. Популярная в те годы в Германии концепция «нехватки жизненного пространства для немцев», которая была обусловлена отсутствием колоний с дешевым сырьем и безграничным беспошлинным сбытом, стимулировала страну к выживанию в условиях жесткой конкуренции. Методами такого выживания стали борьба за достижение исключительно высокого качества товаров и агрессивная внешняя экспансия. Реализуя второй из них, Германия взяла под контроль Того, Камерун, Северо-Западную Африку и ряд островных архипелагов. Несмотря на эти успехи, масштаб территориальных приобретений не соответствовал потребностям национального производства. Обострение внешнеторговой конкуренции с Англией и Францией наряду с вышеуказанными сложностями, а также таможенная война с Россией подталкивали страну к продолжению дипломатии иными методами, а именно путем подготовки к большой войне за передел влияния в мире. По мнению Г.Б. Полякова, активная немецкая экспансия в значительной степени привела к началу Первой мировой войны [13].

Очередной пример силовой экономической дипломатии и продвижения экспорта продемонстрировали в середине XIX века и США. Американская эскадра, прибыв в 1853 году в порт Токио, потребовала открытия японских портов для торговли со своей страной. Результатом стал неравноправный торговый договор, вывоз японского сырья и продовольствия за бесценок, наводнение страны дешевыми американскими товарами, тормозившими собственное производство. Впрочем, предвоенная Япония, так же, как и США, не избегала силовых методов продвижения своих товаров. После победы в Японо-китайской войне 1894—1895 годов и Русско-японской войне 1904—1905 годов Страна восходящего солнца стала лидером по объему экспорта в азиатском регионе. В импорте Кореи и Маньчжурии на японские товары приходилось 74 и 60% соответственно [13].

В рассматриваемый период в качестве коллективных международных экономических санкций активно применялись (более 20 раз) морские «мирные блокады». Первая и наиболее известная подобная операция была осуществлена военно-морскими силами Великобритании, России и Франции с целью перекрыть снабжение турецких сил, занятых подавлением греческой национально-освободительной борьбы. При этом ни одна из осуществлявших блокаду держав не находилась в тот момент в состоянии войны с Османской империей. Также подобные блокады использовались на уровне двусторонних отношений как инструмент принуждения к выполнению долговых обязательств, получения репараций и решения других межгосударственных споров [14].

XX век

Первая мировая война оказала значительное влияние на дипломатическую службу, показав, что вопросы экономической дипломатии будут играть особую роль в послевоенном устройстве мира [11].

Окончание войны вызвало хаос в экономических отношениях из-за разрушения мировых хозяйственных связей, разрегулированности валютных систем, беспорядок в долгах и репарациях, урегулирование выплат по которым еще несколько десятилетий отравляло международные отношения. Тем не менее все эти финансовые и административные хитросплетения позволили

дипломатическим службам стран осознать мировую экономику в целом [16].

В год учреждения Лиги Наций (1920 г.) в оборот международного права впервые вводится само понятие «санкция» как форма дипломатического воздействия, включавшего широкий инструментарий экономических рычагов [3].

XX век стал наиболее благоприятным для внешней торговли США. С одной стороны, обладая прекрасными физико-географическими условиями и проводя политику жесткого протекционизма, страна смогла невероятно развить собственное промышленное производство. С другой стороны, поощрение вывоза также дало свои плоды. Начиная с последней четверти XIX века наблюдалось превышение экспорта над импортом. Быстрыми темпами менялась также его структура: колониально-сырьевой сбыт уступил место современному, ориентированному на вывоз готовых товаров. Активно развивался экспорт капитала, важнейшим направлением которого были государства Южной Америки, где США взяли под контроль целые отрасли промышленности и добычи сырья. Настоящий взлет американского экспорта произошел в период Первой мировой войны, когда огромные поставки шли всем сторонам конфликта.

По итогам войны страна смогла упрочить свое положение на европейских рынках, куда ранее ее доступ всячески блокировался, а также смогла сконцентрировать в своих руках половину мирового золотого запаса, полученного в качестве платежей за военные экспортные поставки. Послевоенный период вплоть до Великой депрессии также способствовал росту американского экспорта по причине необходимости восстановления Европы, треть материального имущества которой была уничтожена в ходе боевых действий.

После окончания Второй мировой войны США стали бесспорным международным экономическим лидером — на их долю приходилось более 30% экспорта всего капиталистического мира. Повторное восстановление Европы в ходе реализации «плана Маршалла» принесло стране огромные доходы. И только в последующие годы укрепление западноевропейских стран и промышленный рывок Японии уже к 1980 году снизили долю США в совокупном экспорте капиталистических стран до 12% [13].

Послевоенная Англия уже не могла конкурировать с США в производстве массовой продукции и была вынуждена сконцентрироваться на дорогих экспортных товарах с целью сохранить за собой хоть какие-нибудь ниши [13].

Со второй половины XX века международный обмен приобрел «взрывной характер» — в период с 1950 по 1994 год мировой торговый оборот вырос в 14 раз [27].

В 1950-е годы японская экономическая дипломатия активно применяла тактику направления «странствующих послов» и экономических миссий. Их важнейшей задачей являлось расширение и поддержание бесперебойного сбыта национальных товаров. Дипломаты в посольствах Японии занимались сбором первичной информации и налаживанием прямых контактов, представляя собой, таким образом, нижний этаж экономической дипломатии. В 1960-х годах Ш. де Голль язвительно отзывался о японских премьер-министрах как о «торговцах транзисторами» [5].

Наиболее широкомасштабная работа западных государственных систем по сопровождению международной маркетинговой деятельности проводилась в 1950-е и 1960-е годы. Это был период активного развития и совершенствования экономической дипломатии, которая осуществлялась по трем направлениям: защита предприятий, обеспечение их информацией, техническая и финансовая поддержка. В последующие десятилетия, в 70-х и, особенно, 80-х годах прошлого века, на каждом из этих направлений обозначились признаки невозможности дальнейшего применения традиционных инструментов государственного сопровождения международной маркетинговой деятельности и начался их пересмотр [16].

Ф. Бергштен делает интересный вывод, что послевоенная экономическая дипломатия до 1970—1980-х годов имела дело в основном с товарами и осуществлялась в более управляемой и «дисциплинированной» международной среде, стабилизирующими механизмами которой являлись Бреттон-Вудская система, а также политическое и экономическое положение Соединенных Штатов и американских фирм. Такая относительно предсказуемая международная экономическая обстановка подверглась серьезному стрессу из-за разных взаимоусиливающих воздействий. К ним относятся: ускорение процесса глобализации и вы-

текающее из этого снижение затрат на транспорт и связь, общая либерализация и сокращение регулирования внешнеэкономической деятельности; отсутствие регулирующих монетарных механизмов; меняющийся баланс сил между США и Европейским союзом в экономическом плане (размывание однополярного лидерства США), появление новых пунктов в торговой повестке дня (услуги, продукты информационной промышленной революции, биотехнологии)¹.

Индийский посол в отставке, преподаватель и исследователь К. Рана отмечает 1970-е годы как момент появления экономической дипломатии в том виде, в котором мы знаем ее сегодня. По его мнению, с начала 1970-х по конец 1990-х годов экономическая дипломатия последовательно прошла четыре фазы развития: простое продвижение торговли, создание сетевых структур по продвижению («нетворкинг»), комплексное продвижение государства как «бренда», регуляторная фаза — период активного развития наднациональных экономических регуляторов [32].

1970-е годы стали временем возведения экономических вопросов на самый высокий дипломатический уровень [6]. В рамках ВТО и ОЭСР был принят ряд документов, ограничивающих или запрещающих субсидирование экспорта. Так, для ВТО таким документом являлось Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам [7]. А в ОЭСР в 1978 году было принято Соглашение по официальным экспортным кредитам, определившее рамочные условия государственного финансирования и страхования экспортных операций стран-членов. Оно предусматривает минимальную процентную ставку, а также единую долю авансового платежа покупателя. Наиболее популярным методом обхода этих ограничений стало придание государственной структуре организационной формы коммерческого предприятия, деятельность которого не попадает под правила ОЭСР. Этим путем пошли Германия (KfW) и Канада (EDC). Данный метод получил название «рыночное окно» (market window) [20].

В 1980-е годы Япония благодаря занятию лидерских позиций по своей конкурентоспособности совершила мощный рывок

¹ См.: *Bergsten F.* America and Europe: clash of the titans?//Foreign Affairs. — Vol. 78. — March/April 1999. — No. 2. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/1999-03-01/america-and-europe-clash-titans> (accessed: 16.12.2020).

в сфере международной торговли. С небольшим отставанием к ней присоединились и новые индустриальные страны [27].

Новым словом в экономической дипломатии 1980-х годов явилась практика установления расценок на услуги по торговой поддержке и продвижению национальных экспортеров [16]. В вопросе взимания платы разные государства пошли разными путями: полностью безвозмездный сценарий, схема с частичным покрытием либо абсолютно коммерческий вариант. Апологет французского коммерческого метода Ги Каррон де ла Каррьер говорит, что основным смыслом взимания платы стало повышение ответственности как предприятий, так и экономической дипломатии. Большого дохода для государства нет, как и ощутимого расхода для предприятия. Просто дело принципа, которое позволяет взаимодействию приобрести более профессиональную окраску. Предприятия стали более полно описывать свое положение и преимущества, а также реже обращаться к дипломатам. Экономические дипломаты, оказавшись в роли поставщика платной услуги, также пересмотрели свое отношение к качеству и срокам исполнения заказов. В итоге переход пошел на пользу всем [16].

В том же историческом периоде дипломатия в целом, а немного позднее и экономическая дипломатия в частности впервые стали полноценными объектами академического интереса и научных исследований [31]. За два последующих десятилетия выходят в свет десятки фундаментальных исследований и сотни научных статей [33].

В 1990-х годах в британской экономике значительно усилилась тенденция на сокращение экспорта товаров. Она была заметна еще с середины века и обусловлена развитием производства в новых индустриальных странах, где стоимость сырья и рабочей силы существенно выше. Негативный эффект от этого явления частично нивелировался ростом экспорта услуг, в частности финансовых, консалтинговых, а также туристических [18].

В 1993 году президент США Б. Клинтон разработал Концепцию национальной стратегии экспорта (*National export strategy*) для поддержки предприятий в удвоении экспорта в 2000 году по отношению к показателям 1982 года. С этой целью в Департаменте торговли был создан центр поддержки стратегических направлений (*advocacy network*) и оперативный центр (*war room*),

где группа около 20 человек в реальном времени отслеживала реализацию проектов и в нужный момент вводила в действие те или иные механизмы поддержки [11].

Президент Франции Жак Ширак отмечал, что сумма экспортных контрактов, заключенных благодаря его личному вмешательству, составляет 120 млрд франков. Б. Клинтон в свою очередь не постеснялся направить личное послание королю Саудовской Аравии Фахду ибн Абдул-Азизу Аль Сауду с целью убедить его покупать именно «Боинг», а не «Эйрбас». В следующий раз президент США пригрозил Европе торговой войной в случае осуждения Комиссией ЕС слияния «Боинга» и «Макдоннелл-Дугласа» [11].

Широкое распространение в последнее десятилетие XX века получила практика введения коллективных экономических санкций под эгидой ООН, которые в этот короткий период были введены против девяти стран, в основном африканских и арабских. Целью их применения было, как правило, принуждение к прекращению насилия через экономические ограничения [1].

Заключение

В качестве одного из обобщающих выводов хорошо подойдет тезис нашего французского коллеги Ги Каррона де ла Карьера: «Прежде всего, экономическая дипломатия утверждалась по мере того, как традиционной дипломатии всё чаще удавалось избегать вооруженного противоборства для урегулирования межгосударственных отношений» [16].

В конце XX века экономическая дипломатия хотя и столкнулась с рядом новых вызовов, таких как ускорение всех типов процессов, появление новых сфер деятельности, изменение баланса сил в мировой экономике, но в целом не изменила своим базовым принципам. Даже бурное развитие средств коммуникации и сети Интернет не оказало на нее большого влияния. Будучи достаточно дискретной материей высоких уровней власти и бизнеса, она только обогатилась новым техническим инструментарием.

Подводя итог данного ретроспективного анализа становления и развития мировой экономической дипломатии, можно сказать, что эта сфера человеческих взаимоотношений прошла долгий и сложный путь. Простейшие акты дарового межплеменного об-

мена эволюционировали до многосторонних отношений между государствами в рамках профильных международных организаций. Силловые методы и инструменты колониального принуждения по большей части уступили место «мягкой силе» и методам культурной маркетинговой адаптации продукта. Однако, пока существуют отдельные государства и разделенные рынки, суть экономической дипломатии останется неизменной — использовать все приемлемые в текущий отрезок времени методы для достижения национальных хозяйственных интересов и продвижения производимой государством продукции.

Литература

1. *Алексеев И.С.* Искусство дипломатии: не победить, а убедить. – М.: Дашков и Ко, 2007. – 283 с.
2. *Батулин Л.М.* Экономическая дипломатия в мировой политике: история и современность // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – Т. 14. – 2014. – № 3. – С. 54–56.
3. *Белькевич А.А.* Исследование мирового опыта применения экономических санкций во внешней политике // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2016. – № 1-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-mirovogo-opyta-primeneniya-ekonomicheskikh-sanktsiy-vo-vneshney-politike> (дата обращения: 04.05.2022).
4. *Борисов Ю.В.* Дипломатия Людовика XIV. – М.: Аграф, 2002. – 381 с.
5. Внешнеэкономическая политика и дипломатия современного капитализма / под ред. В.К. Ломакина. – М.: Международные отношения, 1984. – 351 с.
6. *Градобитова Л.Д., Пискулов Ю.В.* Экономика и дипломатия. – М.: Наука, 1985. – 160 с.
7. *Данильцев А.В., Захаров А.В., Медведков М.Ю., Трудаева Т.А.* Основы торговой политики и правила ВТО. – М.: Международные отношения, 2005. – 445 с.
8. *Дегтерев Д.А.* Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. – М.: Навона, 2010. – 176 с.
9. Дипломатическая служба зарубежных стран / под ред. А.В. Торкунова, А.Н. Панова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 399 с.
10. Дипломатия иностранных государств: учеб. пособие / под ред. Т.В. Зоновой; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2004. – 351 с.
11. *Зонова Т.В.* Дипломатия: модели, формы, методы. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 347 с.
12. *Иванов И.Д.* Хозяйственные интересы России и ее экономическая дипломатия / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М.: РОССПЭН, 2001. – 318 с.
13. История мировой экономики / под ред. Г.Б. Поляка, А.Н. Марковой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 671 с.
14. История экономических санкций. // Международное право. – URL: <https://interlaws.ru/istorija-jekonomicheskikh-sankcij> (дата обращения: 04.05.2022).
15. *Камбон Ж.* Дипломат / пер. с фр.; под ред. и с предисл. А.А. Трояновского. – М.: Госполитиздат, 1946. – 87 с.
16. *Каррон де ла Каррьер Г.* Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок / пер. с фр. – М.: РОССПЭН, 2003. – 296 с.
17. *Лаптева Е.В.* Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovye-antirossiyskie-sanktsii-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 07.05.2022).
18. *Ломакин В.К.* Британия в мировой экономике. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 407 с.
19. *Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия. – М.: Аспект Пресс, 2016. – 528 с.

20. Международный маркетинг / под ред. А.М. Зобова. – М.: РУДН, 2011. – 279 с.
21. *Никольсон Г.* Дипломатия. – М.: Гос. Изд-во полит. лит-ры, 1941. – 153 с.
22. *Олейнов А.Г.* Экономика международных отношений // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2011. – № 5. – С. 24–31.
23. *Орнатский И.А.* Экономическая дипломатия. – М.: Международные отношения, 2016. – 272 с.
24. *Плетнев Э.П.* Дипломатия и экономическое развитие. – М.: Международные отношения, 1965. – 264 с.
25. *Потемкин В.П.* История дипломатии с древнейших времен до нового времени. – М.: ОГИЗ, 1941. – 566 с.
26. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 384 с.
27. *Симионов Ю.Ф.* Мировая экономика и международные экономические отношения. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 504 с.
28. Экономическая дипломатия в условиях глобализации: учебник / под ред. Л.М. Капица; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – М., 2009. – 544 с.
29. *Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations* / Ed. by R. Cohen, R. Westbrook. – Baltimore: John Hopkins University Press, 2002. – 328 p.
30. *Berridge G.R.* *Economic and Commercial Diplomacy // Diplomacy. Theory and Practice.* – L.: Palgrave Macmillan, 2015. – P. 210–224. – URL: https://doi.org/10.1057/9781137445520_15 (accessed: 16.01.2021).
31. *Bull H.* *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics.* – Hampshire and N.Y.: Palgrave, 2002. – 329 p.
32. *Economic Diplomacy: India's Experience* / Ed. by K.S. Rana and B. Chatterjee. – Jaipur: Cuts International, 2011. – 285 p.
33. *Okano-Heijmans M.* Conceptualizing Economic Diplomacy: The Crossroads of International Relations, Economics, IPE and Diplomatic Studies // *The Hague Journal of Diplomacy.* – Vol. 6 (2011). – P. 7–36.

Цибенко Вероника Витальевна,

кандидат исторических наук,
Центр междисциплинарных гуманитарных исследований
Южного федерального университета, Ростов-на-Дону.

Veronika V. Tsibenko,

PhD (History),
Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities,
Southern Federal University, Rostov-on-Don.

E-mail: tsibenkow@yandex.ru

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧЕРКЕССКОГО ВОПРОСА
В БРИТАНСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ
(XIX — НАЧАЛО XX В.)**

**THE INTERNATIONALIZATION OF CIRCASSIAN
QUESTION IN THE BRITISH AND FRENCH PRESS
(19TH — EARLY 20TH CENTURY)**

Аннотация: в статье рассматриваются формирование и актуализация черкесского вопроса (международно-политического статуса территорий Северного Кавказа) в газетах Великобритании и Франции. Черкесский фактор с первой половины XIX века активно использовался ведущими мировыми акторами — великими державами — для дискредитации политики России на международной арене и сдерживания ее продвижения в Черноморско-Каспийском регионе. Системный анализ британской и французской прессы позволил проследить основные этапы актуализации черкесского вопроса и отличия британской и французской позиций. Исследование демонстрирует, что после завершения Кавказской войны (1817—1864 гг.) и массового переселения северокавказцев в Османскую империю образ черкесов меняется с положительного (борцы за свободу) на негативный (каратели и убийцы османских христиан), а место черкесского вопроса последовательно занимает новый армянский вопрос. В начале XX века черкесы уходят из общественно-политического дискурса прессы, внимание которой полностью переключается на армян и курдов.

Ключевые слова: Турция, Османская империя, Кавказ, Северный Кавказ, черкесы, черкесский вопрос, армянский вопрос.

Abstract: the article discusses the formation and actualization of the Circassian question (the problem of international political status of the North Caucasian territories) in the newspapers of Great Britain and France. The Circassian factor has been actively used by the world's leading actors — the great powers — since the first half of the 19th century to discredit Russia's policy in the international arena and to restrain its progress in the Black Sea-Caspian region. A systematic analysis of the British and French press allows to trace the main stages of the actualization of the Circassian question and the differences between the British and French positions. The study demonstrates how after the end of the Caucasian War (1817—1864) and the following mass migration of North Caucasians to the Ottoman Empire, the image of Circassians has radically changed from the freedom fighters to the punishers and murderers of the Ottoman Christians. Since then the Circassian question was replaced by a new Armenian one. At the beginning of the 20th century, Circassians have gone from the socio-political discourse, and attention of press was completely switched to the Armenians and Kurds.

Key words: Turkey, Ottoman Empire, Caucasus, North Caucasus, Circassians, Circassian Question, Armenian Question.

Введение

В XIX веке неотъемлемой частью международной повестки стал так называемый черкесский вопрос, который, опираясь на определение А.Х. Борова [4, с. 10], можно сформулировать как вопрос о международно-политическом статусе северокавказских территорий. Дальнейшее развитие черкесского вопроса привело к сведению его к нескольким ключевым положениям, продвигаемым черкесскими активистами и отдельными государствами на международной арене в наши дни:

- признание миграции части населения Северного Кавказа в Османскую империю по окончании Кавказской войны (1817—1864 гг.) «геноцидом черкесов» со стороны России;
- выплата потомкам переселенцев компенсаций;
- обеспечение их правом и условиями для возвращения на «историческую родину» (включая юридическое признание соотечественниками, предоставление двойного гражданства по облегченной процедуре);
- объединение «черкесских» территорий в единое протогосударственное или государственное образование.

Такой политизированный взгляд на историю оказывает негативное влияние на внешнеполитический имидж Российской Федерации, осложняет межгосударственное сотрудничество и ставит российское руководство перед внутривнутриполитическим вызовом распространения сепаратистских идеологем, к которым можно отнести тезис о «геноциде черкесов».

Одним из основных инструментов распространения идеологии «геноцида черкесов» и продвижения черкесского вопроса в России и за рубежом выступают средства массовой информации. Они публикуют заявления и требования черкесских активистов и организаций, идеологизированные экспертные материалы и тщательно подобранные исторические «свидетельства», формируя таким образом общественное мнение в необходимом ключе. По позициям ключевых зарубежных СМИ можно определить, какие современные государства заинтересованы в продвижении тематики черкесского вопроса, а также состав-

вить представление о его основных акторах и содержательных аспектах.

Тем более актуальным представляется изучение черкесского вопроса по зарубежным СМИ на первой стадии его формирования, в XIX — начале XX века. Это даст возможность раскрыть сущностные характеристики черкесского вопроса, истоки его генезиса и выявить связь с общемировой конъюнктурой, что позволит прогнозировать его развитие в дальнейшем.

С этой целью для исследования были выбраны СМИ двух великих держав, проявлявших заинтересованность в отношении политического статуса Кавказа, — Великобритании и Франции. Анализ прессы проводился по двум базам данных: электронному архиву Британской библиотеки «The British Newspaper Archive» (Великобритания) и французскому архиву прессы 1631—1950 годов «Retro News» (Франция). Эти базы данных предоставляют доступ к тысячам наименований периодических изданий, выпускавшихся в необходимый для исследования период, и представляют репрезентативный источник для изучения динамики и содержательных аспектов формирования черкесского вопроса.

Соперничество великих держав за Кавказ в XIX в.

В российской истории XIX век стал временем стремительно расширения границ Российской империи. Ранее уже была достигнута стратегическая цель выхода к южным морям, но не была обеспечена безопасность новых южных границ. Ключевое геостратегическое значение для России приобрел Кавказ как зона нестабильности, несущая постоянную угрозу торговым путям. Присоединение и «замирение» Кавказа стали приоритетными целями Российской империи, однако они входили в противоречие с интересами другой великой державы — Великобритании, которая полагала, что усиление России в Черном море является прямой угрозой ее колониальным интересам на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и Индии. Э. Д. Эшба отметила, что разнонаправленность позиций России и Великобритании в регионе привела к превращению данного пространства в «зону острых противоречий» [13, с. 87].

Можно отметить, что в это время одним из основных элементов внешнеполитической стратегии Великобритании становится фор-

сированное конструирование международно-политической субъектности Северного Кавказа в соответствии с опытом, полученным ранее в арабских и балканских провинциях Османской империи. Акцент британской дипломатией делался на непризнании власти России на Северном Кавказе ни де-факто, ни де-юре, что обосновывалось утверждениями о нелегитимности передачи от Османской империи к России по Адрианопольскому мирному договору 1829 года кавказских территорий. Британские власти оспаривали османскую традицию считать земли Западного Кавказа своими на основании подчинения черкесов Крымскому ханству, которое в XV веке приняло вассальную зависимость от султана [32, с. 36].

Для противодействия России в регионе Британская империя использовала комплекс инструментов, включавших поддержку северокавказцев деньгами и оружием, отправку на Северный Кавказ разведчиков, инструкторов и агитаторов, дипломатическую работу по признанию независимости Черкесии. Руководствуясь принципом фритредерства в отношении Черного моря, которому придавала большое значение в развитии своей торговли [6, с. 37; 18, р. 64; 36, р. 351—352], Великобритания проводила «дипломатические эксперименты» [5, с. 133]. Они представляли собой провокационные акции по отправке к черноморским берегам формально не связанных с британским правительством торговых судов, перевозивших оружие. Таким образом британцы пытались оспорить принадлежность северокавказских территорий Российской империи, подняв вопрос о международном статусе Черкесии, и одновременно снабжали черкесов средствами для вооруженной борьбы.

Великобритания заявляла, что борется с «блокадой» черноморского побережья, хотя, по сути, британские суда грубо нарушали российские таможенные и карантинные правила, установленные в 1831 году [11, с. 432—443]. Британская империя отстаивала свое, как заявляли власти, право на свободную торговлю с Черкесией, не признавая за Россией возможности налагать какие-либо ограничения на доступ к черноморскому побережью.

В конце Крымской войны в 1856 году британские усилия по превращению Черкесии в барьер против продвижения России окончились поражением. Недолгим был и интерес французских властей, которые в начале 50-х годов XIX века начали рассматри-

вать план интервенции в Черкесию [10, с. 144—154], но пришли к выводу, что значение и перспективы черкесского движения были сильно преувеличены [10, с. 158].

Таким образом, черкесский фактор с первой половины XIX века активно использовался Великобританией для дискредитации политики России на международной арене и сдерживания ее продвижения в Черноморско-Каспийском регионе. Британские власти рассматривали Кавказ как опорную точку для контроля над торговыми и транспортными путями, открывающими путь британским колониальным владениям в Индии и на Ближнем Востоке. Непродолжительный интерес к Кавказу французских властей на волне успехов в ходе Крымской войны быстро сменился реалистичным расчетом, благодаря которому Франция воздержалась от вступления в региональное соперничество с Россией.

Начало формирования общественного мнения в отношении Черкесии

Уже в 30-е годы XIX века можно отметить, что Великобритания приступила к масштабной программе по формированию европейского общественного мнения в отношении Кавказа и негативизации образа России. Прибывавшие на черноморское побережье и пробиравшиеся в глубь кавказских территорий британские торговцы и разведчики в одном лице характеризовали военные действия северокавказцев против России как борьбу за независимость или освободительную войну [2; 8; 12].

Пресса, оказывавшая в XIX веке сильное влияние на общественно-политическую жизнь Европы, была выбрана для донесения пропагандистских штампов и клише в отношении России и Черкесии. В 1835 году ключевой антироссийский пропагандист идеи независимой Черкесии и протееже основателя британских спецслужб [16, р. 339] Дэвид Уркварт начал выпускать в Великобритании еженедельник «Портфолио». На его страницах публиковались секретные дипломатические документы, а также материалы и статьи по черкесскому вопросу. Благодаря деятельности «Портфолио» и перепечатывавшей его материалы прессы в европейском общественном мнении сформировался образ Черкесии как барьера от агрессивных устремлений России [46, р. 29].

Анализ британских (английских, шотландских, ирландских и проч.) газет того времени позволяет составить представление о масштабе освещения черкесской проблематики в прессе. Сравнительное сопоставление с французской прессой, гораздо менее активной по этому вопросу, дает возможность оценить интенсивность и глубину информационной кампании, запущенной Великобританией.

Количественный анализ статей дает возможность увидеть, что в 30—40-е годы XIX века газеты впервые серьезно обозначили черкесскую проблематику для европейской аудитории. Причем количество публикаций в британской прессе было на несколько порядков выше, чем во французской (рис. 1, 2). Черкесский вопрос был впервые сформулирован Великобританией и выведен в общественную повестку, затронув и французскую прессу. Интерес общественного мнения подогревался новостями о задержании британских судов российскими властями за нарушение блокады черноморского побережья.

Рис. 1. Количество газетных статей в Великобритании с упоминанием черкесов¹

¹ *Источник:* составлено автором.

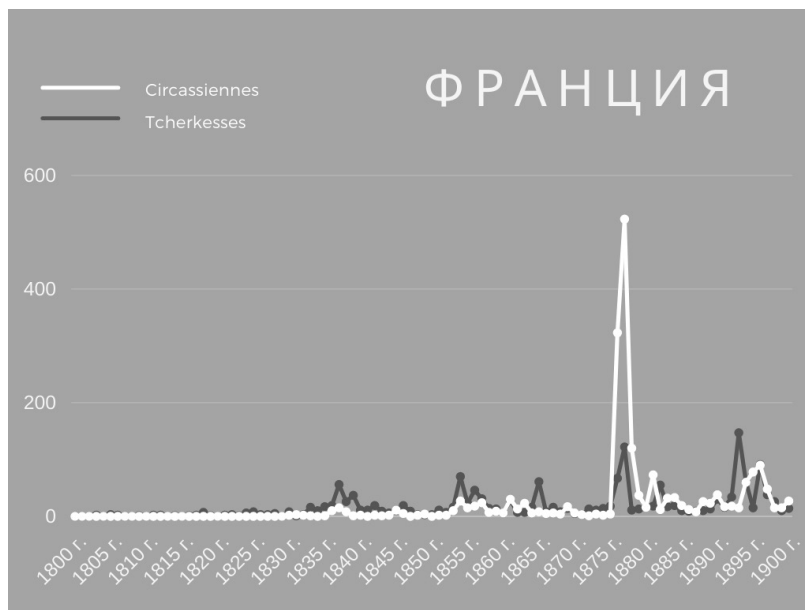

Рис. 2. Количество газетных статей во Франции с упоминанием черкесов¹

Сутью черкесского вопроса на данном этапе стало противодействие Великобритании закреплению России в Черноморско-Каспийском регионе через оспаривание ее прав на кавказские территории словом и делом. Основные формулировавшиеся тезисы включали в себя субъектность Черкесии, нелегитимность приобретения «ее территорий» Россией по результатам русско-турецкой войны 1828—1829 годов, свободу торговли Черкесии с великими державами (Великобританией) и необходимость поддержки мировым сообществом «правой борьбы» черкесов за свою свободу и независимость.

Второй этап актуализации черкесского вопроса

Окончание в 1864 году Кавказской войны, в ходе которой России были окончательно подчинены территории и Северо-Восточного, и Северо-Западного Кавказа, серьезным образом изменило расклад политических сил в регионе. Великобритания вынуждена была признать, что уже не сможет оказывать прямую военную поддержку сопротивлению России на Кавказе, и сосре-

¹ Источник: составлено автором.

доточилась на дискредитации Российского государства посредством формирования антироссийского общественного мнения.

Для этого Великобритания использовала массовое переселение с Кавказа в Османскую империю, развернувшееся в 60-е годы XIX века. Согласно существовавшим на тот момент договоренностям между Российской и Османской империями, достигнутым при участии Великобритании, выселиться с Кавказа должны были 40—50 тысяч «непокорных горцев» [31, р. 67]. Однако, по разным подсчетам, масштабная неподконтрольная миграция охватила от нескольких сотен [3, с. 164—166; 44, р. 104] до нескольких миллионов [31, р. 27, 68—70] северокавказцев. Сопутствующие переселению массовые жертвы от голода и болезней стали поводом для критики России и создания в общественном мнении через прессу образа государства, оккупировавшего кавказские земли и намеренно уничтожавшего местное население.

Насколько значим был фактор прессы в политической жизни Великобритании, показывает обсуждение газетных статей в британском парламенте. В частности, 2 июня 1864 года в Палате лордов экс-посол в Константинополе Стратфорд Каннинг просил министра иностранных дел прокомментировать сообщения прессы о «добровольном изгнании» черкесов, защищающих свои «национальные права» и «национальную независимость», а также представить документы по этим вопросам [47].

В это время через британские газеты была запущена информационная кампания, формирующая мнение о насильственном «исходе» черкесов, которые преподносились как изгнанники со своей кавказской родины — Черкесии, захваченной русскими войсками.

Британская пресса со ссылкой на дипломатических представителей в Константинополе и частные свидетельства рассказывала о «предельных страданиях» переселенцев [28, р. 2], которые были якобы поставлены российскими властями перед выбором — ссылка в Сибирь или переезд в Османскую империю [30, р. 81].

Характерно, что во Франции в этот период кампания не получила массовой поддержки: французские газеты описывали переселение в сухом информативном ключе, используя при этом эмоционально нейтральный термин «черкесская эмиграция». Тем не менее эмоциональные оценки переселения как депорта-

ции [45, р. 2] или, например, «варварской и гигантской операции, предпринятой русскими для избавления от черкесов» [43, р. 966], присутствовали и во французской прессе, преимущественно со ссылкой на британские источники.

Один из французских публицистов Леон Пле в антиправительственной газете «Ле Съекль» неоднократно повторял, что Кавказ — это натуральный барьер между Россией и Азией по аналогии с Польшей — барьером между Россией и Европой [40, р. 2]. Другой оппозиционный беллетрист Альфред Ассолан отмечал, что депортации черкесов и казни поляков являются частью общего противостояния цивилизованной Европы (Франции) и варварской Азии (России), между которыми буферами становятся Германия, Турция, Дания и другие государства [17, р. 5].

Однако общее отношение французских элит к черкесскому вопросу наглядно демонстрирует постановка в 1861 году в Париже комической оперы «Черкешенка» известнейшего французского композитора Даниэля Обера, в которой черкесы представлялись в ориенталистском ключе [34, р. 3]. Этот пример не единственный и был продолжен во Франции вплоть до конца XIX века серией других развлекательных мероприятий схожей тематики, включавшей даже цирковые представления.

Таким образом, в рассматриваемый период закрепились роль прессы в качестве инструмента конкуренции между великими державами. Завершение Крымской войны и окончание военных действий на Кавказе сделали невозможным прямое вмешательство в присоединение кавказских территорий к России. Великобритания и часть настроенных против России французских кругов сделали ставку на делегитимизацию российского присутствия на Кавказе через тезис о негуманной политике в отношении местного населения, а точнее, о целенаправленном истреблении и уничтожении черкесов, что составило новое содержание черкесского вопроса.

Негативизация образа черкесов

Следующий пик актуализации черкесской проблематики приходится на 70-е годы XIX века, причем он значительно превосходил по количественным показателям информационную кампанию 60-х годов, связанную с черкесской миграцией. Объ-

яснением служило восстание в Болгарии 1876 года, в подавлении которого османские черкесы играли значительную роль¹.

Пресса освещала участие черкесов-мусульман в карательных акциях османских властей, представляя их как главный инструмент османской бесчеловечной политики против христиан. «Зверствам» черкесов в Болгарии только в Великобритании в период с 1876 по 1878 год были посвящены 593 статьи. Это позволяет говорить о формировании негативного общественного мнения в отношении черкесов. Европейская пресса широко тиражировала свидетельства насилия в отношении местного населения, выступая в поддержку национально-освободительной борьбы балканских народов против Османской империи.

Уже в 80-е годы британские газеты начали вкладывать в черкесский вопрос новое значение. На этот раз они упоминали его без отсылки к России, а в связи с античеркесскими настроениями в находящемся под оккупацией Великобритании Египте. Таким образом, черкесский вопрос обрел в британской политической повестке новый смысл.

В то же время на смену черкесскому пришел новый армянский вопрос, который стал для Великобритании, как и для Франции, ключевым в процессе обсуждения планируемого раздела территорий Османской империи. Армянский вопрос напрямую касался черкесов, поскольку они наряду с курдами и иррегулярными формированиями башибузуков объявлялись карательным инструментом подавления национального движения армян и других христианских народов в Османской империи.

Актуализация армянского вопроса имела несопоставимый с черкесским масштаб (рис. 3, 4). В пиковый 1895 год — во время армянских погромов в Османской империи — были опубликованы почти 12 тысяч статей. Оппозиционная британскому правительству газета «Дэйли Ньюс» в 1888 году отмечала, что переселение «черкесских банд» с захваченных Россией десятью годами ранее малоазиатских территорий в армянские области Эрзерум и Ван вызывает панику среди армян. В газете указывалось, что размещение таких «плохих соседей» в непосредственном соседстве с армянами — это целенаправленный план турецких властей [22, р. 5].

¹ Внимание прессы было обусловлено также интересом к высокопоставленному военному черкесу Хасану — брату жены Абдул-Азиза, который после свержения и смерти султана в 1876 году убил зачинщиков заговора и сам был казнен.

Рис. 3. Количество газетных статей в Великобритании с упоминанием черкесского вопроса¹

Рис. 4. Количество газетных статей в Великобритании с упоминанием армянского вопроса²

¹ Источник: составлено автором.

² Источник: составлено автором.

В 90-е годы уже наблюдается вал статей с описанием зверств черкесов в отношении армян. Аналогичные процессы отражала с 70-х годов пресса Франции. Многие газетные новости, хотя и имели информативный характер, демонстрировали античеркесский настрой. Например, в 1876 году «Ля Франс» представляла своим читателям черкесов как негодяев и мародеров, торговцев своими детьми, а вовсе не борцов за свободу [33, р. 2].

На страницах «Ле Петит Марсельез» рассказывалось о черкесских бандах убийц в Болгарии, которые соревновались с башибузуками в преступлениях и варварстве. В газете можно было прочесть, что воровство и бандитизм — это единственное занятие черкесов в Османской империи. В заключение читателей предупреждали о возможном полном уничтожении болгар, если всё продолжится в том же ключе [38, р. 1].

В 90-е годы XIX века французская пресса описывала столкновения черкесов с друзьями [35, р. 1] и «бойню» армян со стороны курдов и черкесов в Османской империи. Радикально-демократическая газета «Ле Мо Д'ордр» писала о тысячах убитых безоружных христиан и призывала к немедленному вмешательству «цивилизованных наций» [37, р. 2].

Таким образом, период 70—90-х годов ознаменовался полной сменой полюса с положительного на отрицательный в оценке черкесов прессой мировых держав. В их образе появился исламский компонент, который ранее никоим образом не фигурировал в материалах прессы, а сами они превратились в преступников и угнетателей христианского населения Балкан и армянского населения Анатолии. Борьба этих народов за независимость полностью вытеснила черкесскую тематику из общественной европейской повестки, а содержание черкесского вопроса было изменено. Теперь он формулировался как вопрос о судьбе черкесских элит в Египте и был связан с озабоченностью Великобритании судьбой своих ближневосточных колоний.

Завершающий этап забвения

Начало XX века закрепило тенденции замещения черкесского вопроса армянским, чему способствовали и потрясшие общественное мнение трагические события, связанные с депортациями и массовыми убийствами армян в Османской империи в ходе

Первой мировой войны. В 1919 году, после заключения между Великобританией и Османской империей Мудросского перемирия, союзные войска Антанты (прежде всего, французские) де-факто оккупировали Константинополь и устроили руками османских властей суды для расследования военных преступлений. Уже к середине октября были задержаны несколько сотен человек, а 18 приговорены к смертной казни [7, с. 265—287; 15, с. 116; 19, р. 554].

Часть осужденных, в числе которых все «министры старого режима, ответственные за массовые убийства и депортации армян и другие преступления» [21, р. 1], были сосланы на Мальту, британскую колонию. Среди сосланных можно было увидеть многих влиятельных черкесов, в том числе депутатов парламента [49, с. 92—93], членов и основателей партии «Единение и прогресс» и выполнявшей операции против армян «Особой организации» [20, р. 47—50; 25, р. 179—194], в которой на руководящих должностях доминировали черкесы [1, с. 108—114].

В сопутствующей информационной кампании в британской и французской прессе уже не указывалось на участие черкесов, как это делалось в последней четверти XIX века. Напротив, вся вина возлагалась персонально на руководителей османского правительства и Германию. Лорд Брайс, который последовательно продвигал армянский вопрос на международной арене, заявлял, что Германия разделяет вместе с турками прямую ответственность за массовые убийства армян [48, р. 4].

Очень жестко характеризовала участие Германии французская пресса. Например, корреспондент газеты «Ле Петит Паризьен» писал: «Подобные массовые убийства не могли быть совершены случайным образом и без полной организации. Это страна метода, Германия, дирижировала ими научным, стратегическим и почти что военным образом» [39, р. 1].

Известный французский писатель-ориенталист Пьер Лоти, с большим сочувствием относившийся к туркам, в связи с происходившим в Константинополе «великим судом человечества» истинным виновником произошедшего называл «кайзера, чьи руки, или, вернее, окровавленные щупальца, мы всегда обязательно найдем везде, где может открыться какая-нибудь рана» [42, р. 129—130].

При этом французские и британские газеты почти не упоминали о черкесских лидерах в составе «Особой организации» и рядовых черкесах, которые принимали участие в убийствах и депортациях армян [1, с. 108—116]. Даже один из основателей «Единения и прогресса» черкес Мехмед Решид, арестованный по обвинению в массовых убийствах армян и покончивший жизнь самоубийством после бегства [26, с. 9—19], упоминался в прессе не как черкес, а как экс-губернатор Диярбакыра [50, р. 12].

Несмотря на это, широкую известность благодаря армянским и османским газетам получило участие в событиях черкеса Амджа в Алеппо [14, р. 128, 144]. Также армяне описывали активную роль в депортациях грузин-мусульман под руководством Али-паши Тавгеризаде [24] и чеченские нападения на армян [29, р. 6]. При этом французская пресса возлагала вину на курдов, не вспоминая о черкесах [23, р. 5; 39, р. 2; 42, р. 129—130], а британская избегала и указаний на курдов — на повестке дня в Великобритании стоял вопрос о создании подконтрольного курдского государства [27, р. 3], которое должно было стать буфером между Анатолией и арабскими территориями и помочь британцам контролировать нефтеносные районы [49, с. 197].

Эти тенденции отражают количество упоминаний черкесов и армян в британской и французской прессе (рис. 5, 6). Так, для Великобритании армянская повестка была актуальна в ходе армянских погромов 1905 года после покушения партии «Дашнакцутюн» на султана и до младотурецкой революции 1908 года, когда к власти пришла сотрудничавшая с дашнаками партия «Единение и прогресс». С началом Первой мировой войны и до 1920 года армянская проблематика вновь возвращает высокую политическую значимость. Пиковая активность британских газет пришлась на 1915 и 1920 годы, однако не достигла уровня 1905 года. Черкесы же после негативизации их образа в последней четверти XIX века вышли из политической повестки и лишь ненадолго привлекли внимание британской прессы с момента младотурецкой революции и до Первой мировой войны.

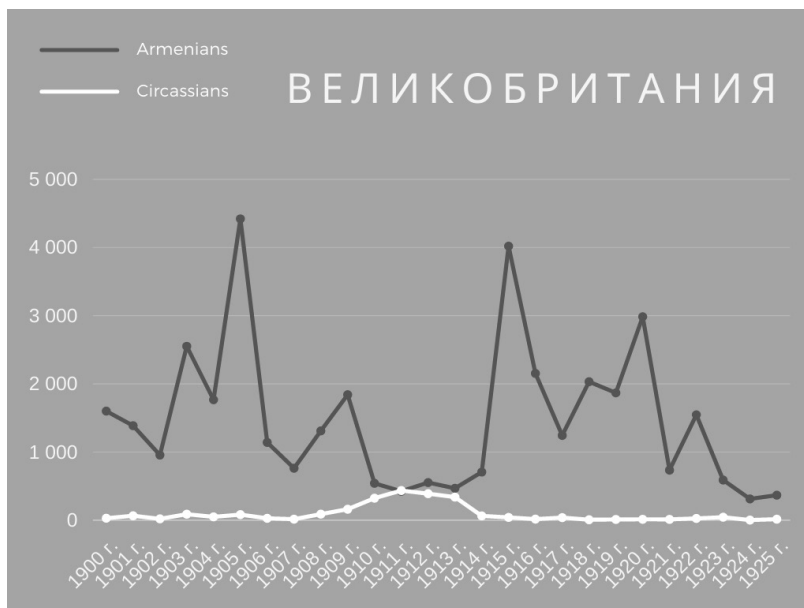

Рис. 5. Количество газетных статей в Великобритании с упоминанием армян и черкесов¹

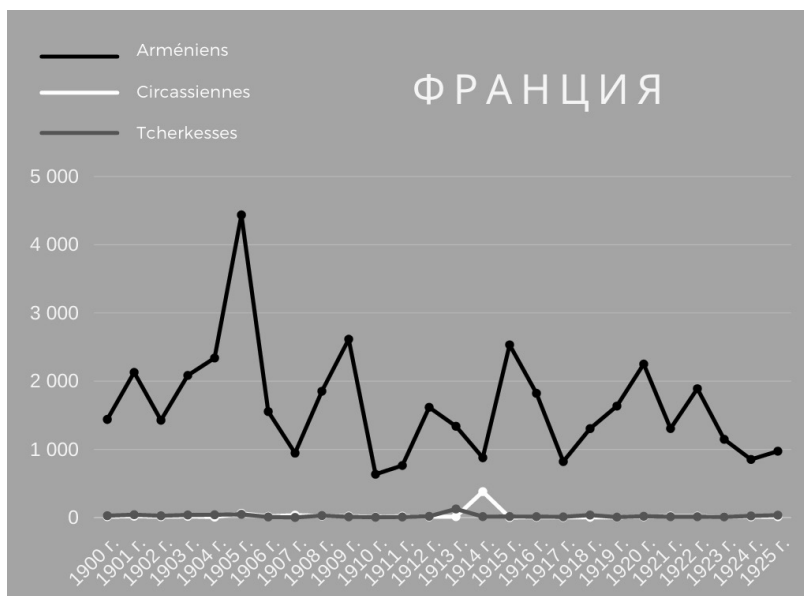

Рис. 6. Количество газетных статей во Франции с упоминанием армян и черкесов²

¹ Источник: составлено автором.

² Источник: составлено автором.

Во Франции ситуация была схожей, хотя и имела небольшие отличия. В 1915—1920 годах интерес французской прессы к армянам был ниже, чем британской, почти на треть. В свою очередь, пик упоминаний черкесов несколько смещается, захватывая 1914 год, что связано, как и прежде, с культурными мероприятиями ориенталистского типа с участием черкесов во Франции.

Одновременно с общей утратой интереса к черкесам в Великобритании с 1913 года просыпается интерес к кавказцам и северокавказцам — в политических кругах и вслед за ними в газетах активно обсуждался вопрос о создании северокавказского государства или общекавказской конфедерации. Однако во Франции такая тенденция не просматривается вовсе.

Соответственно, черкесский вопрос в этот период полностью потерял актуальность в своей прежней формулировке, но получил новый импульс развития в общекавказской трактовке, которая и стала ведущей на протяжении всего XX века.

Заключение

Черкесы прочно вошли в общественно-политическую повестку Великобритании и Франции с 1830-х годов и до конца XIX века, однако формируемый прессой образ претерпел существенные перемены. Это, прежде всего, касается Великобритании, которая в своей внешнеполитической линии делала ставку на черкесский вопрос как инструмент сдерживания России на мировой арене.

Первоначально черкесы назывались в британских и французских газетах героями и борцами за свою свободу и независимость против российского военного вторжения. В ходе трагического переселения с Кавказа в Османскую империю газеты представляли черкесов как жертв и изгнанников, мирных жителей Кавказа, подвергшихся на своей родине истреблению вторгшимися российскими войсками. Однако с потерей политической перспективы использовать черкесский вопрос для оспаривания легитимности российской власти на Кавказе проблемы черкесов уходят со страниц британских и французских газет.

В 1870-е годы, спустя всего 10 лет после массового переселения черкесов, тональность их оценки в прессе меняется полярно. Приняв российское присутствие в Черноморско-Каспийском регионе как свершившийся факт, Англия и Франция сосредоточили

свое внимание на новой арене конкуренции великих держав — на Балканском полуострове. В этой борьбе за влияние черкесы играли уже вспомогательную роль, представляя собой агрессоров и карательный инструмент османских властей. На первый план вышла их религиозная принадлежность, а размещение кавказских переселенцев на Балканах виделось уже не как акт милосердия, а как часть христианско-исламского противостояния и попытка сломить сопротивление балканских народов в борьбе за свою независимость от Османской империи. В этой логике черкесы взаимно дополняли друг друга с курдами и башибузуками.

Иная картина представляется в британской и французской прессе в начале XX века. Можно проследить, как последовательная потеря заинтересованности в черкесах после завершения Кавказской войны привела к игнорированию их участия в убийствах и депортациях армян, к которым было привлечено общественное внимание. Более того, армянский вопрос не только вытеснил черкесский из политической повестки, но и превзошел его по объему на несколько порядков.

Следует также отметить отличия в освещении черкесской проблематики в британских и французских газетах. Общая особенность французских газет того времени заключалась в большей роли авторской и редакторской позиции. Статьи на тему черкесов и Кавказа представляли собой развернутые литературные произведения в противовес обезличенности и новостному стилю британской прессы.

Тем не менее именно прессе Великобритании следует отдать первенство в формулировании и освещении черкесского вопроса. Британские газеты последовательно и системно конструировали востребованный в политической повестке образ черкесов. Во французской прессе, в свою очередь, этот образ мог игнорироваться, прорабатываться, дополняться или критически осмысливаться. Кроме того, французские газеты транслировали ориенталистское отношение к черкесам, активно использовали образ черкесов в рекламе и популяризировали развлекательные мероприятия черкесской тематики.

Существенные отличия наблюдаются между британской и французской прессой в начале XX века. Хотя газеты и Великобритании, и Франции демонстрируют схожие тенденции в ох-

лаждении интереса к черкесам и игнорировании их участия в политических событиях в Османской империи, британские газеты переключают свое внимание на кавказцев и северокавказцев. Одновременно конкурентами черкесов за общественное внимание становятся курды, оценка которых в британской и французской прессе могла иметь диаметрально противоположный характер.

Анализ британской и французской прессы по обозначенной проблематике позволил проследить изменение содержательного наполнения и интенсивности актуализации черкесского вопроса. Британская пресса, формировавшая европейское общественное мнение, вывела черкесский вопрос на повестку сначала в формулировке субъектности Черкесии, а затем совершения Россией преступлений против кавказского населения (черкесов) и придала ему международный характер, однако с изменением политической ситуации черкесский вопрос исчез со страниц британских и французских газет.

Это позволяет сделать вывод о конъюнктурности черкесского вопроса и прямой зависимости его актуализации от внешнеполитических интересов глобальных акторов. Тем не менее, будучи в первой половине XIX века выведенным в мировую повестку, черкесский вопрос сохранил высокий потенциал своего использования и адаптации под новые условия, что и было продемонстрировано в XXI веке новой содержательной трансформацией, включившей в качестве его базовой идеологемы тезис о «геноциде черкесов».

Литература

1. *Авакян А.Г.* Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая половина XIX – первая четверть XX в.): дис. ... д-ра ист. наук. – М. 2002. – 224 с.
2. *Белл Д.* Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837–1839 годов: в 2 т. / пер. с англ. К.А. Мальбахова. – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – Т. 1. – 327 с.; Т. 2. – 407 с.
3. *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Январь, 1882. – Т. 33. – С. 161–176.
4. *Боров А.Х.* «Черкесский вопрос» как историко-политический феномен / отв. ред. П.М. Иванов; Научные доклады Центра социально-политических исследований КБНЦ РАН. – Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2012. – № 1. – 60 с.
5. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. – 2-е изд., расш. и доп. – М.: SPSL-«Русская панорама», 2003. – 512 с.
6. *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. – М.: Рубежи XXI, 2009. – 560 с.
7. *Киракосян Дж.С.* Младотурки перед судом истории. – Ереван: Айастан, 1989. – 495 с.
8. *Лонгворт Дж.А.* Год среди черкесов. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 540 с.
9. *Мариньи Т. де.* Путешествие в Черкессию / пер. с англ. Р.О. Корсаков. – СПб.: ИД «Невские берега», 2015. – 124 с.

10. Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты). Ч. I. Мишель Лезюр. Франция и Кавказ в эпоху Шамиля в свете донесений французских консулов / рук. науч. проекта, сост., ред. и авт. вступ. ст. К.Ф. Дзамихов. – Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. – 180 с.
11. Полное собрание законов Российской империи. 1831. Собр. 2-е. Т. VI. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1832. – 846 с.
12. Спенсер Э. Путешествия в Черкессию / пер. с англ. Н.А. Нефляшевой. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. – 153 с.
13. *Эшба Э.Д.* Черкесский фактор в системе международных отношений на Кавказе в XIX – начале XXI в.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2014. – 202 с.
14. *Akçam T.* The Ottoman Documents and the Genocidal Policies of the Committee for Union and Progress (İttihat ve Terakki) toward the Committee for Union and Progress (İttihat ve Terakki) toward the Armenians in 1915 // *Genocide Studies and Prevention: An International Journal*. – Vol. 1. – September 2006. – Is. 2. – P. 127–148.
15. *Ata F.I.* Dünya Savaşı Sonunda İstanbul'da Yapılan Tehcir Yargılamaları // *Sosyal Bilimler Dergisi*. – 2005. – С. VII. – S. 100–121.
16. *Brewda J., Hoyos L. de.* David Urquhart's holy war // *Executive Intelligence Review*. – Vol. 26. – 1999. – No. 36. – P. 24–27.
17. *Courrier du dimanche*. 24 Juillet 1864.
18. *Crawley C.W.* Anglo-Russian Relations 1815–40 // *Cambridge Historical Journal*. – Vol. 3. – 1929. – No. 1. – P. 47–73.
19. *Dadrian V.N.* The Documentation of the World War I Armenian Massacres in the Proceedings of the Turkish Military Tribunal // *International Journal of Middle East Studies*. – Vol. 23. – November 1991. – No. 4. – P. 549–576.
20. *Dadrian V.N.* The Turkish Military Tribunal's Prosecution of the Authors of the Armenian Genocide: Four Major Court-Material Series // *Holocaust and Genocide Studies*. – Vol. 11. – Spring 1997. – No. 1. – P. 28–59.
21. *Daily News*. – 7 June 1919.
22. *Daily News*. – 9 July 1888.
23. *Derry Journal*. – 15 December 1915.
24. *Donef R.* Righteous Muslims during the Genocide of 1915. – Sydney: [n.p.], 2010. – 12 s.
25. *Donef R.* The Role of Teşkilât-ı Mahsusa (Special Organization) in the Genocide of 1915 // *The Genocide of the Ottoman Greeks: Studies on the State-sponsored Campaign of Extermination of the Christians of Asia Minor, 1912–1922 and its Aftermath: History, Law, Memory* / Eds. T. Hofmann, M. Bjørnlund, V. Meichanetsidis. – N.Y.: Aristide D. Caratzas, 2011. – P. 179–194.
26. *Dr. Reşid Bey'in* Hatıraları. Sürgün'den İntihara. – İstanbul: Arba, 1993. – 124 s.
27. *Evening Mail*. – 1 January 1919.
28. *Globe*. – Wednesday 31 August 1864.
29. *Hartlepool Northern Daily Mail*. – 1 October 1919.
30. *Illustrated Times*. – Saturday 11 February 1860.
31. *Karpat K.H.* Ottoman Population 1830–1914. Demographic and Social Characteristics. – Wisconsin: University of Wisconsin, 1985. – 242 p.
32. *Kırzioğlu F.* Osmanlılar'ın Kafkas Ellerini Fethi (1451–1590). – Ankara: Ankara Üniversitesi Edebiyat Fakültesi, 1976. – 550 s.
33. *La France*. – 5 Septembre 1876.
34. *La France Nouvelle*. – 10 Mars 1861.
35. *La Mayenne*. – 12 Septembre 1894.
36. *Lamb M.* The Making of a Russophobe: David Urquhart – The Formative Years, 1825–1835 // *The International History Review*. – Vol. 3. – July, 1981. – No. 3. – P. 330–357.
37. *Le Mot d'Ordre*. – 3 Mars 1896.
38. *Le Petit Marseillais*. – 23 Juin 1876.
39. *Le Petit Parisien*. – 2 janvier 1919.
40. *Le Siècle*. – 14 Juin 1864.
41. *Le Siècle*. – 14 Octobre 1864.
42. *Les Annales politiques et littéraires*. – 9 février 1919.
43. *Manuel général de l'instruction primaire*. – 10 Septembre 1864. – Nr. 41. – 32 Anne. – Tome I.

44. *McCarthy J.* Population History of the Middle East and the Balkans. – Istanbul: Isis, 2010. – 323 p.
45. Nouvelles Étrangères. Angleterre. Gazette nationale ou le Moniteur universel. – 5 Juin 1864.
46. *Rolland S.E.* The growth of Russian power contingent on the decay of the British constitution. – L.: Robert Hardwicke, 1858. – 48 p.
47. The Circassians – Question. Vol. 175: debated on Thursday 2 June 1864 // Hansard. UK Parliament. – URL: <https://hansard.parliament.uk/Lords/1864-06-02/debates/334779d4-d275-4a79-958b-72ec0bee3fe1/TheCircassians%E2%80%9494Question> (accessed: 01.12.2021).
48. The Suffragette. – 1 October 1915.
49. *Tunaya T.Z.* Türkiye'de Siyasal Partiler. C. II. Mütareke Dönemi 1918–1922. – Istanbul: Hürriyet Vakfı Yayınları, 1986. – 694 s.
50. Western Times. – 14 February 1919.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

РОЛЬ РОССИИ В СТАНОВЛЕНИИ МУЛЬТИПОЛЯРНОГО МИРА

THE ROLE OF RUSSIA IN THE DEVELOPMENT OF A MULTIPOLAR WORLD

Аннотация: статья посвящена вышедшей в свет монографии «Путин — вчера, сегодня, завтра». В книге, изданной в Германии на немецком языке, прежде всего, для европейской аудитории, рассматриваются изменения, которые происходят в мировой политике. Исследуется эволюция российской политики через призму формирования мировоззрения российского лидера — Владимира Путина. Анализируются этапы формирования взглядов российского президента, что в конечном итоге оказало огромное влияние на современную политику России. Именно сложившиеся представления российского президента о современном мироустройстве и роли России в мире привели к попыткам Запада усилить давление на Россию и ее политику. В книге затрагиваются вопросы, связанные с формированием новых международных отношений, которые оказались под сильным влиянием санкционной политики и торгово-экономических противоречий.

Ключевые слова: Россия, Путин, США, международные отношения, мировая политика.

Abstract: the article is devoted to the published monograph “Putin — yesterday, today, tomorrow”. The book, published in Germany in German, primarily for a European audience, examines the changes that are taking place in world politics. The evolution of Russian politics is studied through the prism of the formation of the worldview of the Russian leader — Vladimir Putin. The formation of the worldview of the Russian president is analyzed, which ultimately had a huge impact on the modern politics of Russia. It is precisely the prevailing ideas of the Russian president about the modern world order and the role of Russia in the world that have led to the attempts of the West to increase pressure on Russia and its policy. The book touches upon issues the formation of new international relations, which have been heavily influenced by sanctions policy and trade and economic contradictions.

Key words: Russia, Putin, USA, International Relationships, Global politics.

Введение

Немецкое издательство «Gerhard Hess Verlag» выпустило книгу российского автора Олега Никифорова «Путин — вчера, сегодня, завтра. Россия на пути в топ-наций мира» [10]. В книге рассматривается современная российская политика и роль Владимира Путина в ее разработке и реализации.

Автор не в первый раз обращается к проблеме внешней политики России и роли российского президента в ее формировании и реализации. В 2012 году в издательстве «Независимая газета» в свет вышла книга «Путин: вчера, сегодня, завтра» [6]. Она была посвящена внешней политике России после прихода к власти президента Владимира Путина.

Понадобилось несколько лет, чтобы автор приступил к написанию немецкого варианта книги, в которой необходимо было отразить стремительные изменения мира и роли России в мире с момента распада СССР. Возрождение России как сверхдержавы выступает в качестве центральной идеи Владимира Путина. С этим связано и обострение отношений между Востоком и Западом. В итоге получилось историческое исследование на 247 страницах с 23 главами и предисловием, написанным действительным членом Российской академии наук РФ Наталией Ивановой, занимающей пост заместителя директора ИМЭМО.

Книга была названа «Путин — вчера, сегодня, завтра». Однако подзаголовок «Россия на пути в топ-наций мира» совершенно четко расставил акценты в исследовании. Конечно, «тема Путина» — о президенте и его политике — на немецком книжном рынке пользовалась в последние годы неизменным интересом. Практически все более-менее известные немецкие журналисты и политологи поспешили отметить на этой ниве. Не всегда они были благосклонны к российскому лидеру, но в любом случае книгами о В. Путине немецкий рынок оказался перенасыщен.

В книге нашли отражение самые последние события в мировой политике, в том числе пандемия коронавируса, оказавшая воздействие на процесс деглобализации мировой экономики. Не случайно в последнее время многие исследования уделяют этому вопросу повышенное внимание, поскольку разворачивающиеся в мировой экономике процессы могут оказать сильное

влияние на выстраивание торгово-экономических отношений [5, с. 5—28]. Большая часть книги посвящена процессу деглобализации, который способствовал приходу к власти в США президента Дональда Трампа.

Автор показал, как формировалась современная внешняя политика, предлагая для этого свой подход. Книга открывается рассуждениями белорусской писательницы Светланы Алексиевич о России. В России она имеет неоднозначную репутацию, но для западного читателя, на которого и рассчитана книга, Алексиевич во многом является авторитетом. Однако ее слова о том, что «Россия — всегда предчувствие, всегда проект, никогда до конца не осуществленный» [10], звучат пророчески. С начала становления Российского государства внерегиональными акторами предпринимались настойчивые и многократные попытки ограничить его развитие и свести его положение исключительно к региональной державе.

Собственно, вся книга и посвящена проблеме становления нового Российского государства и его стремлению выйти из региональных рамок, в которые его поставили события, связанные с распадом Советского Союза. Нет ничего удивительного в том, что этот период начался с приходом во власть Владимира Путина. По словам российского олигарха Петра Авена, «окружение Ельцина, назначив Путина премьер-министром, а потом и его преемником, получило в лице Путина фантастического... не демократа, но недемократического либерала» [1].

Несомненно, что появление бывшего подполковника КГБ СССР на вершине власти было связано с целой цепочкой случайностей, начиная с его возвращения из служебной командировки в ГДР в Ленинградский университет, который он в свое время окончил. Каждая такая случайность, как, например, совместная поездка в 1990 году в США с Анатолием Собчаком (в тот период председатель Ленсовета) и Станиславом Меркурьевым (в тот период ректор Ленинградского университета), открывала совершенно иные перспективы для будущей карьеры В. Путина. Да и решительные действия В. Путина в период обострения отношений с чеченскими сепаратистами в отличие от других облеченных соответствующими полномочиями представителей власти в окружении Б. Ельцина тоже во многом были реакцией

на непредсказуемые, а потому во многом случайные действия лидеров тогдашней Ичкерии.

Идеология понимания окружающего мира

В современной литературе о В. В. Путине вряд ли можно найти материалы, отражающие формирование его идеологического видения мира. Хотя без этого понять путь, пройденный Россией за время его пребывания у руля власти, невозможно. Ведь российский президент, что подчеркивает автор книги, проделал в этом плане непростой путь от коммуниста к либералу и затем, по сути дела, к русскому или, точнее, российскому националисту, воссоздающему былое величие Российского государства, которое некоторые исследователи предпочитают называть «российской империей». Этой теме в книге посвящена глава, которая так и называется «Душа Путина» [10, с. 52—57]. В ней автор остро полемизирует с одним из немногих западных исследователей Мишелем Ельчаниновым, который в 2015 году попытался разобраться, что творится в «голове» российского лидера. Упрощая Путина, Ельчанинов указывал, что философия российского президента имеет скорее «японские корни». Этим он намекал на увлечение Путиным дзюдо. Конечно, в этом варианте японской борьбы действительно имеется философское зерно. При этом Ельчанинов утверждал, что «основой дзюдо в применении к политике является отказ от решения возникающих проблем с помощью грубой силы». Ставка делается на «применение умения, тактики и силы воли».

Действительно, на Западе не вполне понимают тот факт, что именно жизненный путь формировал В. Путина, его понимание России и, самое главное, ее места в современном мире. На этом пути особое место занимает служба во внешней разведке. Подавляющее большинство исследователей «феномена Путина» рассматривают этот период его жизни лишь как один из рабочих этапов. На самом деле именно эти 15 лет службы и создали того Путина, которого все знают сегодня. В книге приводятся строки из статьи в журнале «Русский репортер» о деятельности разведчиков под названием «Почему шпионы похожи на ученых», посвященные российскому разведчику-нелегалу Андрею Безрукову, действовавшему на территории США в качестве руководителя

нелегальной разведывательной сети Службы внешней разведки РФ под именем Дональда Хитфилда. Определяя суть разведывательной работы, он сравнивал ее с решением проблем познания и понимания [10], другими словами, с деятельностью ученого. Говоря о разведывательной работе, по мнению Безрукова-Хитфилда, важно, что для разведчика имеет значение не то, против кого, а то, для кого он работает. В этом плане работа в разведке стала для В. Путина школой патриотического воспитания.

Для советских людей развал коммунистической системы и превращение их государства из сверхдержавы в страну, чье влияние уменьшилось, привели к появлению идеологического вакуума. Он был быстро заполнен учениями религиозных адептов и, прежде всего, православием. В последние годы, по оценкам экспертов, соотношение верующих и атеистов в России составляет 80% к 18% [10]. С момента распада СССР этот процесс шел по нарастающей. В 2007 году верующих было уже 47%, то есть в 4 раза больше, чем в советское время. Не обошло это явление стороной и В. Путина. Путь к православию (а следовательно, критическое отношение к западным ценностям) предварили для него произведения Достоевского, Солженицына, Бердяева и Ильина. Вне всякого сомнения, что благодаря знакомству с произведениями этих авторов и произошел его поворот от либерала, ориентированного на европейские ценности (после краха коммунистической идеологии в ее советском варианте), к поиску особого пути России в мировой истории [10]. Автор приводит в книге свидетельство бывшего американского госсекретаря Генри Киссинджера, который в интервью телекомпании CBS даже назвал Путина «фигурой из произведений Достоевского», «человеком с внутренней связью с русской историей» [3]. Другими словами, В. Путин рационален и его вполне можно просчитать, когда речь идет о защите национальных интересов России. Рассматривая его действия под этим углом зрения, можно, наверное, понять современный кризис в отношениях с Западом.

Внешиполитические падения и взлеты

Первая редакция концепции российской внешней политики после прихода В. Путина к власти была сформулирована в 2000 году [4]. Она стала реакцией на разочарование американской полити-

кой в отношении России. В США предпочитали видеть в России партнера, который проиграл в «холодной войне». Подобный подход США подталкивал российского лидера к тому, чтобы сделать ставку на Европу. В октябре 1991 года в преддверии распада СССР и начала далеко идущих экономических реформ, согласно опросам Центра по изучению общественного мнения «Левада» (является в России иностранным агентом), 62% опрошенных в России позитивно оценивали западный образ жизни, и лишь 10% респондентов оценивали его негативно [10]. Как писал по этому поводу Андрей Колесников из американского Карнеги-центра, в этих результатах проявлялись «надежды на либеральные реформы и устранение советского наследства» [10]. Напротив, в 2008 году уже 30% опрошенных воспринимали западный образ жизни негативно, и 46% респондентов считали его позитивным [10].

В связи с этим интересен анализ хорватской газеты «Advance», которая утверждала, что и «в 90-е годы прошлого века, и в 2000-е годы Россия никогда не отказывалась от идеи вступления в ЕС» [10]. Союз России с Европой, возможно, превратил бы обе стороны в супердержаву, которая была бы способна конкурировать с США. В тот период Россия активно двигалась в сторону интеграции в мировую экономику. Европа же взяла курс на расширение Европейского союза (ЕС). В то время Россия всегда рассматривала Европу в рамках ЕС как альтернативу США и, соответственно, НАТО. Отношения с ЕС начали быстро развиваться практически с нуля. Впрочем, как отмечает автор книги, в тот период среди тех, кто принимал решения, имелись и сторонники первоочередного развития отношений именно с США.

Вершиной предпринятых усилий по установлению прочных контактов с Европой стало подписание в 1994 году на греческом острове Корфу «Agreement on Partnership and Cooperation» [8]. Действовать документ стал лишь с 1997 года. Летом 1999 года в ЕС на встрече в верхах была принята «Совместная стратегия Европейского союза для России». В ответ российский МИД представил свое видение проблемы, подготовив документ под названием «Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000—2010)». Предполагалось, что оба документа составят надежную базу для дальнейшего развития сотрудничества с взаимной выгодой.

Примерно через 10 лет В. Путин понял невозможность реализовать планы по созданию евразийской супердержавы. В октябре 2012 года российский президент объявил об этом на встрече дискуссионного клуба «Валдай». Ранее этому отрезвлению способствовал тяжелый кризис в отношениях Европы и России. Тем более, что Запад осудил Москву за «неизбирательное применение силы в Чечне» и одновременно открыл перспективу вступления в ЕС для Турции, открыто подавлявшей курдское освободительное движение. Избирательный подход Европы и двойная мораль европейских лидеров были очевидны.

Действия европейской стороны не были случайностью или эмоциональным всплеском. Отношения стали напряженными уже в период проведения НАТО военных операций против Югославии. Однако европейские и, прежде всего, немецкие политики по-разному оценивали стремление России развивать отношения с ЕС. В этом плане следует упомянуть позицию, занятую Герхардом Шрёдером (в тот период он был федеральным канцлером). Он старался теснее привязать Россию к европейским структурам. Однако препятствием для сближения России и Европы стало быстрое развитие экономического союза между Россией, Беларуссией и Казахстаном в 2009 году. Соответственно, появившаяся тогда идея развития экономических связей между Евразийским союзом и ЕС была негативно воспринята в Брюсселе. Как писала на этот счет аналитик берлинского Фонда «Наука и политика» Сюзан Стюарт, слова которой приводит автор книги, «диалог между ЕС и Евразийским союзом в настоящее время не имеет смысла» [10]. С тех пор, и особенно после событий 2014 года на Украине, все попытки России наладить отношения в рамках экономического союза трех бывших советских республик — России, Беларуссии и Казахстана — в ЕС стали рассматривать как исключительно политический проект для восстановления гегемонии России в соседних странах. В качестве ответа ЕС стал развивать собственный проект «Восточное партнерство». Его целью является политическая ассоциация и последующая экономическая интеграция с ЕС заинтересованных в этом стран. Подобные соглашения были заключены с шестью бывшими советскими республиками.

В исследовании отражены основные этапы переоценки российским президентом идеи сотрудничества с Западом, в том

числе с Европой. Установить особые отношения с Западом у России не получилось, как и стать такой же, как западные страны. Более того, Россия следовала своим путем, что вызывало неудовольствие, а затем и возросшую критику на Западе. Это привело к появлению так называемых красных линий, о которых не раз заявлял глава Российского государства. События, которые стали разворачиваться на Украине после 24 февраля 2022 года, окончательно разделили мир на два лагеря. Как отмечает автор, этапы на пути к этому столкновению интересов очевидны: мюнхенская речь В. Путина в 2007 году и события 2014 года, что подробно изложено автором.

Натовская проблематика во взаимоотношениях России и Запада

Украинский вопрос на современном этапе стал главной проблемой в отношениях России с Западом. Книга была написана и опубликована еще до проведения Россией специальной операции. В связи с этим на тот период основным спорным вопросом являлся вопрос расширения НАТО на Восток. Не говоря о попытках М. Горбачева и позднее Б. Ельцина протестировать возможность присоединения сначала Советского Союза, а потом России к Североатлантическому договору, можно отметить, что эпоха В. Путина дает на этот счет много пищи для размышления. Автор приводит мнение немецкого политолога Эрнста-Отто Чемпиля, высказанное им в 2021 году, о том, что, по крайней мере, с европейской точки зрения вступления России в НАТО не могло быть никаких возражений. Более того, следуя планам расширения блока на Восток, прием России в НАТО был бы логичным. Однако факт отказа в этом России как раз и свидетельствует о том, что блок, его деятельность были направлены именно против России. В книге приводятся слова бывшего заместителя министра иностранных дел России Сергея Орджоникидзе о том, что как раз направленное американскому президенту Биллу Клинтону письмо Владимира Путина с предложением о приеме России в НАТО стало тестом истинных намерений блока [2]. Понятно, что с приемом России смысл существования НАТО был бы потерян. Основная причина этого кроется скорее в том, что в глазах американских политиков поражение в «холодной войне» Советского

Союза привело к его (а позднее России) деградации до уровня третьестепенных стран.

Именно это обстоятельство и объясняет пренебрежительное отношение США к легитимности поддерживаемого Москвой украинского президента Виктора Януковича, фактически свергнутого в 2014 году путем организации «цветной революции». Да и политика невмешательства стран-гарантов от ЕС (Германии, Польши и Франции) в соглашение В. Януковича с организаторами Майдана после нарушения последними достигнутых соглашений также во многом объяснялась пренебрежительным отношением гарантов и к России в том числе.

Создание мультиполярного мира

Американский писатель Самюэль Хантингтон в своей книге «Столкновение цивилизаций» отмечал, что «с ликвидацией Советского Союза был устранен единственный соперник Запада, которого стоило принимать всерьез. И США вместе с Великобританией и Францией остались единственными сверхдержавами, которые могут принимать существенные решения в политике и вопросах безопасности, а вместе с Германией и Японией — и в экономических вопросах» [9]. События на мировой арене последнего десятилетия и, прежде всего, отказ Запада признавать Россию в качестве полноценного партнера и участника международного сообщества вынудили Москву искать собственный новый путь. В книге приводится интервью Владимира Путина немецкой газете «Bild», которое он дал 12 января 2016 года. В нем президент утверждал, что «Россия не претендует на роль сверхдержавы. Это слишком дорого, и в этом нет необходимости. Но Россия продолжает оставаться одной из ведущих экономических наций мира» [7]. Далее он продолжал, что «если кто-то предпочитает использовать термин “региональная держава”, тот должен просто посмотреть на карту. На Западе нашим регионом является Европа. В восточном регионе наши соседи — Япония и США с Аляской. На севере это — арктический океан с границей с Канадой» [7].

В этой связи уместно напомнить слова немецкого социал-демократического политика Рольфа Мютцениха (в настоящее время занимает пост председателя парламентской группы СДПГ в немец-

ком Бундестаге), которые автор приводит в книге: «С 1990 года США являлись единственной сверхдержавой в мире. Но это положение уже принадлежит прошлому. Существует убеждение, что будущее принадлежит таким странам, которые и станут сверхдержавами, как США, Китай, Индия, Россия и Европейский Союз» [10]. Автор соглашается с немецким политиком в том, что именно рост экономического могущества Китая, который превращается в сверхдержаву, и есть главный признак XXI века. Благодаря этому мир и получает черты многополярности.

Современные торговые войны стали признаком многополярности современного мира. Этот аспект подробно анализируется в главе 15 [10, с. 170]. В эпицентре современных торговых войн стояла фигура американского президента Дональда Трампа. Смена его демократом Джо Байденом на посту президента привела к определенному сглаживанию торговых противоречий между США и Европой, но одновременно усилила соперничество с Китаем и Россией.

Россия меняет мир, усиливая его многополярность благодаря своей активности на постсоветском пространстве. Речь идет, прежде всего, о СНГ и Евразийском союзе. СНГ, как известно, было создано в 1991 году. Создание Содружества Независимых Государств стало реакцией на экономический вакуум, возникший после развала СССР. Его цель — создание зоны свободной торговли для постсоветских государств — не исчерпала себя до сих пор. Однако Евразийский союз — это уже осмысленный процесс экономической интеграции в целях создания единого рынка. В нескольких главах книги (10, 11, 18) подробно анализируются интеграционные процессы на уровне бывших советских республик, включая аспекты военной интеграции. Особый интерес представляют главы, где автор рассматривает создание Союзного государства между Россией и Белоруссией. Между тем союз именно трех славянских государств — России, Украины и Белоруссии, — согласно представлениям современных политиков, при ведущей роли Москвы должен был стать основой воссозданного Русского мира. Его основные характеристики исследуются в разных главах книги.

Главы 12 и 13 книги [10, с. 143—154] посвящены аспектам военной конфронтации России с США. В них, в частности, обра-

щается внимание на попытки США вновь прибегнуть к тактике активизации гонки вооружений в целях полного истощения экономического потенциала России, как это в свое время было сделано в отношении СССР.

Заключение

На Западе активно пытаются осмыслить последствия российско-украинского вооруженного конфликта, который стал «неожиданностью» для всего мира и, прежде всего, для Запада, который активно этому способствовал. Большой отклик вызвали статьи экономического обозревателя газеты «Financial Times» Мартина Вулфа. В своих материалах он «констатирует конец глобализации как попытки объединить на почве общих экономических интересов государства с разными управленческими системами» [11]. Вместо нее «приходит период политической и экономической нестабильности, для которого характерно, как в прошлом, противостояние автократий и демократий. Рождается новый мир», — полагает Вулф. К этому можно добавить, что контуры этого мира формируются на наших глазах.

Литература

1. *Авен П.* Время Березовского. – М.: АСТ, 2018. – 466 с.
2. *Дружинин А.* Занервничали: Путин рассказал, как обсуждал с Клинтоном принятие РФ в НАТО. 2017. 3 июня. – URL: <https://ria.ru/20170603/1495765340.html>? (дата обращения: 06.01.2022).
3. Комплимент от Киссинджера: Путин – герой Достоевского. 2016. 19 дек. – URL: <https://www.bfm.ru/news/341860> (дата обращения: 04.01.2022).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации [утв. Президентом РФ 28 июня 2000 г.]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 27.03.2022).
5. *Мау В.А.* Экономическая политика в условиях пандемии: опыт 2021–2022 гг. // Вопросы экономики. – 2022. – № 3. – С. 5–28.
6. *Никифоров О.Н.* Путин: вчера, сегодня, завтра. – М.: Независимая газета, 2012. – 128 с.
7. Полный текст интервью Владимира Путина изданию «Bild». 2016. 11 янв. – URL: <https://rg.ru/2016/01/11/sankcii-site.html?ysclid=l1cga7p0z> (дата обращения: 04.01.2022).
8. Agreement on Partnership and Cooperation // Official Journal of the European Communities. – 28 November 1997. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:L:1997:327:FULL&from=EN> (accessed: 27.03.2022).
9. *Huntington S.P.* Kampf der Kulturen. – Verlag. Goldmann. – 350 s.
10. *Nikiforov O.* Putin – gestern, heute und morgen. Russland auf dem Weg in die Top-Nation der Welt. Bad Schussenried, Gerhard Hess Verlag. 2022. – 247 s.
11. *Wolf M.* Profound risks lurk despite strength of economic rebound. – 2022, 19 January. – URL: <https://www.ft.com/content/87bb0eda-7364-11e6-bf48-b372cdb1043a> (accessed: 19.01.2022).

Гаврилова Светлана Михайловна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Svetlana M. Gavrilova,

Ph. D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: smgavrilova@gmail.com

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

PARTY-POLITICAL SYSTEM OF THE EUROPEAN UNION

Аннотация: в статье рассматриваются структура и ключевые особенности партийно-политической системы Европейского союза, а также ее основные акторы — общеевропейские политические партии. На основе монографии В.Я. Швейцера, выпущенной в Институте Европы РАН, проводится анализ современной системы общеевропейских политических партий. Делается вывод, что электоральные процессы в отдельных национальных государствах оказывают заметное влияние на формирование парламентских фракций в Евросоюзе. Партийная система Европейского союза представляет собой достаточно фрагментарную и неустойчивую структуру, низкая функциональность которой оказывает деструктивное воздействие на решение общеевропейских проблем. Отдельное внимание в контексте рассмотрения вопросов функциональности общеевропейской партийной системы уделяется активности избирателей на выборах в Европейский парламент.

Ключевые слова: Европейский союз, политические партии, партийная система, электоральные процессы, выборы, Европейский парламент.

Abstract: the article examines the structure and key features of the party-political system of the European Union, as well as its main actors — pan-European political parties. Based on the monograph by V. Ya. Schweitzer, published at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, the analysis of the modern system of pan-European political parties is carried out. It is concluded that electoral processes in individual national states have a noticeable impact on the formation of parliamentary factions in the European Union. The party system of the European Union is a rather fragmented and unstable structure, the low functionality of which has a destructive effect on solving pan-European problems. Special attention in the context of considering the functionality of the pan-European party system is paid to the activity of voters in the elections to the European Parliament.

Key words: European Union, political parties, party system, electoral processes, elections, European Parliament.

Партийно-политический ландшафт современной Европы отличается фрагментарностью и неустойчивостью основных акторов. В последние десятилетия на первый план в политическом спектре наряду с традиционными силами выдвинулись представители новых политических течений, в том числе так называемые несистемные партии и движения. Их отличает агрессивная

политическая риторика, популистские методы работы и в большинстве своем — националистическая ориентированность и евроскептицизм [см. подробнее: **1—3**]. В XXI веке партийные системы отдельных европейских стран претерпели заметные изменения: классические двухпартийные системы в ряде государств уступили место многопартийным, а плюрализм предпочтений электората поставил на повестку дня необходимость основным политическим силам идти на компромиссы и создавать правительственные коалиции, ранее казавшиеся невозможными и зачастую оказывающиеся нежизнеспособными. Для политических партий стран — членов Евросоюза особое значение имеет общеевропейская повестка, и формирование политических партий континентального масштаба становится важной задачей для национальных политических сил.

Монография В. Я. Швейцера «Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века» [4], опубликованная в Институте Европы РАН, посвящена современным проблемам партийно-политического ландшафта Евросоюза. Автор подробно рассматривает деятельность ключевых политических сил на общеевропейской арене — христианских демократов и консерваторов, либералов, социал-демократов, левых социалистов, «зеленых», а также региональных и националистических партий. Исследователь отмечает, что в 2020 году ситуация в странах — членах Евросоюза коренным образом изменилась: пандемия COVID-19 стала определяющим фактором развития как отдельных государств, так и интеграционного объединения в целом [4, с. 7]. Определяя партийно-политическую систему ЕС как «ключевую составляющую европейской политической жизни» и «приоритетную конструкцию современной Европы», В. Я. Швейцер подчеркивает необходимость систематизации информации в данной области. Именно основные акторы политической системы — партии и движения — определяют внутривнутриполитический климат современного Евросоюза и векторы дальнейшей эволюции интеграционного объединения. Как отмечается в монографии, «анализ многообразного партийно-политического пространства в рамках Евросоюза дает возможность понять суть решений, принимаемых в странах-членах и воспроизводимых при различных политических обстоятельствах в деятельности

основного законодательного органа ЕС — Европейского парламента (ЕП), ключевого института власти исполнительной — Европейской комиссии (ЕК). При этом сугубо партийный компонент является в случае с ЕП определяющим, а в деятельности ЕК сопутствующим, подчиненным приоритету межгосударственных договоренностей на высшем уровне» [4, с. 7—8]. Таким образом, изменения в партийно-политической системе Европейского союза на современном этапе являются одним из ключевых факторов, определяющих облик ЕС.

В.Я. Швейцер в своей работе приходит к интересному выводу о том, что «партии не только реализуют волю электората, но и формируют у него своей пропагандистской деятельностью определенные требования, используемые в электоральном процессе» [4, с. 9]. Именно деятельность политических сил можно рассматривать как фактор формирования нового облика европейских государств. Вместе с тем, безусловно, появление партий и движений с новой политической повесткой обусловлено, прежде всего, именно электоральным запросом в качестве ответа на новые вызовы европейской идентичности.

Автор подчеркивает, что «партийно-политическая система стран, входящих в ЕС, не статична» [4, с. 9], связывая это утверждение как с изменениями состава участников интеграционного объединения, так и с трансформациями электоральных запросов в отдельных национальных государствах. Особое значение в данном контексте придается историческим особенностям развития западноевропейских и восточноевропейских стран с их наследием социалистической повестки.

Важным показателем эволюции партийно-политической системы ЕС стали выборы в Европейский парламент 2019 года. Как указывает В.Я. Швейцер, «явка на выборы в ЕП стала той лакмусовой бумажкой, с помощью которой власть имущие ЕС смогли определить масштабы заинтересованности населения своих стран в развитии и углублении интеграционного процесса» [4, с. 13]. При проведении процедуры голосования каждая страна руководствуется собственным избирательным законодательством, что оказывает воздействие на объективность выборов в целом. В монографии подчеркивается, что «статистика [явки избирателей на выборы в ЕП] свидетельствовала о крайне

незначительном интересе европейского электората к выборам в наднациональный орган законодательной власти» [4, с. 14], демонстрируя вовлеченность менее половины от общего числа электората. При этом национальные выборы разных уровней неизменно показывают более высокий процент явки избирателей. Очевидно, что европейские избиратели остаются более заинтересованными в вопросах политики собственных государств, не придавая приоритетного значения наднациональным структурам. Пандемия COVID-19 сыграла в данном контексте особую роль: фокус внимания как граждан европейских государств, так и представителей власти сместился на национальные проблемы. Как отмечает в своей работе В. Я. Швейцер, показатели электоральной активности на общеевропейских выборах заметно различаются по странам: так, страны — члены ЕС «первого эшелона» демонстрируют более высокие показатели явки избирателей, тогда как «новички» Евросоюза в основном показывают сокращение явки на выборы, заметно отставая в процентном соотношении от первой группы. При этом последние выборы в Европарламент (2019 г.) в целом прошли в условиях роста явки избирателей [см. подробнее: 4, с. 15—17]. Автор объясняет подобную статистику тем, что именно лидеры ЕС из числа западноевропейских стран оказываются «на передовой» решения общеевропейских и глобальных проблем, а электорат этих государств, соответственно, больше информирован по данной повестке [4, с. 17].

Особое значение в контексте современных электоральных процессов в Евросоюзе имеет евроскептическая повестка. Как отмечается в монографии, «традиционный для части избирателей евроскептицизм постепенно смещался от недоверия к Евросоюзу и структурам евровласти к необходимости совершенствования несущих основ Старого Света» [4, с. 18]. Таким образом, меняется и риторика политических сил, делавших акцент в своих программах на «традиционном» евроскептицизме.

Относительно регулирования деятельности политических партий в Европейском союзе, как указывает В. Я. Швейцер, существует несколько официальных источников: «Договор о Европейском союзе от февраля 1992 г. и уточнивший его Лиссабонский договор определили их роль и место в конкретных органах законодательной власти ЕС. ...Договор о ЕС подчеркивает, что

транснациональные объединения, создаваемые на европейском уровне («европартии»), являются важным фактором интеграции внутри союза, должны служить выражению политической воли граждан ЕС» [4, с. 21]. Политические партии, таким образом, не только выступают субъектами политического процесса внутри Евросоюза, но и являются элементом интеграционной структуры объединения.

Важным выводом, к которому В. Я. Швейцер приходит в своей работе, является то, что «на рубеже нового тысячелетия традиционные структурные единицы европейской политики утратили многие родовые черты, свойственные им в прошлом. Схема левые — правые как самоидентификация основных политических игроков не вполне себя исчерпала, ибо сохранились идеологические различия и политическая конкуренция. Однако на практике всё заметнее проявляется превращение осевых партий истеблишмента как левой, так и правой ориентации в организации, добывающиеся электоральной поддержки, апеллируя к различным социальным слоям и группам» [4, с. 24].

Исследователь видит среди причин трансформации традиционного политического ландшафта и изменения в составе электората: так, «численно возросла категория ситуационного электората, перемещающегося, в зависимости от обстоятельств, от одного коалиционного партнера... к другому. Активен и протестный электорат, сориентированный как на традиционную оппозицию, так и на новые протестные движения, не вписывающиеся в привычную партийную схему» [4, с. 24]. Эти изменения стали катализатором распространения в Европе такого явления, как «политическая альтернатива», представители которой в своей риторике предлагают «новые» ответы на новые вызовы и угрозы европейской идентичности. Ситуация осложняется заметным падением доверия избирателей к традиционным политическим силам на фоне обострения ряда проблем. В. Я. Швейцер подчеркивает, что при этом понятие «популизм» некорректно применяется к явлению «политической альтернативы» [4, с. 25]. Следует согласиться с исследователем, поскольку «альтернативные» партии и движения в Европе не столько предлагают электорату «простые» решения важнейших вопросов, стоящих на повестке дня, и зарабатывают таким образом политические очки, сколько делают акцент на несостоятель-

ности инструментов и методов решения первостепенных задач традиционными политическими силами.

Говоря о «партийных семьях» Евросоюза, В. Я. Швейцер отмечает, что их важной особенностью является «разновозрастной» состав участников: какие-то партии существуют на европейском пространстве уже более века, а какие-то ведут свою историю всего несколько лет [4, с. 26]. Исследователь выделяет целый ряд подобных «европартий»: демохристиане и консерваторы, либералы, социал-демократы, «зеленые», левые социалисты.

Среди ключевых акторов общеевропейского партийного спектра автор, прежде всего, называет Европейскую народную партию — европейских демократов (ЕНП — ЕД), которая «стала парламентской частью созданного еще в 1976 г. объединения “Европейская народная партия”, позиционировавшего себя межстрановым партийным объединением христианских демократов и либеральных консерваторов» [4, с. 27]. В настоящее время, несмотря на разногласия и выход британских консерваторов, фракция «народников» является крупнейшей в Европарламенте. В монографии подчеркивается, что «“народники” постоянно занимали среди других фракций ЕП первое место как по проценту суммарно получаемых голосов, так и по числу своих парламентских представителей... фракция ЕНП не только самая многочисленная, но и наиболее географически разнообразная... За редким исключением в ее рядах представлены практически все страны — члены ЕС» [4, с. 28]. Немаловажным фактором, позволяющим «народникам» сохранять лидирующие позиции, является их прагматизм при внешнем сохранении традиционных принципов и установок, который в том числе помогает партии привлекать новых избирателей.

Большое внимание в монографии уделяется европейским либералам. Проследив эволюцию европейского политического либерализма, автор указывает, что «в XX веке он постепенно утрачивал свои новаторские функции... В свой актив либералы смогли записать лишь сохранившуюся... заметную роль в малых странах Европы — в Скандинавии и зоне Бенилюкса» [4, с. 33], и только в 1993 году появляется европартия «Альянс либералов и демократов за Европу», которая укрепилась на третьей позиции в общеевропейских выборах в начале XXI века. Как от-

мечает В. Я. Швейцер, невысокие показатели либералов на выборах свидетельствуют «об ограниченных возможностях влиять на решение текущих проблем», однако «практика коалиционного сотрудничества с ними во многих европейских государствах» свидетельствует о невозможности игнорировать эту фракцию в Европарламенте [4, с. 36].

Рассуждая о правых консерваторах, исследователь также подчеркивает, что их позиции традиционно сильны в целом ряде стран Европы в последние десятилетия [4, с. 36—37]. В заслугу партиям данного толка, находившимся у власти, можно поставить решение общеевропейских кризисных, в частности финансовых, проблем, миграционного вопроса.

Потери в позициях «народников» и либералов в ЕП в 2014 году В. Я. Швейцер увязывает с появлением на европейской политической арене парламентской группы «Европейские консерваторы и реформаторы», оттянувшей на себя часть голосов избирателей [4, с. 40]. Отличительной чертой этого объединения стало участие в нем партий националистического толка. Особое внимание исследователь уделяет «новолиберальному» проекту Э. Макрона, приведшему к формированию новой либеральной фракции в ЕП «Обновить Европу» [4, с. 42—43]. Примечательно, что новаторские идеи французского президента были встречены в Европе с некоторой настороженностью и не получили широкой поддержки. В монографии подчеркивается, что на фоне обострения кризисных явлений внутри ЕС в связи с Брекзитом на европарламентских выборах 2019 года «электоральный приоритет “народников” сохранился, однако теперь либералы стали не просто возможным, но и уже необходимым элементом в формировании властных структур Европейского союза», а Э. Макрон «становился главной фигурой переформированного правого лагеря» [4, с. 44].

Рассматривая социал-демократический элемент в общеевропейском политическом спектре, исследователь указывает, что он выступает традиционным союзником для правых партий: «...можно констатировать, что до последних выборов 2019 г. именно связка “народников” и социал-демократов, функционировавшая в основных западноевропейских государствах, могла без оглядки на другие фракции и группы ЕП определять вектор европейской политики» [4, с. 45]. Начало XXI века автор называет

«периодом поиска» для социал-демократов, отмечая заметные потери их позиций как в национальных государствах, так и на общеевропейском пространстве. «Итогом этого периода поисков стала определенная утрата реформаторами роли лидера европейских политических процессов» [4, с. 49].

Ряд изменений, произошедших в европейской и мировой политике в конце 2010-х годов, таких как миграционный кризис, рост безработицы, финансовые проблемы зоны евро, Брекзит, приход к власти в США Д. Трампа с его антиевропейской риторикой, оказали заметное влияние на партийно-политическую систему ЕС. В.Я. Швейцер отмечает, что все эти факторы оказали существенное воздействие на электоральные процессы в Евросоюзе [4, с. 55], причем именно социал-демократы несли основные потери. В целом по итогам выборов 2019 года, как отмечает исследователь, становится очевидной «утрата прежних позиций большинством партий истеблишмента в основных европейских государствах» [4, с. 57].

Подробно останавливаясь на рассмотрении внутриевропейских политических процессов в начале XXI века, автор монографии подчеркивает, что «триумvirат» социал-демократов, либералов и «народников» сохраняет основные рычаги власти в рамках Единой Европы, однако избранные по итогам выборов 2019 года на ключевые должности Еврокомиссии и Европейского совета фигуры не получили абсолютной поддержки как в ходе внутрифракционного голосования, так и в Европарламенте: «наличие новой легислатуры ЕП подтвердило наличие проблем как внутри фракций правящего большинства, так и у “триумvirата” в целом. Нельзя сбрасывать со счетов и мнение оппозиции» [4, с. 65].

В монографии детально рассматривается и деятельность так называемых партий «второго ряда». Автор отмечает, что эти силы для достижения прочного положения в ЕП должны были группироваться во фракции, однако совпадение в позициях не всегда позволяло сделать это [4, с. 66].

Среди подобных незначительных по численности в ЕП сил В.Я. Швейцер выделяет «зеленых», региональные партии, левых социалистов и так называемых национал-изоляционистов. Именно экологи традиционно демонстрируют устойчивые результаты на общеевропейских выборах, что позволяет им «получать

важные места в парламентских комитетах и даже претендовать на высокие должности в иерархии Европейской комиссии» [4, с. 68]. Эту устойчивость можно связать с традиционно крепкой общей платформой представителей всех национальных «зеленых» на общеевропейском поле, а также их способностью находить компромиссы и блокироваться с партиями истеблишмента.

Остановливаясь на вопросе деятельности этнорегиональных партий, В.Я. Швейцер подчеркивает, что «прежде всего это партии, интегрированные в систему исполнительной власти в качестве партнеров более крупных игроков своих государств» [4, с. 76], такие как баварский Христианско-социальный союз, итальянская «Лига», — партии, стремившиеся поддержать облик общенациональных сил. При этом можно выделить также национальные региональные силы, ставящие во главу угла отделение «своего» региона от национального государства, в состав которого он входит (Шотландская национальная партия, каталонские сепаратисты). В свою очередь, этнорегиональные партии занимают умеренные позиции, что позволяет им добиваться успеха как на национальном, так и на общеевропейском уровне. Важным фактором, влияющим на позиции региональных сил, является обострившаяся после Брекзита риторика в ЕС о сохранении единым и неделимым европейского интеграционного объединения и его составных элементов.

Для европейского левосоциалистического компонента важным фактором является наследие коммунистических партий ряда стран, особенно для стран с традиционно сильными компартиями вроде Италии и Франции. В настоящее время партии этого рода представлены в Европарламенте фракцией «Европейские объединенные левые — Лево-зеленые Севера». В.Я. Швейцер в своей работе отмечает: «Привлекает внимание полицентричность тех идейно-политических позиций, которые позволяли объединяться левым разных воззрений» [4, с. 81]. Это, однако, изменилось к последним выборам в Европарламент в 2019 году: ряд событий, потрясших Европу в предшествующие им годы, усилил разногласия в левосоциалистическом лагере и осложнил задачу левых по выработке общих программных тезисов. Следует согласиться с автором монографии в том, что крайне левые европейские политические силы имеют значительный потенциал

для электоральных успехов в условиях турбулентности в экономической и социальной сферах, при этом не имея широких перспектив в отдельных национальных государствах [4, с. 86].

Отдельное внимание в монографии уделяется так называемым партиям «евроскептиков» или «националистов» в ЕП. В.Я. Швейцер дает авторское определение этим силам — «национал-изоляционизм», отмечая их стремление «изолировать государства, в которых они действуют, от объективных тенденций глобального и континентального развития» [4, с. 86—87]. Приоритет национальных ценностей над общеевропейскими, однако, не делает подобные силы «изоляционистскими», а, кроме того, в отдельных случаях мобильность взглядов этих партий и движений позволяет им успешно использовать и «европейскую» риторику. В монографии отмечается, что «национал-изоляционисты являются на сегодняшний день весьма заметной силой в электоральном общеевропейском пространстве» [4, с. 87]. Важной характеристикой партий подобного типа является усиление позиций в целом ряде европейских государств в последние десятилетия, что положительно сказалось и на их положении в европейском представительстве. По итогам европейских выборов 2019 года в ЕП сформирована фракция «Идентичность и демократия», объединившая целый ряд национальных политических партий из разных стран и занимающая 4-е место по численности в парламенте.

В.Я. Швейцер в своей работе отмечает, что «выборы в ЕП являются лишь частью электорального европейского процесса, формирующего органы законодательной и исполнительной власти современной Европы» [4, с. 95], и важной составляющей данного процесса остается динамика позиций политических сил в рамках национальных государств. При этом в монографии подчеркивается, что «национал-изоляционисты» не оказывались у руля политической власти ни в одной стране ЕС, ограничиваясь в лучшем случае ролью младших партнеров в правительственных коалициях. Следует согласиться с автором в том, что по мере продвижения в национальной властной иерархии представители «национал-изоляционизма» заметно снижают уровень евроскептицизма, стремясь упрочить свои позиции расширением электоральной поддержки.

В монографии сделан важный вывод о том, что партийный компонент Евросоюза оказался малоэффективным и фактически не оказывает влияния на решение важнейших проблем интеграционного объединения [4, с. 98]. Неустойчивость межпартийных коалиций в ЕП подтверждает низкий уровень функциональности партийной системы ЕС. Критически важным показателем проблем функционирования структуры общеевропейского дома является неизменно низкий уровень явки избирателей на выборы в Европарламент в сравнении с национальными выборами. Это свидетельствует о сохранении в представлениях граждан стран — членов ЕС «второстепенности» общеевропейских вопросов относительно внутристрановых. Эти представления особенно проявили себя в свете кризиса, связанного с пандемией COVID-19, когда решение национальных проблем стало тотально превалировать над задачами расширения и углубления интеграции в рамках Евросоюза. В целом система общеевропейских органов власти остается скорее декоративным фасадом, чем аппаратом принятия реальных решений, которые по-прежнему остаются за политическими лидерами Единой Европы.

Литература

1. *Гаврилова С.М.* Феномен правого популизма в современной Европе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 4 (26). – С. 212–221.
2. *Гаврилова С.М.* «Несистемные» политические партии в странах Европы // Международная жизнь. – 2018. – № 10. – С. 125–140.
3. *Осколков П.В.* Старые и новые действующие лица европейского национализма (декабрь 2020 – февраль 2021) // Европейский союз: факты и комментарии. – 2021. – № 103. – С. 87–90.
4. *Швейцер В.Я.* Партийно-политическая система Европейского союза в начале XXI века: монография. – М.: Ин-т Европы РАН, 2021. – 110 с. – (Доклады Института Европы РАН № 383).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2022. № 2 (32)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 17.06.2022. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 12.75
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5